

РЕБРОВА АЛЕНА

ЦВЕТНЫЕ СТАИ

16+

Алена Реброва
Цветные Стаи

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Реброва А. Д.

Цветные Стаи / А. Д. Реброва — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Всю свою жизнь ты ютился в тесной пещерке, выдолбленной в сердце громадной плавучей горы посреди океана – последнего приюта человечества. Все, чего ты хотел, - жить и работать, делая людей вокруг чуточку счастливее. Однако, тебя называют преступником и выкидывают наружу, в царство соленой воды и палящего солнца. Теперь ты - часть цветных стай, а твоя судьба – это свалка, ядовитые отходы и рабский труд на благо колонии. Но новый мир оставляет выбор: сохранить человеческую природу и погибнуть по воле Закона, или изменить ей, чтобы выжить и написать свой собственный...

Содержание

Первая часть	6
1. Зеленая водоросль	6
2. Голубая Луна	11
3. Черная вода	17
4. Оранжевое солнце	26
5. Остров желтых	36
6. Дитя красных	47
7. Пурпурный глаз	57
8. Синий металл	74
9. Белый дым	84
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Примечание: при оформлении обложки была использована иллюстрация, созданная автором книги.

Первая часть

1. Зеленая водоросль

Я сидел и смотрел вперед, не думая ни о чем конкретном. Приколотый к стене синегрибный гриб тлел, окутывая все вокруг крепким дымком. Дурманивший дух помогал зависнуть где-то между пространством и временем. Все, что я ощущал, это пустая голова и одно-единственное желание: ни за что на свете не выходить из этого состояния.

– ... Эй, девочка, может, прекратишь уже томно вздыхать и делом займешься? – мое уединение прервал голос, напоминающий рев парового механизма, – достояние командира, двухметрового поджарого мужика по имени Карпуша.

Когда некоторые матери выбирают имена, они не задумываются над тем, кем может стать их розовощекий карапуз, когда вырастет. Карпуша стал подрывником. Из подручного мусора он может состряпать такую взрывчатку, которая разнесет в пыль десяток людей, как будто никого и не было. Я слышал это от стражников, а они не любят травить неправдивые байки.

– Я-то думал, я сюда отдыхать пришел, – усмехаясь, я неспеша тушу гриб. Мне хотелось оттянуть тот момент, когда придется выйти из комнаты. Но больше тянуть было нельзя: уже сам командир ко мне пожаловал.

– Уже два дня сидишь тут, размазывая сопли! На дне морском отдохнешь, – рыкнул Карпуша и вышел. Шаг у него был тяжелый.

Я встал и поплелся за ним, прочь из своего шалаша, в новую жизнь. Проходя через дверь, я чувствовал себя мертвецом, который отлежал на столе положенные дни и теперь, наконец-то, окончательно похоронен. Когда я закрыл глаза и вдохнул воздух улицы, запах оказался как раз таким, какой должны чувствовать мертвые в своих могилах.

Место, куда я попал, было похоже на свалку. О чем это я, это и есть свалка, только во много раз больше тех, что могли встретиться на Остове. Свалка была настолько огромна, что все уже давно забыли, что это свалка, и даже дали ей имя. Невзрачное, но уж какое есть – Огузок.

Огузок был вполне земным местом, на деле – лишь огороженная территория. Но для тех, кто попал сюда за свои грехи, не было пути назад, к прежней жизни, потому сравнение с мистическим царством мертвых ему вполне подходило.

На Огузок выселяли тех, кому не хватило места на Остове. Наше великолепное правительство снабжает жильем исключительно достойных граждан нашего оплота, оставшихся же недостойных приходится выселять на Огузок. Воры, убийцы, торчков и прочих дебоширов. Поговаривают, калек и больных сюда тоже отвозят. На Остове их, по крайней мере, никто не видит. Или мы просто поразительно здоровая нация.

Огузок – это место, куда попадают низкосортные люди. Такие рабочие ресурсы, которые убивать жалко, а под боком держать неприятно. Сейчас в их число попал и я... еще две недели назад лучший ученик Белого Нарвала, а теперь кто? Отброс общества, ненужный кусок плоти, которое до конца дней своих будет гнить в других отбросах.

– Начнешь работать отсюда. Все просто. Ищешь себе маску и мотыгу. Потом находишь кучу разлагающейся меналии и размазываешь тонким слоем по поверхности, – объяснял Карпуша, ведя меня по улицам, где работали другие люди.

Стройные груды мусора, в которых местные прорубили себе дороги, казались чем-то вроде пластов горной породы. В этих лабиринтах не трудно было заблудиться.

– Тебе ведь не надо объяснять, что такое миналия? – спросил Карпуша, искоса глянув в мою сторону.

– Зараженная водоросль, – мне даже не пришлось думать над ответом. Пока шел суд и меня определяли на Огузок, я многого наслушался от стражников, сторожащих меня в яме.

Миналия – это результат древней катастрофы. Некогда живительное растение, теперь ядовитая и опасная для людей жижа зеленого цвета. За несколько часов она разлагается в невероятно полезную штуку, которая помогает травам и овощам расти на глазах. Чтобы поскорее получать из ядовитых отходов свеженькое удобрение, правительство обязало жителей Огузка следить за гниением, перемешивать субстанцию, тщательно прогревая ее на солнце. Новички тут же заболели и почти все умирали от вдыхаемого яда. Но те единицы, которым удавалось выжить, могли есть миналию на завтрак.

– Зеленая миналия – перемешивай, темно-коричневая – собирай в ведро и относи в кучу. Ее будут забирать каждый вечер. Как прозвучит сигнал, возвращаешься сюда, – Карпуша указал на зелено-белый кусок тряпки, уныло повисший на ржавой арматуре. – Это – наш флаг. Мы работаем только за зелеными флажками. Сунешься к чужим – побьют. Из мусора брать можно все, что захочешь, но, если устроишь обвал, под ним и сдохнешь: выкапывать никто не станет.

– Так точно, – я уныло отдал честь.

– Работай, шут!

Карпуша махнул мне рукой, мол, пшел отсюда, и отвернулся, чтобы прикрикнуть на кого-то. Больше я ему был неинтересен.

Развернувшись, я зашагал прочь, подальше от людей и громкого голоса подрывника: после грибов все в голове немного плыло, и громкие звуки отдавались тупой болью в затылке.

Уйдя с площади, где собирались рабочие, я прошел около двухсот метров, и тогда вдруг оказался в полной тишине. Ни голоса.

Я остановился.

Там, на Остове, никогда нельзя было уйти от человеческих голосов: они были повсюду, эхом отражались от каменных стен снова и снова, наполняя гигантский купол своим суетливым звучанием. Этот звук всегда был с тобой. Куда бы ты ни пошел, ты знал, что не один.

Но здесь было не так. Я вслушивался и понимал, что в моей голове звучат нечеловеческие, дикие, враждебные звуки. В них нет смысла, нет слов, нет даже эмоции, как в писке животного. Чудовищные завывания неживого монстра – природы.

Океан. Его коварные волны накатываются на берега Огузка, будто пытаются сточить ее, как сточили некогда материки. Каждый раз тихим шепотом угроза: «Поглощаю... поглощаю... поглощаю».

Ветер. Никогда раньше я его не слышал, но мне рассказывали, на что это похоже. Он гоняет пыль и срывает с тебя одежду, пасет огромные скопления газа в небе. Такой же сильный, как океан, но ему до нас дела нет, его волнуют только отбившиеся от стада клочья облаков.

Солнце. Я уверен, что слышу, как звенит его свет, и чувствую, как его лучи щупают мою одежду, ища хоть щелочку. Кровожадный хищник! Рыбаки говорили мне, что безопаснее оказаться в бассейне с акулой, чем под открытым солнцем без навеса. Оно сожрет тебя живьем, и не подавится.

Они были правы.

Я поплотнее натянул капюшон, но нос все равно выглядывал. Он покраснел и его сильно жгло, но ткани не хватало для защиты.

Я зашагал дальше, стоило найти тень.

Вокруг тянулись гротескные лабиринты из двухметровых стен, отовсюду смотрят тысячи обломков. Тут было все: осколки костей неестественной формы – сломанные инструменты, деревянные щепки, обломки хижин, останки животных, но больше всего – по неясной причине прекративших гнить тканей. Весь этот мусор был как будто склеен чем-то.

Однажды, еще будучи семилетним мальчишкой, я вместе с другими ребятами отправился в место, где бережно хранились старые вещи, свидетели тех времен, о которых нашим прабаб-

кам рассказывали их прабабки. Дети могли посмотреть, чем пользовались люди до того, как вся жизнь оказалась под водой. Можно представлять, как люди-хозяева жили на земле, к чему стремились, чему они радовались... чему они могли огорчаться, имея возможности уйти от чего угодно. Тогда я понял, чего на самом деле хочу в этой жизни. Я понял, что должен сохранить что-нибудь для потомков, и не своих лично, а вообще для всех, для всех людей будущего. Тогда я решил стать летописцем. Это было четырнадцать лет назад.

Сейчас, бродя по этой великой свалке, я вдруг почувствовал себя так же, как в том музее. Эти груды мусора тоже хранила в себе историю, только не тех людей, которые жили на земле, а нашу, морских отщепенцев, живущих внутри каменного айсберга. Тут, в самом низу стен, были даже такие вещи, которые использовались еще в те далекие времена, когда Остов свободно плавал в океане! Он перестал дрейфовать после мощного землетрясения, во время которого всплыл огромный кусок суши, – будущий Огузок, – на которой и наткнулся наш остров. Нежданный подарок судьбы, огромный кусок суши. Обезумев от счастья, люди бежали с Остова, мечтая отхватить себе участок на новой земле. Но счастье было недолгим. Не прошло и четырех дней, как появились первые погибшие. Люди задыхались, их кожа лопалась от ожогов, а внутренности кровоточили от ядов.

Всплыв с самого дна, Огузок принес на себе чуму, сгубившую все живое еще сотни лет назад. Покоясь на дне, концентраты менялись, въедались в гены животных и растений, отравливали землю на многие метры в глубину. И теперь ядовитый оазис радушно распахнул объятия для нового вида.

Это было около сотни лет назад, когда на Огузке закопали труп первого человека. Но земля есть земля. Огузок никогда не был пустым, с самого первого дня на нем должны были погибать люди. Сначала это были первопроходцы, потом исследователи, и, наконец, преступники. Когда стало ясно, что Огузок полон ценными и неизученными ресурсами, люди охотно стали отказываться от докучливых соседей, выгоняя их наружу, на верную смерть во благо колонии.

Следы от тех первых поселений сохранились до сих пор, их можно было обнаружить в нижних слоях свалки.

Мне захотелось покопаться в этих пластах истории, написать о том, как одни предметы сменяли другие, как мы приспособлялись к жизни на Остове... Но сразу же за этим желанием пришло тяжелое осознание того, что я больше никогда ничего не напишу. Именно для этого меня и упрятали на Огузок: я не должен больше писать, не должен ни о чем думать. Мои мысли опасны для людей, так они говорили? То, что я несу в этот мир, отравы. Я мешаю человечеству выжить.

Я нашел себе мотыгу, кривую закаменевшую под солнцем палку, и повязку. Когда-то эта повязка была курткой, которая спасала чью-то жизнь. Интересно, почему ее вдруг выкинули...

Неподалеку нашлось и старое скелетное ведро.

Отыскав по запаху кучу гниющей миналии, я стал остервенело грести.

От ветра и от того, что каждый раз я наклонялся к самой земле, капюшон вскоре слетел. Я заметил это, когда почувствовал, будто затылок натерли жгучей мазью. Но я не стал натягивать ткань обратно.

Светло-зеленая жижа, кое-где уже потемневшая от солнца, источала едкую вонь, от которой у меня кружилась голова, но я перемешивал, наклоняясь пониже, чтобы запах впивался в волосы. Испарения жгли носоглотку, выбивая из головы все мысли.

Я чувствовал, как тело сопротивляется, как щекочется желание отойти от отравы в тень. Но тем усерднее я выполнял работу.

Закончив с одной кучей, я оставил ее дальше прогреваться на солнце и взялся за другую, потом за третью. Я бродил по лабиринту, иногда мне попадались другие люди, чьи лица закрывали тряпочные повязки. Они тоже гребли, не обращая внимания ни на что вокруг. Было

похоже, что тупая однообразная работа на протяжении многих лет отняла у них интерес к жизни, но мне не было их жаль, я им даже немного завидовал. Среди всех этих людей Карпуша казался единственным живым: только он еще мог говорить. Как правило, он орал на лентяев, и его голос отдавался особой эмоцией, напоминая, что здесь, на Огузке, тоже есть место человеческому.

Когда я слышал этот голос, я начинал думать, а мне этого не хотелось. Присутствие чего-либо очеловеченного рядом вызывало стыд. Поэтому я ушел как можно дальше, до самого глубокого тупика, и погрузился там в работу, не жалея ни спины, ни рук.

Прошло сколько-то часов, нас собрали у хижин, где раздавали еду и воду. Я смог выпить немного воды, но к еде не прикоснулся: было такое чувство, что желудок превратился в затвердевший комок глины. С пустой головой, в которой нарастал легкий шум, я отправился работать дальше. Я нашел самые свежие, самые ядовитые кучи, и стал грести.

Я размышлял о том, как быстро я почувствую, что яд действует. Мне казалось, что он уже внутри меня, что из легких кровь уже разнесла его по мышцам, и каждым движением я приближаю себя к смерти.

Я родился слабым. Я всегда знал это. Я знал, как выглядят крепкие, здоровые люди, которым суждено жить. А я... я болел чаще, чем остальные.

Мать всегда говорила мне, что мое первое десятилетие – счастливая случайность. На второе десятилетие она сказала, что я, наверное, доживу до ста лет.

Но сегодня я понял... нет, я решил. Я решил, что умру в двадцать два.

Вечером я тоже не смог поест, а к следующему полудню меня начало беспрестанно рвать. Это были первые признаки отравления.

Меня даже не попытались вылечить, просто оставили в своей хижине с ведром воды и пустым тазом. Я валялся на земле, не чувствуя своего тела и не зная, нахожусь ли в сознании: весь мир превратился в расплывчатое пятно пяти ощущений. Цвета были такие же, как запахи, а боль напоминала чей-то голос. Я ничего не понимал, думал, что я пятно краски в размазанной цветной луже. Иногда краски в луже разделялись и становились сами по себе: отдельно синий, отдельно желтый, и я, я становился ядовито-зеленым пятном. Я становился светлее и светлее... Это был приступ рвоты. Бесконечная боль в желудке позволяла привыкнуть, но острые судороги возвращали к жизни: тогда я понимал, что я человек в хижине с желтой землей и синими стенами, что я еще не умер. Это длилось не больше минуты. Иногда я пил воду, которая ненадолго унимала жар внутри: не давала краскам в мире-луже засохнуть и свернуться. Вода в ведре никогда не кончалась, а другое ведро всегда было пустое. Пятно смешанных красок снова захватывало меня.

Однажды среди невнятных образов промелькнул один очень понятный и знакомый, это было лицо моей матери. Она растила меня одна, без отца. Попав на Огузок, я сломал ей жизнь... ведь я был для нее всем. Я уцепился за эту мысль, такую ясную, такую человеческую, и телесная боль начала отступать перед болью иного рода. Я мучился, думая о матери, а потом стал вспоминать других людей, для которых я все равно что умер. Я вспоминал друзей, наставников, вспоминал работу глашатаем у извещателей. Вспомнил, как написал песню о Великом Потопе, как был счастлив, когда мне разрешили петь ее на главной площади. Но после первого же выхода меня схватили стражники. Мой начальник сказал им, что не давал мне никакого разрешения петь подобное людям, что я смутьян и мои идеи давно вызывали у него нехорошие подозрения. Дальше суд, яма, слепящее солнце... иссушающий ветер... зеленая вода... Огузок.

Картины и воспоминания прокручивались в моей голове раз за разом, иногда в неправильной последовательности, иногда не с теми событиями. Я видел, как люди пели мою песню во время работы, но понял, что это неправда.

Однажды сквозь череду размытых образов я увидел синие стены своей хижины. Они были такими отчетливыми, что сначала я не понял, в чем дело. Я поморгал, осмотрелся вокруг,

и только тогда осознал, что проснулся. Я понял, что я жив, но не стал задумываться об этом. Томящая боль где-то вокруг желудка ощущалась, как пустота, сосущая меня изнутри. Нужно было поесть.

Я с трудом встал и выбрался наружу. Свет солнца слепил меня, но я все равно шел, сильно шатаясь и цепляясь за все вокруг.

Первый, кого я встретил, был Карпуша. Я узнал его по голосу: к тому моменту я уже ничего не видел из-за пятен в глазах.

– Поглядите-ка, кто выкарабкался! – прорычал он своим буйным голосом. – Пошли, покормим тебя.

Он отвел меня в столовую, откуда доносился славный рыбный запах. Я набросился на похлебку, как голодный зверь, и не мог успокоиться, пока не съел пять или шесть мисок. Потом на меня навалилась приятная тяжесть, захотелось спать. Карпуша помог мне добраться до хижины, где я тут же уснул.

На следующий день командир пришел ко мне и сказал, что из всей партии новых я единственный, кто выжил.

2. Голубая Луна

Выздоровление длилось несколько суток. С каждым днем я чувствовал себя сильнее, все больше осознавал происходящее, отчетливее вспоминал прошлое. Меня не заставляли работать, потому большую часть времени я спал или ел.

На пятый день с того момента, как я сам вышел из хижины, я уже сам запросился наружу. Мне стало скучно сидеть взаперти, к тому же, у меня было много времени подумать о том, что мне делать дальше.

– Я не сомневался, что ты померешь, – сказал мне Карпуша вечером в столовой. – Такие хилые всегда умирают первыми. Вот вместе с тобой прибыл крепкий парень, отличный работник, смог бы грести за троих! Но он помер, вода его заberi! Случай подвел нас всех, малек... мы не сможем выполнять план, и твоя жизнь обойдется нам урезом пайка. Сдохни до конца недели, и ты сделаешь мне большое одолжение!

– В этот раз надышусь так, чтобы наверняка, обещаю! – усмехаюсь ему в ответ. – Может, раз к миналии у меня теперь иммунитет, дашь мне другую работу? – все же шутки шутками, а об этой мерзкой водоросли я теперь даже думать не мог.

– Нет тут другой работы! У нас каждый день тонна свежей миналии, – сказал Карпуша, со смаком высасывая из супа щупальца осьминога. – Нас всего пятнадцать, а работы на тридцать человек. Завтра с утра мотыгу в руки и идешь грести. И без разговоров! Если мы не выполним план, нам перестанут давать еду.

– Я понял, – ответил я, грустно уставившись в свою пустую тарелку. После болезни я начал есть в три раза больше, чем обычно, но дополнительный паек мне давали только пока я не мог ходить.

На следующий день я взял мотыгу, набрал ведро миналии и отправился грести свои кучи поближе к людям.

– Ну и погодка сегодня, а? – весело спросил я у мужика, который месил миналию руками. Он даже не обернулся. Даже глазом не повел.

Пожав плечами, я затащил потуже завязки капюшона и принялся за работу.

К обеду я уже перепробовал заговорить со всеми, но из пятнадцати человек ответил мне только Карпуша. Его «заткнись» показалось чем-то совершенно изумительным, потому что остальные люди напоминали человекоподобных безмозглых рыб. Они не говорили, не слушали, не смотрели, только медленно месили миналию.

После обеда я решил уйти подальше, мне больше не хотелось быть частью этого человеческого стада. Единственное, что у меня осталось ценного, это желание жить, пробудившееся после болезни. Мне не хотелось, чтобы его погасили их очумевшие от работы морды.

Шли дни, я продолжал работать вдалеке ото всех. Я старался изо всех сил, чтобы выполнить Карпушин план, но каждый день у меня все равно была недосдача, а, значит, на обед я получал меньше. Поначалу меня это беспокоило, но потом я понял, что переживать бессмысленно. Как бы усердно я ни работал, план мне не выполнить, а, значит, больше еды я не получу. Но и урезать паек мне нельзя: если я умру от голода, пропадет работник. Поэтому я работал, сколько мог, но не загонял себя.

Голод и жажда стали привычными, боль в мышцах и обожженная кожа – тоже. Сон стал единственной отрадой, да еще небо.

На Остове я никогда не видел его, только пару раз через окна в доме Белого Нарвала. Окна были только в домах у самых влиятельных жителей.

Теперь же у меня было свое окно, больше, чем самого Командующего Остовом. Подняв голову, я мог смотреть на небо, которое каждый день было разным. Даже в самое паршивое

утро я вставал раньше всех, чтобы увидеть рассвет. А закат становился для меня наградой за то, что я прожил еще один день.

Я был жив и у меня даже появились какие-то радости, но полноценной жизнью это назвать было нельзя. Мне болезненно не хватало общения.

Карпуша был единственным из местных, кто еще мог говорить, но он меня ненавидел. Каждый вечер за едой я усаживался возле него и начинал трепаться обо всем на свете, а он желал мне поскорее сдохнуть. Я радовался, как ребенок, даже этому.

Однажды я прогуливался по свалке, рассматривая причудливые предметы, застрявшие в пластах мусора. Заглядевшись, я забрел в какое-то незнакомое место и в конце концов очутился в тупике. Я уже подумал было развернуться и пойти обратно, но тут услышал чей-то голос прямо за мусорной стеной: какой-то мужчина пел песню.

Мурашки пробежали по позвоночнику до самого горла.

Неужели тут есть такие, кто еще может петь? Встреть я сейчас русалку, сидящую на куче жемчуга, я бы и то не так удивился!

Я встал поближе к стене и стал прислушиваться. Не прошло и пары минут, как подначиваемый ударами кирки выразительный низкий голос полностью меня заморозил. Мне показалось, что я родился, зная эту мелодию и эти слова!

– Я родился однажды во время грозы,
Из мяса и крови – соленой воды.
Солнце палило, кирка ждала:
Я взялся за работу, не жалея себя.

Работай день и ночь, гребь, пока можешь:
Ты выиграл день жизни, но не стал моложе.
О, море, не зови меня, ведь я не приду!
Я продал душу острову, теперь не умру...

Дослушав последнюю строчку припева, я понял, то во что бы то ни стало должен познакомиться с певцом и выучить песню наизусть.

Стена, за которой звучала песня, показалась мне достаточно крепкой, чтобы вскарабкаться по ней и спуститься на другую сторону.

Я быстро влез наверх, цепляясь за выступающие из груды мусора предметы. Острые края обдирали кожу на руках, но не обращал внимания.

Оказавшись на стене, я обнаружил тонкую нить, на которой висели выцветшие тряпочки, некогда зеленые, теперь почти белые.

Все это было похоже на ограду, про которую говорил Карпуша. Помнится, он сказал, что, если я выйду за зеленые флажки, меня побьют... Наверное, безопаснее будет сначала поговорить с певцом, а потом уже жать ему руку за отличное исполнение.

Вобравшись на вершину стены, я осмотрелся и обнаружил, что вокруг нет никого, кроме почти голого чернокожего старика. Он был тощий, одни кожа да кости, и из самых разных мест его блестящего черного тела выглядывали белоснежные волосы, жесткие, как проволока.

Не разгибая своей натруженной костлявой спины, он бил киркой по огромному камню.
– Эй! – крикнул я, решив, что раз здесь только один старик, то бояться мне нечего.

Услышав меня, мужчина довольно ловко для своего возраста выпрямился и резко обернулся, пронзив меня жутким взглядом бирюзовых глаз без зрачков. От изумления я чуть не вскрикнул: безобидный старик вдруг показался мне страшилищем, нелюдем, который мог наброситься на меня... Эти неестественно ловкие движения, жуткие глаза...

Я почувствовал, что начинаю падать, и покрепче схватился за стену.

Лицо чернокожего старика сморщилось, став похожим на сушеный гриб. Он брезгливо выпятил губу.

– Чего тебе, малек? – спросил он вполне человеческим голосом. У него было необычное, «круглое» произношение. Это меня приободрило. По крайней мере, хотя бы в этом он походил на тех людей, к которым я привык на Остове.

– Потрясающая песня! – сказал я, набравшись храбрости. – Где вы ее слышали?

– Здесь ее все поют, – ответил старик. Взгляд его стал дружелюбнее после моей похвалы. –

Но придумал ее я сам много лет назад.

– Научите меня?

– А почему бы и нет?

– Я могу спуститься?

– А что нет-то?

– Мне сказали, по вашим правилам нельзя переходить границы...

– Но ты уже перешел, разве нет?

– Возможно.

Я спрыгнул со стены и подошел к чудному старику. Вблизи я заметил, что зрачки у него все же есть, маленькие и незаметные. Видимо, он такой же, как и любой другой чернокожий старик, а его жуткие глаза – это все та дрянь, отходы, с которыми он работает.

– Найди себе кирку, малек, – велел мне он. – Эту песню нельзя учить, не работая. Старая Луна научит тебя петь и работать с морскими камнями!

Я отыскал себе в хламе «кирку», которая будто дожидалась меня, снял маску и стал вместе со своим новым знакомым молотить по огромному камню, откалывая от его скорлупы плоские черные куски.

После пары-тройки ударов Луна затянул своим скрипучим голосом песню, я подхватил ее, начиная с куплета, и стучать киркой стало веселее.

После нескольких часов работы, когда песня уже прочно сидела в моей голове, а мышцы гудели от напряжения, черная скорлупа, наконец, слезла с камня. Оказалось, что внутри у него бирюзовая сердцевина, напоминающая по цвету морскую воду, ту, которую можно встретить у белоснежного песчаного берега.

– Вот она, паршивка! Я-то думал, побольше будет! – крикнул старик, погладив камень морщинистой рукой. – Ну, ничего, тоже добрый улов. Пошли, поможешь мне дотащить ее, малек.

– Разве мне можно ходить в чужой лагерь? Мне говорили, что это опасно... что вы не любите чужаков.

– Это и вправду опасно, но первый раз новичку можно простить, – старик хитро мне подмигнул, заворачивая камень в прочную ткань. Взявшись за разные концы получившегося кокона, мы потащили его в сторону места, где, как я понял, собиралась стая старика. – Эти хитрые ублюдки хотят, чтобы мы работали порознь, придумали свои пайки, чтобы мы стали послушнее. И мы хороши! Согласились даже избегать друг друга за лишний глоток настойки! Понимаешь, о чем я?

– Вам дают настойку!? – изумился я.

– Можно и так сказать, – усмехнулся старик. В его голубых глазах появился хитрый блеск.

– Я тут недавно и почти ничего не знаю, – признался я. – Расскажи мне про это место.

– И про цветные стаи не знаешь? – старик удивленно на меня покосился. Я помотал головой. – Эх тебя! Не знать даже про стаи! Что ж, тогда я тебе расскажу. Нас тут семь стай: Зеленые, Синие, Желтые, Красные, Фиолетовые, Оранжевые и Голубые. Всегда так было, с самого начала. Сначала правил почти не было, но потом стражники придумывали их все больше и больше. Самое главное правило: ни одна стая не должна общаться с другой, понимаешь? Если

прознают, что кто-то говорил с другой стаей, лишат дневной еды всех. Это все потому, что они боятся, как бы мы не объединились и не прогнали их отсюда.

– Условия? – я улыбнулся. – Да в одном серьезном патруле больше стражников, чем людей на Огузке! Да и что это за люди? Те, что работают со мной, даже друг с другом не разговаривают, а их всего пятнадцать! Они и крабов не прогонят от своей миски!

– Потому что среди зеленых те, кто пил слишком много морской воды и курил подгнившие грибы. Эти долго не живут, – сказал старик. Усмешка не сходила с его лица. – Нас вот, голубых, шестьдесят человек – мы воры и держимся дружно, не даем друг другу пропасть. Желтых больше сотни, они ученые, попавшие в изгнание, и надо видеть, как роскошно они устроились! Они даже воду сами добывают. Оранжевых, верующих, наберется, может, больше полтысячи, а эти ребята почти бессмертны. Поговаривают, красных, убийц, и того больше. Нас много, уж поверь старой Луне! Я тут с четырнадцати лет, работал, когда на Огузке не стояло и трех сотен хижин. А сейчас что? По величине мы выросли почти как половина Остова, и с каждым годом нас больше! Нас много, малек, и эти акулы нас боятся, что бы тебе ни говорили. Вот для чего эти правила.

– В голове не укладывается! – выдохнул я.

В один миг все изменилось, и мир, в котором я оказался, стал выглядеть совершенно иначе. Жизнь на Огузке окрасилась в новые цвета.

– Выходит, деление на цвета – деление по преступлению? Я думал, это просто так... Получается, что со мной вышла ошибка. Если зеленые – это полуживые торчки, то почему я с ними? Меня должны были определить к синим!

– Особо идейных к синим никогда не отправляют: с ними и так много проблем, – объяснил старик. – А среди зеленых такие идейники быстро погибают. Им дают особые грибы, после которых они совсем теряются, хотя работать могут еще долго.

Я вспомнил о том, что как только прибыл на Огузок, один из стражников дал мне корзинку грибов. Он сказал, это поможет мне продержаться.

Действительно помогло, чтоб его! Эти грибы выкурили из меня все остатки разума! Была бы у меня голова в порядке, я выбирал бы уже разложившиеся кучи, чтобы привыкнуть к миналии и легче перенести первое отравление.

– Это многое объясняет, – сказал я, решив про себя, что необходимо уничтожить все грибы в нашем лагере. Может, тогда мои соратники станут похожи на людей? Воды их заберут, может, они даже начнут говорить?... В такое счастье даже не верится! – Расскажи мне еще об Огузке. Все с Остова уверены, что тут не больше двух сотен человек и все они конченные люди, как зеленые. А, выходит, все совсем не так... ты совсем не похож на остальных.

– А что тебе еще рассказать, малек? – старик искренне наслаждался нашей беседы. Его добродушная улыбка совсем не походила на озверевшее лицо человека, подыхающего от работы. Более того, Луна выглядел как... воды его заберут, он выглядел счастливым человеком!

– Ну... Что такое морские камни, которые ты дrobiшь? Я думал, тут все работают только с миналией.

– Не, не все миналию гребут, что ты, – старик мотнул головой. – У воров вот хорошие руки, ловкие пальцы. Из морских камней мы вытаскиваем драгоценные жилки. Это наша задача.

Я хотел задать следующий вопрос, но мы уже дошли до площади, куда приносили свою работу голубые. Здесь уже собралась вся стая, было как раз время обеда.

– Луна! Кого ты к нам притащил, старый ты тюлень!? – крикнул один из молодых ребят. Его глаза только начали подергиваться голубоватой дымкой. – Твое счастье, что стражники только что уплыли после осмотра, так бы нам сейчас всем влетело...

– Это новенький зеленый, – ответил старик, сгружая свой морской камень в общую кучу. – Ему так понравилась моя песня, что он перелез через стену!

– Да? Не похож ты на зеленого, – усмехнулся парень, подходя к нам. Он был примерно моего возраста.

– Меня должны были поместить к синим, – ответил я, немного гордясь тем, что знаю это.

– За что это? Там обычно люди постарше, – он придирчиво меня осмотрел. – Или они уже и детей в измене человечеству обвиняют?

– Я спел песню про потоп на главной площади, – рассказал я. – Мне разрешили, но, когда страже не понравилось, соврали, что я действовал против указа.

– Вот как, – парень уважительно выпятил губу, а потом улыбнулся. – Ну, здесь ты можешь петь все, что вздумается, за песни тебе никто ничего не сделает! Меня зовут Горбатый Кит, но друзья зовут меня просто Кит. А ты кто?

– Мое имя Белый Дельфин, но друзья всегда придумывают мне дурацкие прозвища, – улыбнулся я, пожимая руку Кита.

– Да, ты меньше всего похож на белого дельфина... скорее на больного морского котика! – засмеялся парень. – Ладно, пойдем, покормим тебя, Котик. Любишь рыбу?

Я отправился в столовую вместе с новым приятелем и Луной. Кит не умолкал ни на секунду, рассказывая старику о том, как удачно обчистил привезших им еду стражников.

– Сегодня мы обязательно попируем! – уверял он.

В хижине собралось очень много голубых. Все они, в отличие от Луны, были с ног до головы укутаны защитной тканью, но руки и лица их так же покрывали следы морских камней. Отдающая синевой кожа, посиневшая роговица – это были их отличительные черты. Голубые были удивительно ловкие и подвижные люди. Можно было подумать, они тут не тяжелой работой занимались, а упражнялись в танцах! Все они весело болтали и смеялись, пытаясь выторговать у повара порцию побольше, предлагая ему всякие вещицы со свалки, которые они, разумеется, случайно нашли во время работы. Большинство этих вещиц сильно напоминало детали экипировки стражи.

Мне, как гостю, позволили набрать еды, сколько я сам захочу. Поскольку у зеленых меня кормили плохо, а голубые, судя по всему, от моего обжорства не обеднеют, я не стал скромничать.

За обедом я сел возле Луны и Кита. С нами на лавках устроились еще люди, хорошие знакомые моих приятелей.

– А ты греб миналию? – спросил я у Луны, когда он стал есть медленнее и неохотно: наелся, а еще полмиски осталось. Подумать только, они тут себе еще и жадничать позволяют! – В твоей песне было как раз про миналию... Да и как ты вообще тут оказался? Расскажи мне о себе.

– Миналию? Я греб, это да, – хмыкнул старик. Сидящие вокруг нас подобрались, как будто сейчас должно было произойти что-то интересное.

– Луна – самый опытный среди нас, он провел на Огузке всю жизнь! Его история – настоящая легенда, ее на всех островах знают, – шепнул мне Кит.

– Помню, в четырнадцать я попал сюда, как убийца, – начал свой рассказ Луна. В столовой тут же воцарилось молчание. – Прихлопнул мальчишку в драке: он лез к моей девушке! Девушка донесла на меня страже. Так я попал к красным. Отличные были ребята, в глазах огонь, кровь горячая! Каждый день драки и потасовки. Потом нам урезали паек, и я стал таскать припасы у стражников. Меня поймали и поселили к ворам, где я стал работать с морскими камнями, продолжая воровать у стражников уже на правах полноценного вора. Тогда мне было двадцать пять лет, а Огузок еще был целым островом. Голубые в то время жили рядом с оранжевыми, сумасшедшими. Эти оранжевые были удивительными людьми. Они не боялись стражи, не боялись побоев и голода: они вообще ничего не боялись, в отличие от других стай, которые при виде черной формы начинали сулить и повизгивать! Все потому, то Оранжевые верили, будто на небе за солнцем живет какой-то мужик, который всех их спасет,

если они будут хорошо себя вести. Чтобы доказать ему свою преданность, они очень красиво пели и ходили без одежды, потому от солнца кожа у них становилась коричневой, даже если они рождались белыми. Меня поражало их бесстрашие, и я, чувствуя, что могу быть таким же, как они, самовольно ушел к ним, чтобы учиться. Они сказали мне, что я должен раскаяться в своем грехе – самом страшном грехе, – убийстве. И я раскаивался. Живя с ними, я пел их песни и чувствовал себя свободным человеком. Там я даже нашел себе жену. Я прожил с ними шестнадцать счастливых лет. Все было хорошо, пока оранжевые не решили построить дом, где они могли бы молиться своему солнечному мужику. К тому времени к ним уже из всех стай стали прибегать и все не помещались у вечернего костра. Стража, как прознала об этом доме, всех раскидала. Это было страшное время: жителей Огузка резали, как рыбу с фермы! Половина оранжевых была жестоко уничтожена, солнечный бог не спас никого из них. Тех, кого не убили, с позором раскидали по другим, большую часть заставили грести миналию – самый опасный яд на Огузке. Моя жена так и не пережила отравления, бедная женщина... Сына и дочь отдали другим стаям, и с тех пор я их никогда не видел. После тех событий я живу с голубыми, учу молодых... Вот такая моя история, малек.

Закончив, Луна улыбнулся слушателям, как, наверное, улыбался уже много раз.

– Ну, что, услышал ты ответ на свой вопрос? – спросил у меня Луна.

– Я услышал гораздо больше, – ответил я. Я все еще не мог прийти себе от услышанного.

На Остове никто ничего не знал ни об оранжевых, ни о красных, ни о голубых. Все думают, тут просто гребут эти вонючие водоросли, а на самом деле это целый мир! Интересно, были ли споры между цветными стаями? Где кто из них обитает? Сколько людей тут на самом деле? Правда ли стражники бояться восстания? Сколько вопросов сразу!...

После обеда я радушно попрощался со всеми и отправился в свой лагерь. Мне еще нужно было собрать свою миналию до вечера, иначе из-за меня моей стае могли не дать еды.

– Знаешь, малек, хочу дать совет, – сказал мне старик на прощанье, когда мы вернулись на место, где встретились. – Чтобы миналия разлагалась быстрее, справляй нужду прямо на нее. Вонять она будет знатно, но зато ее будет больше и получится она быстрее, – он усмехнулся. – Поверь старой Луне, я перекопал этих водорослей больше, чем ты морской воды видел.

– Спасибо за совет, – поблагодарил я, взбираясь на стену. – Могу я прийти и завтра? Я могу помогать вам работать!

– Лучше поостерегись часто покидать лагерь: не все из нас рады повидаться с другими стаями. Приходи, конечно, но осторожней, чтобы никто не видел. И, раз уж ты зеленый, при стражниках много не болтай и делай вид потупее. Слишком у тебя живо глаз горит для того, кто обкурился грибов, – Луна подмигнул мне, прежде чем я спустился на свою сторону стены.

Этим вечером я впервые не ходил смотреть на закат и пропустил ужин. Я греб миналию, чтобы завтра встать пораньше и отправится к голубым.

3. Черная вода

После моей встречи со стариком по имени Луна все изменилось, я по-новому взглянул на свое положение и на Огузок в целом. Я вдруг понял, что моя жизнь вовсе не кончена: у меня появились цели, которых я захотел достигнуть.

Первой целью, которую я себе поставил, стало избавить зеленых от дурмана, который превращает их в растения.

Карпуше я больше не мог доверять. Он был единственным в зеленой стае, кто сохранял разум, а это значит, что именно он следил за тем, чтобы все принимали грибы. Мне он, правда, грибов не давал, но от этого мое недоверие к нему не пропало: вскоре я выяснил, что никто из зеленых ничего не курит. Огромный мешок с сушеными грибами был спрятан на кухне. Я решил, что их подмешивают в еду. Ночью я выкрал этот мешок, – то, как мне это удалось, достойно отдельной истории, – и хорошенько спрятал его. После этого я с надеждой ждал, что все изменится, что люди вокруг меня начнут приходить в себя, начнут хотя бы разговаривать... но тщетно. Все оставалось по-прежнему, а в новом мешке на кухне стали появляться новые грибы. Больше я не мог ничего найти и, к своему стыду, сдался. Видимо, яд был в еде или воде, которую нам привозила стража.

Как только я понял, что зеленых мне не вытащить, я поставил себе новую цель: покинуть эту стаю. В конце концов, кому хочется провести всю жизнь в обществе людей, не способных даже говорить?

Каждый день я вставал раньше всех и бежал грести миналию, чтобы вечером собрать перегнивший урожай в ведра и отнеси к месту сдачи. Размазав миналию, я отправлялся к голубым. Я попадал к ним через замаскированный лаз, который сам выдолбил в стене мусора.

Среди воров я проводил большую часть времени. Я ел только с ними, так как опасался есть у зеленых. Для того, чтобы не быть нахлебником, я работал на равне с остальными камнотесами. Из-за морских камней, с которыми я возился, у меня даже начал меняться цвет глаз! Первым это заметил Луна и тут же предложил мне кое-что интересное. Оказалось, Луна был не просто легендарным стариком, он был предводителем стаи, как Карпуша у зеленых. Против его слова не мог пойти ни один вор. И Луна предложил мне план: как только цвет моих глаз станет слишком заметен, я устрою обвал, в котором якобы погибну, после чего переберусь жить к голубым.

Сразу уйти к ним я не мог, ведь появление новичка с бесцветной роговицей могло насторожить стражников, которые устраивали ежедневные смотры. Здоровый незнакомец – это беглец, а вот зараженный незнакомец – это уже проблемы с памятью у стражника.

В ожидании этих изменений я старался побольше работать с сердцевинами морских камней, чтобы глаза менялись поскорее. Моего присоединения к стае воров ждал не я один!

Прошло не так много времени, и мы с Китом стали лучшими друзьями. Он научил меня бесшумно ходить и видеть в темноте. Это он помог мне выкрасть и спрятать мешок с грибами. Взамен я научил его читать и писать. На огузке эти навыки были совсем бесполезны, но он говорил, что с детства очень хотел научиться.

Вместе с Луной, который слыл лучшим певцом среди голубых, мы доработали мою песню и дружно распевали ее во время работы. Луна также научил меня песням других стай, в которых он побывал. Особенно меня взяли за сердце песни оранжевых. Поразительно, но в своих песнях они совсем не использовали слова. Только звуки, причем сложные, такие, которые человеческому горлу так просто из себя не выдавить. Что творилось у их в голове, чем они жили? Желание когда-нибудь встретиться с оранжевыми стало преследовать меня днем и ночью.

Я уже исходил территорию зеленых и голубых вдоль и поперек, но никак не мог добраться до остальных. До восстания оранжевых, до резни из-за того горемычного храма, Огузок был

целым островом, но потом стражники решили затопить его так, чтобы стаи жили на отдельных островах и не могли общаться друг с другом. Надзиратели постоянно следили за нами, плавая между островов на своих лодках. Пробраться мимо них не было никакой возможности, но я решил, что должен сделать это.

Итак, моя третья цель: во что бы то ни стало я должен найти путь к ближайшему острову, где жили оранжевые, и подружиться с ними.

Если первую цель я не выполнил, а ко второй шел семимильными шагами, то третья потребовала от меня тяжелой подготовки.

Да, мы, последние люди, живем внутри огромной горы, плавающей среди океана. А океан – это все, что осталось на поверхности нашей планеты. Мы выживаем за счет необычного строения нашего острова, большая часть которого находится под водой; мы приручили морских животных, которые делят с нами последний клочок суши; из водорослей мы делаем одежду, мебель, еду, лекарства, топливо и удобрения для семян, которые достались нам в наследство от земного человечества. Иными словами, все, что нас окружает и помогает выжить – морская вода. И при всем этом никто из нас не умеет плавать! Уж правительство позаботилось о том, чтобы люди боялись открытого океана, как смерти. Ведь страх – лучший друг власти. Если люди чувствуют себя в смертельной опасности, они будут беспрекословно повиноваться тому, кто пообещает их спасти. Пожалуй, за то, что я это понял, меня и упекли на Огузок.

Лично мне всегда не нравилось то, что, живя в океане, мы не можем продержаться в воде и минуты. Случись, например, шторм, а человек не добежал до убежища, его смывает огромной волной, он со страху вдыхает в легкие воды и покорно захлебывается. Что это вообще такое!? Зачем умирать и бояться, если можно научиться плавать?

Однако, учиться плавать никому не хотелось. О штормах предупреждают за сутки, а то и за двое, так что с острова смывает только на голову отбитых тюленей. Тонут только придурки, которые любят походить по водам на лодке без привязи. Учиться плавать люди могли только на берегу, выплывая в открытые воды, в которых тут же может унести течением. К тому же, вода в Океана небезопасна, в ней растворена куча дряни. Таким образом, люди даже не замечают, что бояться плавать: они просто не видят в этом необходимости. На самом деле, я тоже этой необходимости не видел, пока не задался целью добраться до оранжевых. Ведь единственный путь к ним лежал через воду, а это значило, что сейчас самое время научиться перемещаться по ней без лодки!

Учиться я решил не один: подговорить на это дело Кита не составило никакой сложности. Каждый день мы с ним находили час, чтобы поупражняться. Среди гор мусора была небольшая заводь, куда вода пробивалась из-под земли. Там-то мы и учились.

Самым сложным было приспособиться держаться на воде, но с этим мы справились. Дальше мы стали тренировать скорость и дыхание, плавая под водой. Мне, спасибо миналии, подобные упражнения давались легко: Кит даже пустил слух, что у меня есть жабры. Ему самому подолгу находиться без воздуха было тяжело, самое большее, чего он добился, – две-три минуты. Я же спустя пару месяцев мог задерживать дыхание на двенадцать минут, что немного тешило мое самолюбие: ведь во всем остальном Кит физически превосходил меня и не уставал об этом напоминать.

– Думаешь, мы и вправду сможем проплыть под водой мимо стражников? А если они нас заметят и всадят нам по гарпуну меж лопаток? – сказал Кит, когда мы грелись на солнце после очередного заплыва. Я слушал его в пол-уха, наслаждаясь теплом.

– ...Конечно, я всю жизнь только и мечтал, что встретить прекрасную чернокожую жрицу без всякой одежды, но стоит ли это жизни? – продолжал ныть Кит. – Среди воров девушек, конечно, нет...

– Мы найдем где-нибудь водоросли, сплетем из них плащи и поплывем в них, – предложил я, лениво натягивая штаны, затем рубаху. Лучи солнца отражались от воды вокруг, потому

на поверхности подолгу находиться без одежды из водорослей, которые гасили опасные для кожи лучи, грозило неприятными последствиями. Мне с моей белой кожей солнечные ванны и вовсе были противопоказано. – Как тебе моя идея? Стражники подумают, что мы просто плавающая трава.

– Вот вроде и возразить тебе нечего, а идти за тобой все равно боязно! Эх, Котик, чую, ты своим языком меня в морскую пучину заманишь...

– Именно это я и пытаюсь сделать, – я подмигнул ему, застегивая последнюю пуговицу и натягивая капюшон до самого носа. Найдя на свалке клочок ткани, я приделал к капюшону козырек, и теперь мой нос был закрыт полностью.

В лагере нас уже ждал теплый обед в кругу стаи. Когда мы пришли, там уже разгорелась целая война: все о чем-то спорили.

– ... Да не было никогда собак и лошадей! Это все сказки! Сами подумайте, зачем какому-то животному помогать человеку!? Это все такой же бред, как существование добрых фей! – кричал один из спорщиков.

– Ты себя слышишь вообще!? Собак, значит не было, а единороги были! Голову тебе напекло, что ли!?

Мое сердце забилось чаще, я стал прорываться через толпу к спорщикам.

– Так, все разоидись, я историк, я точно знаю! – кричал я, предвкушая, как славно сейчас поумничаю.

В этой части Огузка у меня единственного было высшее образование и все об этом знали. Я обожал пересказывать голубым лекции Белого Нарвала, а они были рады послушать. Когда начинались похожие споры, я всегда в них участвовал, даже если не знал правды наверняка. Это напоминало мне славные студенческие дни.

– Котик, скажи ему! – попросил один из спорщиков.

– Собаки точно были! – объявил я. – Я лично видел на Остове скелет последней собаки! А вот про единорогов никто точно не знает. Но я думаю, что они все-таки были... Сама по себе лошадь слишком беззащитна перед хищниками, как бы она выжила? Ведь эволюция...

– Лошадей люди выдумали, ясно тебе! – один из спорщиков перебил меня.

– Но собаки-то были!

– А единороги тоже были!

Вдоволь посмеявшись, мы с Китом нашли Луну и уселись возле него, надеясь услышать очередную байку из его бурной молодости.

– Твои глаза, малек, становятся заметными, – сказал мне старик к концу обеда. – На твоём месте я бы устроил обвал со дня на день, иначе всем нам несдобровать. Понимаешь, о чем я?

– Думаю, именно так я и сделаю. Завтра же.

Остаток дня я провел, вытаскивая из морских камней белесые жилки, после чего вернулся на свою территорию и быстро собрал миналию.

Когда я сдавал свою работу Карпуше, он, как всегда, недовольно поморщился.

– Совсем ты от рук отбил, – рыкнул он, хмурясь. – Так больше продолжаться не может! С завтрашнего дня работаешь под моим надзором.

В ответ, подражая своим соратникам, я равнодушно промычал что-то вроде «как прикажете» и пошел в столовую. За внешним спокойствием мне едва удавалось скрыть разбирающую меня досаду. Вот надо было ему ко мне прицепиться в тот самый день, когда я собрался убежать!

Вмешательство Карпуши могло разрушить все планы. Стоит ему немного присмотреться, он обязательно заметит, что цвет моих глаз начал меняться! К моему счастью, я родился голубоглазым, потому изменения в радужке не привлекали внимания. Чего не скажешь о белке: он весь уже был в сиреневых прожилках. Если раньше еще можно было подумать, что это лоп-

нувшие от курения сосуды, то сейчас, когда среди них начали появляться яркие бирюзовые пятна, все становилось очевидным.

Была бы моя воля, я бы убежал сразу, как понял, что не смогу вернуть зеленых к нормальной жизни. Но командир голубых сказал, что для стражи будет подозрительным, если в один день погибнет зеленый, а на следующий среди воров появится новенький, у которого даже глаза не поменялись. Потому мне приходилось ждать несколько месяцев, живя на два лагеря, питаясь только раз в день и работая в два раза больше. То, каких сложностей стоило бегать от надзирателей, которые каждый день осматривали обе территории, – отдельная история! И сейчас из-за Карпуши все эти усилия запросто могут пойти моржу под хвост!

Пока я обдумывал свое невеселое положение, подошла моя очередь в столовой. Из общего котла я получил свою порцию похлебки и пошел за стол. Для приличия я сделал вид, что ем, затем аккуратно вывалил еду в особый мешок, который носил на поясе специально для этого. Среди зеленых можно было особенно не прятаться: всем было наплевать, что я делаю со своей едой. Главное, чтобы Карпуша не заметил.

По пути к своей хижине я заглянул в отхожее место, – огороженную яму, ведущую в океан, – и между делом вывалил туда содержимое своего мешка. Как и каждый день до этого, мое маленькое преступление было проделано с блеском.

Ночью, когда уже во всю светила луна, мне скрутило живот. Пришлось выбираться из хижины и снова бежать к отходной яме.

Увы, отравление дрянью, которая содержится в морских камнях, оказалось ненамного лучше отравления миналией. Бесконечный зуд по всему телу, частая слабость в мышцах и ужасные проблемы с пищеварением. Все это, конечно, терпимо, но только длится до полугода! Луна сказал, в лучшем случае меня отпустит, когда глаза полностью изменят цвет. В худшем я буду похож на обрызганного кислотой слепого калеку.

Возвращаясь из отхожего места, я чувствовал себя так, как будто мои внутренности вывернули наизнанку, а потом кое-как запихали обратно. В ушах гудело так, что я не улавливал даже собственных мыслей. Сквозь этот шум мне даже начало казаться, что я слышу чьи-то голоса.

Почувствовав, что вот-вот свалюсь от слабости, я схватился за что-то, торчащее из затвердевшей мусорной кучи, и замер, отдыхая. Приступ должен был пройти через пару минут.

– ... Я точно знаю, оранжевые попусту воздух не сотрясают! Они уверены...

Я вздрогнул и открыл глаза.

Было похоже, что это был вовсе не шум в голове, а настоящий голос.

Я прислушался, чтобы убедиться, что мне это не кажется.

– ... Ты еще погромче говори, чтобы нас стража услышала!... – шепот, будто вдалеке зарокотал гром. Голос Карпуши.

Не веря своим ушам, я пошел на звуки этого великолепного голоса: судя по всему, говорившие находились в одной из хижин в самом центре лагеря. Вычислив, в какой именно, я затаился у окна.

– Наше солнце прислало чайку с белыми крыльями. Ты ведь знаешь, что это значит? – спросил кто-то.

– Быть того не может... – в своем воображении я видел, как Карпуша ударил себя по лобу и выпучил глаза от удивления. – Не верю!...

– И все же оно так. Все готово. Это наш второй шанс. Как тебе такой расклад?

– А если они все знают? Если они просто делают вид, что не замечают? Столько лет рабства!... Не может быть, чтобы они потеряли бдительность.

– Нам ведь все еще присылают эти грибы... Не думаю, что они раскусили нас.

– А шпионы? Они же везде... – мне на миг показалось, что голос Карпуши дрогнул от страха. – Все, кому мы могли доверять, погибли, – прошептал он. – Еще одно предательство и все, чего мы достигли, пойдет на дно морское.

– Плохие это шпионы, если до сих пор нас всех не повязали, – насмешливо ответил второй голос.

– Но грибы-то пропали! Что это, как не знак? Не предупреждение? Они следят за нами, они все знают...

– Да ни хвоста они не знают: знали бы, вмешались! Все не как раньше, и мы не знаем, почему. Но зато знаем вот что: сейчас у нас есть возможность. Время, когда можно было сомневаться, прошло. Тебе нужно выбрать, на чьей ты стороне. И, ты знаешь, если ты выберешь неверную сторону, у нас не останется выбора. Или ты с нами, или ты против нас!

– Да как твой поганый язык поворачивается!?!...

Как будто запустили тяжелый механизм: рычание, шум пара, визг трущихся деталей... От возмущения Карпуша опять потерял власть над своим голосом.

– Ох, ты та еще крыса, – выдохнул он, успокоившись. – Я на вашей стороне. Отправляй ему черную чайку.

По звукам я понял, что ночная аудиенция закончилась. Неведомый гость Карпуши начал прощаться, собираясь уходить.

Я осторожно обошел хижину и быстро спрятался за кучей мусора неподалеку. Мне очень хотелось увидеть, кто же этот таинственный заговорщик.

Когда он вышел, я отметил, что его фигура не закутана в черный плащ и лицо не скрывает маска стражника. В какой-то степени я ждал именно этого, потому теперь мое желание увидеть странного посетителя выросло вдвойне. Я весь обратился в зрение.

Когда заговорщик проходил мимо кучи, лунный свет упал на его лицо. Воды его забори, это лицо... я видел его каждый день! Это был дурик, который днем не мог и трех слов связать, ходил, шатаясь! Я все думал, что он помрет со дня на день...

Мужик прошел мимо меня твердой походкой, насвистывая что-то веселенькое.

Ведомый странным чувством, я стал красться за ним, прячась за кучами мусора. Так я прошел почти весь лагерь, пока заговорщик не вышел за его пределы. Прятаться тут стало сложнее, так как на тропах свалки мало потайных мест. Я понадеялся, что меня спрячет темнота, и на свой страх и риск двинулся дальше. Мне хотелось узнать, что он будет делать.

Мы шли в сторону причала, там останавливались стражники, когда привозили нам пищу. Заговорщик перестал бесечно насвистывать, как только вышел из лагеря. Несколько раз по пути он оборачивался и внимательно вглядывался в темноту: проверял, нет ли за ним хвоста. Я замирал на месте, прижимаясь к стене мусора в какой-нибудь нелепой позе. Среди разных предметов моя по-дурацки распластанная фигура не бросалась в глаза, потому мне удавалось остаться незамеченным. Зато я видел свою жертву отлично.

Кит научил меня одной уловке, с помощью которой можно улучшить ночное зрение. Нужно было выдохнуть весь воздух из легких, потом дышать часто. Если при этом вглядываться в звезды, можно даже заметить, как зрение обострится: огоньков станет больше. Может, это все был обман, и Кит просто подшутил надо мной, но все же я верил, что после этих махинаций вижу лучше.

Заговорщик зачем-то шел к причалу для стражников и нервно оглядывался. Следуя за ним, я все меньше понимал, что тут происходит. По логике вещей, нервно оглядываться он должен был, когда шел к Карпуше, а не от него. Да и зачем ему к пристани на ночь глядя?...

Достигнув причала, он остановился и полез наверх стены, которая разделяла нас с лагерьем голубых. Она была в три метра толщиной и в два с половиной высотой. Взобраться по ней было тяжело, но у заговорщика неподалеку был тайник, в котором оказалась небольшая лесенка.

Приблизившись к той стене, я услышал птичий писк. Видимо, мой полуночник привязывал к птичьей лапе записку... или что он еще мог привязать?

Через какое-то время я увидел и саму птицу: она взлетела вверх и устремила на юг, кувыркаясь в воздухе так, как будто у нее были проблемы с крыльями. Птица была полностью белой. Это показалось мне странным, ведь я, кажется, отчетливо слышал, что Карпуша велел отправить черную птицу.

К тому моменту, когда мужчина спустился, я уже успел спрятаться на стене у причала, чтобы он не заметил меня, возвращаясь в лагерь. Но мой план дал течь: вместо того, чтобы повернуться ко мне спиной и преспокойно пойти в лагерь, заговорщик направился прямо на причал! Ему достаточно было просто повернуть голову, чтобы обнаружить меня, висящего почти у него за спиной!

Я вжался в пласт мусора, во что-то жесткое, с острыми углами. Если полуночник повернется и заметит меня, все будет очень плохо! Мне едва удавалось сдерживать учатившееся от страха дыхание.

Заговорщик встал на причале, сложив руки на груди. Сперва я подумал, что он хотел облегчиться или вроде того... но нет, похоже, он тут ждал чего-то.

Прошло несколько минут, мои мышцы сильно затекли, удерживаться стало сложнее. Руки вспотели и начали соскальзывать с гладкой поверхности. Ко всему прочему усилился зуд, прямо за коленкой! Я сходил с ума, мучаясь от желания почесаться и от страха быть обнаруженным, а проклятый заговорщик даже не отвернулся ни разу! Но дальше – больше. Вскоре из темноты показался легкий голубоватый свет. Сначала это была едва различимая точка, затем она выросла и вскоре превратилась в лодку, освещенную фонарем на носу.

Фонарь, который уверенно несла на себе лодке надзирателя! Только его мне и не хватало...

Медлить было нельзя. Единственное, что я мог сделать, это попробовать соскользнуть в воду без всплеска. Это было опасно, так как Огузок омывало сильное течение, которое могло унести меня от суши. Но разве у меня был другой выход?

Я стал нащупывать ногами опору, с которой можно было бы спуститься в воду, но ее, конечно же, не было. Пласт мусора, за который я ухватился, и так рассыпался. Когда я надавил мыском ботинка на какую-то выпирающую деталь, она отвалилась и со всплеском упала в воду.

Заговорщик тут же обернулся в мою сторону. Он посмотрел прямо на меня, мы встретились взглядами.

– Ах ты падаль!... – выругался он, изменившись в лице. То, что выражали его глаза, мне совсем не понравилось. Одного мгновения хватило, чтобы я понял: если он меня достанет, живым я отсюда не уйду.

В панике я попробовал вскарабкаться по стене наверх, у меня даже получилось подняться на небольшую высоту, но тут между слоями мусора воткнулся гарпун, который чуть не лишил меня левой кисти. Это было оружие стражи, которая подплыла на лодке! Я машинально отдернул руку от гарпуна и тут же свалился в воду, успев только набрать в легкие побольше воздуха.

Теперь бороться за свою жизнь мне нужно было не со стражей, а с холодной водой и течением. Я что было мочи поплыл вниз, на глубину, где меня не смог бы найти гарпун стражи. Уйдя примерно на четыре метра вниз, я стал крутиться по сторонам, пытаться поймать руками хоть что-нибудь, чтобы не остаться в открытой воде. К моему огромному счастью, я почти сразу же наткнулся на подводную часть Огузка, перегнивающую твердую массу, поросшую водорослями. Вцепившись в пучки морской травы, которые находились сверху от меня, я стал думать.

Я сейчас под островом, если я буду осторожно двигаться спиной вперед, я смогу снова оказаться у края. Потом я начну всплывать вверх, цепляясь за водоросли, и окажусь недалеко

от причала, откуда упал. Вряд ли меня там будут ждать: ведь плавающих людей сейчас нет. Скорее всего, пройдет минут пять, и они, покружив на лодке, решат, что я утонул.

Выждав некоторое время, я стал осторожно пробираться по дну острова вперед. Когда я почувствовал, что земля надо мной кончилась, я предельно осторожно поплыл наверх. Пришлось открыть глаза, чтобы видеть сквозь воду свет от фонаря на носу лодки. Когда я на него наткнулся, я выбрал место немного подальше, чтобы всплыть. Легкие, которые уже давно начало покалывать, требовали свою порцию воздуха.

Уцепившись за край острова, я медленно высунул голову на поверхность воды. Только убедившись, что мое появление осталось незамеченным, я позволил себе вдохнуть.

Итак, моя жизнь теперь в безопасности: обязательно похвалю себя за это попозже! Восстановив дыхание, я стал перебирать руками по берегу, подтягивая себя поближе к лодке и причалу. Я вынырнул где-то в пяти метрах от них и мог слышать разговор с самого начала, но лучше было подобраться поближе, чтобы наверняка ничего не упустить.

– ...Это единственный причал в округе, никуда он не уйдет: потонет, – говорил стражник в лодке. Из-за маски у него на лице, которая не позволяла ему отравиться ядовитыми испарениями со свалки, его голос звучал как шум из ракушки.

Я с облегчением отметил, что стражник был только один, так что зря я опасался второго гарпуна.

– Он следил за мной... – заговорщик шипел и метался по причалу, как разъяренная крыса. – Воды его заберут, он шел за мной и следил, как будто его кто-то послал! Все это время я был уверен, что это ваш шпион, а оказывается!...

– Успокойся. Считай, что его уже нет, – в отличие от моего полуночника, стражника не слишком волновало мое появление. Он вообще не проявлял никаких эмоций, просто стоял, как изваяние, в темном плаще и в своей зловещей маске. – Ты говорил, у тебя есть сведения. Я слушаю.

– Да, разумеется, – закивал заговорщик, потираю руки. – Я готов подтвердить: оранжевые действительно готовят очередную попытку построить храм солнца. Они хотят замаскировать его так, чтобы вы не догадались, прямо внутри Огузка, – доложил мужик. – Начальник зеленых отправил им почтовую чайку, сказав, что будет помогать, как сможет. Несколько других стай тоже скоро согласятся им помогать.

– Что это за стаи?

– Мне неизвестно!...

Я вдруг почувствовал, что начал коченеть: вода в океане была ледяная. Нужно было срочно выбираться, иначе потом задубевшие мышцы просто не смогут поднять меня наверх. Осторожно передвинувшись подальше от лодки и причала, я, сам не зная, как, сумел вскарабкаться на более-менее устойчивый пласт мусора. С него я взобрался на стену и пошел поверху.

Умный парень на моем месте отправился бы к лагерю голубых, где был бы в безопасности, но мне захотелось дослушать шпионский разговор. В конце концов, я ничего не потеряю, а вот сведения лишними никогда не бывают!

С этими мыслями я осторожно полез по стене в сторону причала. Стена достаточно высокая, и меня не заметят, если я буду лежать на самом верху.

Когда я снова мог подслушивать, разговор зашел о Карпуше: заговорщик сдавал его с потрохами.

– ... Мне точно дадут место в рядах стражи? Мне нужны доказательства, иначе я не буду говорить! – упрямился шпион.

– Садись в лодку. Если мне понравится то, что ты расскажешь, отправишься со мной. Если нет – спущу тебя в воду.

– Но...

– Садись в лодку.

Перепуганный крысеныш сел, чуть не свалившись с причала в воду.

– Он не дает им грибы... – промямлил он.

– Что?

– Он не дает им грибы, – сказал тот уже громче. – Не дает! Они копят на кухне. Все зеленые в сознании, они просто притворяются идиотами.

– Ты уверен?

– Проверьте кухню: за котлами будет мешок, куда они складывают все накопившиеся грибы.

– Они готовят восстание?

– Ничего они не готовят! Они даже не говорят друг с другом: боятся. Им повсюду мерещатся шпионы.

Так вот, в чем дело! А я-то дурак думал, почему они не выздоравливают! Они, оказывается, только притворялись отравленными... В таком случае неудивительно, что после исчезновения мешка ничего не изменилось.

– Это все? – сурово спросил стражник.

– Нет, еще тот новенький мальчишка, белая поганка, – добавил шпион. Я насторожился. Все люди не снимали на Огузке одежду, но их кожа все равно становилась светло-коричневой. У меня, видимо, была какая-то врожденная болезнь, потому что моя кожа не темнела. Среди зеленых назвать белой поганкой можно было только меня. – Он шастает к голубым. Думает, его никто не видит! У него уже даже начали меняться глаза. Чую, он скоро попытается удрать к ним. Очень подозрительный малый: он зачем-то стащил мешок грибов у Карпуши. Он что-то вынюхивает, иначе зачем ему ходить за мной?...

– Его уже нет, – отрезал стражник.

– И все же...

– Это все?

Я не стал слушать, что эта крыса будет рассказывать дальше. Теперь под угрозой были все: и оранжевые, и ни в чем неповинные зеленые, и Карпуша, который, как оказывается, в этой истории играет роль настоящего героя, и голубые, приютившие чужака, и я! Особенно меня волновал я.

Теперь ни в коем случае нельзя было позволить этим двоим отойти от причала.

Что я мог? По сути, ничего. Дохлак с рождения, я и рыбу-то оглушить не сумею. Но сейчас я должен что-то сделать... если я хочу жить с голубыми, я обязан!

Осторожно подтягиваясь поближе к краю стены, я попытался добраться до гарпуна, который все еще находился между пластов мусора. Наконец, я принял достаточно удобное положение, чтобы ухватиться за древко. Я дернул, что было сил... и оно не поддалось. Слишком глубоко засело в мусоре, нужно тянуть сильнее. Я дернул еще, очень стараясь действовать как можно более незаметно и бесшумно. Древко чуть-чуть двинулось. Тогда я дернул в третий раз, что было силы... Раздался громкий треск.

Я даже не успел понять, что происходит: огромная стена вдруг поехала вниз, неся меня прямо в лодку к двум заговорщикам! Я вскрикнул, они изумленно уставились на меня. Наши взгляды снова встретились, с крысой – уже во второй раз... а в следующий миг меня опрокинуло в воду.

Я попробовал всплыть, но меня тянуло вниз массой обрушившейся стены. Я поплыл влево, надеясь обогнуть ее до того, как она утянет меня на дно. Руки и ноги уже не чувствовались из-за холода, но я все равно старался, зная, что, если не получится, я тут и погибну.

Наконец, тяжесть спала, я почувствовал, что могу плыть вверх. Я выпрямился и заработал ногами, продираясь сквозь град тяжелого мусора. Мне казалось, я был уже у поверхности, как вдруг сверху упало что-то тяжелое, упало прямо на меня, ударив по голове. Я почувство-

вал, что начал терять сознание, но этого нельзя было допустить! Я стал цепляться за свои ощущения, за холод, за движение ног, замотал головой, стараясь прийти в себя.

В мыслях все расплывалось, я ничего не понимал, только плыл, вверх и вверх. Не думая ни о чем, кроме движения, я продирался сквозь вязкий холод океана.

Неожиданно тяжесть в голове сменилась небывалой легкостью. Это был воздух. Я понял, что могу дышать.

Откашлявшись, я несколько раз вдохнул полную грудь воздуха, не веря в свое счастье. Только надышавшись, я осознал, что мои беды еще не кончились. Я осмотрелся вокруг.

Свет луны отражался на воде.

Все.

Больше вокруг не было ничего: только черная вода, ночное небо и шар луны.

Стараясь не поддаваться панике, я стал вертеться, надеясь разглядеть хоть что-нибудь, хотя бы тень острова. Тщетно. Не было видно ровным счетом ничего.

– Нет... нет-нет-нет, этого не может быть... – шептал я, всеми силами давя в себе страх смерти. Признать, что мое положение безнадежно, означало погибнуть. Нужно что-то делать, что угодно!

Я перевернулся на спину, чтобы успокоиться, и посмотрел наверх и вправо, в сторону луны. Она была единственным, на чем мог задержаться взгляд в этой непроглядной темноте.

Вдруг я понял, что уже смотрел так на нее недавно... Как раз когда проверял ночное зрение, во время слежки за заговорщиком. Я разглядывал маленькие звезды вокруг нее, чтобы проверить себя, и тогда они располагались немножко иначе.

Парой гребков руками я развернулся в сторону, куда я смотрел, идя к причалу. Затем развернулся в сторону, где был остров... Кажется, вот оно, мое направление! Нужно плыть в ту сторону.

Я перевернулся на живот и поплыл, стараясь двигаться как можно чаще, чтобы не замерзнуть.

Я плыл и плыл, гоня от себя мысли об усталости и о том, что запросто могу двигаться от острова, а вовсе не к нему. Да, может, я и плыву прочь, но если направление правильное, то я обязательно догоню его... ведь не могло же меня отнести настолько далеко.

Я продолжал вглядываться вперед, надеясь рассмотреть хоть что-нибудь, но света не хватало. Наверное, я не смог бы увидеть сушу, даже будь она всего в нескольких метрах от меня. Как на зло, налетели тучи и полностью скрыли луну, так что я остался в полной темноте.

Вдруг я уперся во что-то твердое. Еще не успев толком понять, что это, я вцепился в это железной хваткой, благодаря проведение за спасенную жизнь. Ощупав нечто, я понял, что оно достаточно устойчивое и большое, чтобы по нему можно было лезть.

Выбраться из воды после таких усилий оказалось тяжело: мышцы не повиновались. Пришлось потратить немало времени, прежде чем мне удалось изловчиться и выбраться из вязких объятий океана.

Я снова был на суше. Неизвестно, где именно, но хотя бы на твердой поверхности. Я жив, небо...

У меня не было сил даже на то, чтобы встать: неизвестно, сколько времени я пробыл в воде. Я повалился навзничь и сразу же уснул.

4. Оранжевое солнце

– ...Кажется, он просыпается... Смотри, веки дрогнули!... Сейчас откроет глаза!

Надо мной склонилась прекрасная чернокожая девушка с большими зелеными глазами. Ее распущенные рыжие волосы так сияли, словно в них запутался свет.

– Доброе утро! – сказала она, улыбнувшись. Ее голос был полон тепла и заботы, ее улыбка согревала, как огонь в очаге.

– Привет... – прошептал я, улыбаясь.

Звук собственного голоса пробудил мою память: я вспомнил обо всем, что со мной случилось ночью. Наверное, я упустил что-то существенное, раз проснулся в компании девушки, а не стражи.

– Где я? – спросил я, поспешно садясь и оглядываясь.

Обстановка вокруг меня успокоила: я находился в шалаше из огненно-рыжей ткани. Она была плотной, и лучи солнца, хотя и не обжигали, все же пробивались внутрь. Приятно пахло благовониями.

– Ты на Огузке, в лагере оранжевых, – объяснила девушка, садясь рядом со мной и обнимая колени. Она была совершенно нагая, если не считать короткой вышитой узорами юбки и разноцветных бус на груди. – Тебя нашли пять часов назад на причале. Ты был без сознания и закоченел от холода, мы принесли тебя сюда и согрели огнем и мазями.

– Кто ты такой, белуга? – позади меня проскрипел мужской голос. Обернувшись, я увидел старика с выкрашенной в нелепый рыже-желтый цвет бородой. Он был невероятно тощ, на его груди висели всевозможные шнурки и бусы, а лицо было раскрашено странными символами.

Я постарался сделать вид, что его присутствие в шалаше меня ничуть не удивило и несколько не разочаровало.

Про себя же я думал: пожалуйста, пусть это будет лекарь или старейшина, а не ее отец! ... Я столько пережил, в моей жизни обязательно должно случиться что-то хорошее, так пусть со мной случится это прекрасное дитя солнца!

– Меня зовут Белый Дельфин. Я попал сюда... кажется, я сюда приплыл, – попробовав объясниться, я вдруг осознал, что моя история гораздо сложнее и рассказать ее лучше всего будет тому, кто здесь принимает решения. – Я думаю, мне есть, что сказать вашему предводителю. Простите, не знаю, как вы его здесь называете.

– Уж, пожалуй, – усмехнулся старик. Кажется, я ему не понравился: уж слишком остро сверкали его черные глазки. Наверное, он все-таки отец этой девушки... Эх, жалко. – Поднимайся и иди за мной.

– Но дед, ему надо отдохнуть и поесть! Он, должно быть, совсем ослаб, – возразила девушка. От звука ее голоса мое сердце начинало медленно таять... Заслушавшись, я задержал на ней взгляд дольше положенного, что не ускользнуло от внимания ее деда.

– Еще чего! – проворчал старик. – Помни внука, это ты здесь родилась, а его сюда выгнали, потому что он причинял зло людям. К тому же, он беглый вор, и мы не знаем, что ему тут у нас понадобилось. Давай, белуга, поднимайся и пошли! Будем решать, что с тобой делать.

Старик поднялся, опираясь на чудной посох из сплетенных сухих веток. Мы вместе вышли из шалаша, и я, наконец, смог увидеть лагерь оранжевых – место, о котором мечтал все эти месяцы!

Поселение оранжевых было почти таким же, каким я его себе представлял по рассказам Луны. Одно только я не смог представить себе – сколько тут на самом деле зелени! Трава растет прямо под ногами, ее зеленые стебли блестят на солнце! Кусты, увешенные лентами и бусами из ракушек, распустили ветви во все стороны, словно стараясь показать, как много на них ягод.

А люди? Красивые, с блестящей черной кожей, оранжевые носили ткань только чтобы прикрывать причинные места. Солнце как будто вовсе не жгло их кожу и не слепило глаза! Непринужденность и довольство оранжевых проглядывались в каждом их движении.

К тому же, здесь были не только мужчины, как в большинстве стай, здесь также было много женщин и играющих детей.

Но главным отличием от прочих лагерей, где я побывал, было то, что лагерь оранжевых не был похож на ссылку. Никто здесь не выглядел несчастным или недовольным, голодным или больным. Передо мной были обычные люди, только все почти голые и чернокожие. И разрисованные красками.

Пока я разглядывал оранжевых, старик привел меня к большому шатру в самом центре поселения. Этот шатер был особенно значимым местом, как я понял. Именно он был центром жилого участка острова, вокруг него кольцами разрастались шалаши и хижины.

Дед, приняв суровый вид, велел мне ждать у входа. Он собрался было пройти в шатер, но потом, видимо, решил, что я могу быть опасен, и попросил нескольких мимо проходящих мужчин присмотреть за мной.

Пока я ждал, что меня позовут внутрь, посторожить меня решила еще пара десятков оранжевых. Стоило старику скрыться за пологом, вокруг меня стали толпиться дети и подростки, юноши и девушки, мужчины и женщины: всем хотелось подойти поближе и поглазеть на меня. При этом оранжевые делали вид, будто им вовсе не любопытно, они просто идут по своим делам, а путь через двор главного шатра – самый для этого подходящий. Со стороны это выглядело очень забавно, и я не переставал улыбаться, заглядывая в их нарочито деловитые лица.

В отличие от старика, эти люди, видимо, были рады увидеть кого-то нового.

Наконец, меня позвали в шатер.

Внутри не было никаких статуй, рисунков, икон, бус и прочих таинственных ритуальных предметов. Словом, ничего такого, что делало бы из обычного шатра центр религиозной общины. ... Разве что старики с раскрашенными бородами и кучей всякого хлама на шеях устроились на циновках в полукруг. В центре этого полукруга возвышался черноволосый мужчина, настоящий боец. Его огромный рост был замечен даже когда он сидел, пронизательный взгляд черных глаз внушал уважение. Его кожа и волосы были настолько черными, что его можно было бы спутать с рисунком, если бы не яркие белки глаз, скорее красные, чем белые.

– Приветствую вас, – сказал я, склонив голову.

– Меня зовут Солнце, я – предводитель лагеря оранжевых, – представился мужчина. Он говорил со мной настороженно, как с нежеланным чужаком, но спокойно, без открытого недоверия. – Кто ты такой?

Я назвал свое имя.

– Зачем ты пришел к нам?

– У меня не было намерений плыть именно сюда. Ночью я оказался в открытых водах и плыл наугад, надеясь спастись.

– Откуда ты?

– Я из лагеря зеленых.

– Но твои глаза говорят о другом.

Я рассказал ему о том, как собирался бежать из одного лагеря в другой. Постепенно мой рассказ подошел к той части, когда я услышал ночной разговор Карпуши со шпионом стражников. С этого момента я говорил обо всем, не упуская даже мелочей: ведь для Солнца важным могло быть все что угодно. Я закончил свою историю на том месте, где обрушилась стена, убив шпионов и выкинув меня в открытую воду.

Предводитель оранжевых обдумывал услышанное молча, не задавая никаких других вопросов. Наконец, он заговорил.

– Если твои слова правдивы, сам Бог послал тебя к нам, – произнес он. – Я позволю тебе остаться у нас на два дня, на это время мы укроем тебя от стражи. Отдыхай, восстанавливай силы. Потом ты отправишься обратно к голубым и зеленым.

– Хорошо, – я склонил голову, но все же заметил краем глаза, какое возмущение нарисовалось на лицах стариков. Многие из них недовольно бормотали и косились в сторону своего предводителя.

– Можешь идти, – велел мне Солнце.

Когда я вышел из шатра, облегченно выдыхая, от входа отпрянуло человек тридцать народу. Все они тут же рассыпались по улице, будто вовсе не подслушивали. Я сделал вид, что ничего не заметил, и уселся на ближайшую лавку. Нужно было все обдумать.

Итак, воды принесли меня в лагерь оранжевых... Это удивительная удача, что попал я именно туда, куда сам собирался уплыть. И, хотя еще неизвестно, чем эта удача для меня закончится, мне стоит хорошенько осмотреться. Неизвестно, удастся ли мне еще когда-нибудь побывать где-то, кроме своего родного острова.

Насколько я знал, к оранжевым отправляли людей, которых правительство обвинило в идолопоклонничестве и возмущении всеобщего спокойствия. Их единственное преступление – вера в бога и неумное желание быть добрыми ко всему живому, даже к рыбе. Даже странно, что меня тут приняли. Если подумать, гость я далеко не самый желанный. Вор, бежавший от зеленых, наверняка разыскиваемый стражей... Видимо, этот Солнце обладает огромной властью, раз целая толпа умудренных жизнью стариков не решилась ему возражать. По их взглядам было ясно, что они уже все для себя решили: раз я беглый вор, значит, меня нужно или сдать страже, или выкинуть обратно в воду. И тут, выслушав мою историю, Солнце передумал и решил меня приютить на пару деньков в их благословенной обители! Никому это решение не понравилось, но никто не возражал, – вот она, власть истинного предводителя.

Однако, что должны значить для меня эти два дня отдыха, которые мне подарил Солнце? Уж точно не то, что я вдруг перестал быть для них подозрительным пришельцем! Определенно, Солнце хочет понаблюдать за мной и убедиться, что моим словам насчет черной чайки и предателя можно верить. Или, что скорее всего, ему нужно время, чтобы придумать, что со мной делать. Нужно быть хорошим мальчиком, а не то они решат, что я не только вор, но и вун, и тогда, в лучшем случае, вышвырнут меня в воду, а в худшем – сдадут страже.

Ладно... так-то подумать, я добился, чего хотел. Сiju в лагере оранжевых, живой и почти здоровый, мне даже работать не надо. Все равно, что выходной дали!

Улыбнувшись этим мыслям, я посмотрел вверх: за последние месяцы у меня появилась привычка отмечать так любую свою победу. Я жив, и я могу видеть небо, – у меня есть больше, чем у двух третей всего человечества.

Сейчас небосвод был чистым и синим, как морской камень, и я задержал взгляд, любясь ровными переливами цвета от вершины до самого горизонта. Но солнце, неусыпно сторожащее свое сапфировое сокровище, тут же нашло мои глаза и стало нещадно жечь.

Обливаясь слезами, я отпустил голову. Все вокруг потемнело, было больно, но я чувствовал себя счастливым, как никогда.

Даже не верится, неужели могло так случиться, чтобы я умер вчера? Неужели я мог не увидеть этот день?

Страшные мысли о смерти мелькнули в голове и сразу же исчезли: все обернулось как нельзя лучше, так зачем думать о том, чего не случилось?

Я провел рукой по волосам, убирая их с лица. На зло всему, мне хотелось почувствовать тепло, исходящее от огромного огненного шара.

– Ты голоден? Я принесла тебе поесть.

Узнав голос, я обернулся и увидел девушку, которую видел с утра.

– Боюсь, этого не хватит: я голоден, как северная акула! – я улыбнулся и принял из ее рук миску похлебки. Проснувшийся желудок при виде еды как с ума сошел: я залпом выпил все содержимое тарелки, даже не заметив, что там было.

– Тогда пошли в столовую, там дадут еще, – она поманила за собой, улыбаясь. – У нас тут еды хватает на всех!

И еды в самом деле было много! В столовой меня накормили так, как я не ел с самого своего рождения! По приказу предводителя мне положено было еды, сколько съем, и воды, сколько выпью. Позже для меня даже поставили отдельный шалаш, где я мог валяться хоть весь день.

Валяться, конечно же, было неплохой идеей: после приключения в воде мое тело болело так, будто меня избили. Но, наученный граблями и киркой, я знал, что лучший способ избавиться от такой боли – побольше двигаться. Потому я попросил Нору, – именно так звали очаровательную девушку, которая за мной ухаживала, – показать мне лагерь.

– Все-то тебе знать надо, – усмехнулась она, показывая крепкие белые зубы.

– Не поверишь, но я правда собирался попасть к вам, чтобы познакомиться. С голубыми и зелеными, конечно, весело, но разве можно всю жизнь жить только с ними одними? Я для этого и плавать научился!

– Даже если я тебе поверю, у нас все равно не принято водить повсюду чужаков, – сказала она, продолжая улыбаться. – Если ты слышал о храме, то ты знаешь, чего нам стоило наше добросердечие много лет назад. Мы не хотим повторять тех ошибок. К тому же, у меня нет никаких причин доверять человеку, который взялся из открытой воды и говорит, что проплыл целых два километра!

– И то верно, – мне оставалось только согласиться. – Тогда скажи, чем мне можно заняться? Я не хотел бы сидеть без дела.

– Так, значит? Хорошо, – она хитро улыбнулась, показав крепкие белоснежные зубы. – Будешь помогать мне в работе. Недавно меня перевели на грядки с бобами. Ты будешь носить мне перегной миналии, а я – ухаживать за растениями. Согласен?

– Конечно!

В итоге я не пожалел о своем решении. Вместе с Норой на бобах работали только девушки, так что я оказался единственным мужчиной в их приятной компании. Конечно, меня заставили приносить вонючий перегной для всех, но это была небольшая плата за такое очаровательное общество... Они смеялись над любыми моими шутками, подпевали любой моей песне и приходили в полный восторг от моих историй про жизнь на Остове! Я купался во внимании дочерей солнца, как дельфин в море, и чувствовал себя на вершине мира.

Вечером меня снова накормили до отвала и даже дали какой-то травы от голубой болезни, так что ночью мой ужин остался там, где ему и полагалось быть.

После еды оранжевые развели большой костер в центре лагеря.

Огонь я видел не часто, разве что на кухне зеленых. Топлива отчаянно не хватало и разводить костры могли разве что для похорон кого-то особенно важного.

Оранжевые жгли сухие ветки кустов, и очень быстро пламя поднялось на добрые три метра. Жар палил, как из адской бездны, но люди рассаживались поближе. Ряды оранжевых образовали ровные кольца, люди стали затихать в ожидании чего-то.

Я спросил у Нору, можно ли мне сесть возле них, но она сказала, что это будет неуважением традиций, так как я не член общины. Я отошел в сторону, чтобы не бросаться никому в глаза, и стал наблюдать.

Когда на площади расселись все члены общины, даже самые-самые маленькие, из главного шатра стали выходить старейшины с разноцветными бородами. Последним вышел Солнце.

Кинув в костер пучок какой-то травы, он заговорил с общинниками.

Мне тяжело было разобрать слова, но общий смысл я все же уловил: это была вечерняя молитва. Оранжевые благодарили Бога за день, который прожили, радовались тому, что все прошло так хорошо. Солнце говорил, а ему вторили и кивали.

– Мы ели сытно и никто из нас не заболел!...

– Никто не заболел, еды хватило для всех!...

– Мы хорошо поработали, наши сады и огороды дали богатый урожай!...

– Упорным трудом мы вырастили богатый урожай!...

Потом предводитель замолчал и вскинул руки вверх, в сторону солнца, которое должно было вот-вот зайти. Люди умолкли. Солнце взял за руки двух старейшин, те взяли за руки друг друга и протянули руки людям. Образовалась сплошная цепь из рук, так что ни один член общины не остался один.

Солнце должно было вот-вот скрыться.

Закрыв глаза, вождь запел. Его громкий раскатистый голос в полной тишине звучал, как рог перед штормом. Звенело в ушах, ритм отдавался в сердце, так что становилось страшно: как будто мощные залпы энергии проходят сквозь твоё тело. Казалось, для этого звука не существует преград: он не удерживали стены вокруг, он не встречался с шатрами и шалашами, с людьми. Как будто пели над открытой водой, где нет ничего!

Вдруг запели молодые девушки. Хор прекрасных юных голосов, подобных свирелям, окутал громовой бас. Теперь я ощущал себя не просто пустым местом перед этими звуками, я чувствовал, будто некая сила несёт меня вверх с невероятной скоростью: я больше не был уверен, что стою на земле! Я боялся закрыть глаза, мне казалось, стоит это сделать, я и вправду оторвусь от земли, и вправду перестану существовать!

К девушкам присоединились мужчины и женщины, затем старики. Они пели без слов, но это были невероятные, колоссальные по силе звуки: я едва держался на ногах, слушай это сверхъестественное пение. Я не просто понимал, я *чувствовал*, о чем они поют! Каждая новая нота затрагивала что-то внутри меня, переворачивала ощущения, заставляя воспринимать мир иначе! Я видел, я слышал, я чувствовал все по-другому!

Солнце село и все внезапно умолкло. Тишина навалилась на меня, давя под собой, я готов был потерять сознание от невыносимого ощущения полной глухоты.

Борясь со своими ощущениями, я не замечал, что происходит вокруг.

– Ты в порядке?... – голос Норы и её рука на моем плече заставили вспомнить о существовании мира вокруг.

– Да, – выдавил я, отпуская ствол высокого куста, в который вцепился мертвой хваткой, как утопающий в дерево.

– Наше пение всегда так действует на новичков, в этом нет ничего постыдного, – сказала она, ведя меня куда-то. – Пойдем, тебе нужно отдохнуть.

Нора привела меня к моему шалашу. Она даже зашла внутрь, чтобы убедиться, что внутри достаточно тепло и моя подстилка достаточно мягкая.

– Тебе понравилась наша песня? – спросила она. Её глаза блестели в ожидании похвалы.

– Я никогда не слышал ничего подобного! Это что-то... что-то неземное, – выдохнул я. – Как вы это придумываете? Эти звуки?

– Хочешь, я расскажу тебе, как появилась первая песня? – спросила она. Я кивнул.

Я готов был слушать что угодно, лишь бы это чудо не уходило из моего шалаша... пока у меня испытательный срок, я и пальцем её не трону, но потом... если все будет хорошо, я непременно вернусь к ней, даже если придется проплыть хоть пять километров.

– Давным-давно один человек собирал клочки травы на поверхности Остова, – Нора начала свой рассказ. Я слушал её, подперев кулаком подбородок. – Солнце сжигало все живое, но в тенистых местах еще можно было найти травы, из которых получались лекарства. Никто уже не помнит, как звали того человека. Многие часы он бродил по Остову, карабкался то

вверх, то вниз, его одежда изнашивалась, солнце обжигало его кожу. Но человек не останавливался, желание помочь больным гнало его все выше. И вот, однажды он достиг вершины. Ему было так тяжело, что он почти падал. Но тут он увидел, что прямо с неба к нему спускается желтая чайка. Эту чайку ему послал Бог. Чайка открыла клюв и начала щебетать песню. Она летала над человеком и пела снова и снова, пока он попробовал спеть вместе с птицей. Когда он пропел первую молитву, его раны затянулись, а тело наполнили силы. Когда он спел вторую молитву, трава под его ногами разрослась на глазах. Когда он спел третью молитву, он прозрел и понял, что все в мире создано Богом во имя любви...

Она говорила еще много всего, про разных святых и жрецов, но я не особенно слушал. История про поющую чайку и старика, который песенками заставлял траву расти даже на камнях, оказалась не самой дурацкой, дальше – хуже. Но слушать голос Норы, следить за ее красивыми губами, наблюдать, как двигаются ее длинные ресницы... я мог бы делать это вечно. Воды меня забери, это была первая девушка, которую я видел спустя столько месяцев!

Когда она закончила свои сказки, она пожелала мне крепкого сна и ушла, оставив меня одного. Смороенный наповал скучнейшей историей оранжевых, я тут же провалился в темноту.

На следующее утро я встал, чувствуя себя полным сил. От боли в теле не осталось и следа, голубая болезнь как будто вовсе исчезла!

Умывшись, я вместе с остальными оранжевыми пошел в столовую, надеясь найти там Нору. Но девушки нигде не было. Я пытался расспросить ее подруг о том, где она, но те отмалчивались, загадочно переглядываясь между собой.

Завтракать без своей прекрасной проводницы я не хотел, потому пошел искать ее в поселении.

В шалаше, где Нора жила вместе с дедом, ее не оказалось. Деда, впрочем, тоже не было. На грядках с бобами было пусто. В главном шатре не было даже Солнца: он в окружении своих стариков завтракал со всеми общинниками в столовой.

Мучаясь догадками, куда могла пропасть Нора, я стал бродить по поселению.

Случайно забредя на грядки с каким-то чудным высоким растением, я вдруг услышал грубый мужской голос. Как будто кто-то ссорится – если предположить, что оранжевые вообще могут ссориться. Затаившись, я подкрался поближе и заглянул через кусты.

Там была Нора, а возле нее стоял огромный парень с медной кожей. Этот громила за что-то ей выговаривал, он чуть не брызгал слюной от бешенства, а маленькая Нора стояла перед ним, неподвижная и решительная, как скала! Ее смелость поразила меня. Девушка не позволяла себе даже вздрогнуть, хотя он размахивал руками, едва не задевая ее!

Поначалу я сдерживал себя: я ведь не знал, кто ей этот парень и из-за чего он с ней ругается. Возможно, я сделал бы только хуже, если бы вмешался. Только когда я понял, что он в самом деле собирается ее ударить, я, не раздумывая, вышел из своего укрытия.

– Что здесь происходит!? – спросил я, смотря в глаза чернокожему громиле.

– Тебя это не касается, уходи! – велела мне Нора, нахмурившись.

– С какого перепугу он тут!? Ты попросила его прийти!? Так значит я прав, значит, ты теперь с ним! – закричал ее приятель, скалясь. Видимо, он уже достиг того состояния, когда говорить с ним было бесполезно: он слышал только то, что хотел. – С кем еще ты была!? С Чайкой!? Я всегда знал, что твои ноги вместе не держатся!...

Зарывав, негр бросился на Нору, но я успел оттолкнуть его в сторону, прыгнув сверху. На самом деле мне даже не удалось повалить его на землю: массы не хватило. Но зато я отвлек его от Норы.

Оторвав меня от себя одним движением руки, чернокожий повалил меня на землю и бросился сверху, собираясь ударить по лицу. Я попытался лягнуть его, но вовремя понял, что это плохая идея, и обхватил ногами его шею, лишив его маневренности. Он, пытаясь добраться до моего горла, протаскил меня по грядкам, сбивая жесткие стебли растений. Я изворачивался,

мешая ему полностью на меня навалиться, и заодно пытался как можно теснее сжать ногами его шею.

Страшное оскаленное лицо разъяренного громила и его рычание лучше всяких слов давали понять, что он хочет убить меня и как можно мучительнее! Все, что мне оставалось, это попытаться сделать этот процесс как можно неудобнее для него и надеяться, что Нора позовет кого-нибудь, чтобы нас разняли.

Изловчившись, громила добрался до моего горла одной рукой и вцепился в меня мертвой хваткой, перекрыв ход воздуха. Это было больно, но одной руки, чтобы сломать мне шею, было недостаточно, а не дышать я мог долго.

Воспользовавшись тем, что он посчитал меня наполовину побежденным и замер, пытаюсь меня задушить, я стал ощупывать второй рукой землю вокруг. Но здесь действительно была только земля, а не пласты мусора, как на остальных островах Огузка! Был бы тут мусор, можно было бы его чем-нибудь ударить... но нужно использовать землю. Я загреб в руку побольше песка и кинул ему в лицо, ненадолго ослепив. Он инстинктивно попробовал протереть глаза оставшейся рукой, которой держал мои ноги, и тем самым позволил мне вырваться. Прижав ноги к своему туловищу, я все-таки лягнул его, но толчок оказался слишком слабый и неуклюжий: он даже на землю не повалился, как я рассчитывал, только ненадолго отпустил мое горло.

Перевернувшись на бок, я попробовал встать, но громила схватил меня за ногу и потянул к себе, не обращая никакого внимания на мои попытки сопротивляться. Все повторялось: он опять пытался достать до моего горла, а я пытался ему помешать, пихаясь ногами и валяясь по земле.

Наконец, в него вцепились сзади чьи-то руки и оттащили от меня. Я тут же вскочил с земли и отпрыгнул подальше от своего противника, который усиленно вырывался.

Его удерживали трое рослых мужчин, а четвертый выливал на него ведро холодной морской воды. Мужчина, который должен был, если что, удерживать меня, стоял без дела.

Вокруг места драки моментально собралось несколько десятков зевак, они громко переговаривались, выдвигая разные версии драки. Громче всех звучали слова «ревность», «измена», «любовники» и «грешница».

– Тебя требует к себе Солнце, – сказала Нора, вдруг появившаяся из толпы.

Ее голос звучал холодно, а взгляд был полон непонятной мне злобы. Я так опешил от ее вида, что не сразу понял, что она сказала.

– Ступай к Солнцу, – меня кто-то подтолкнул. – Мы тебя приняли, а ты устраиваешь драки с нашими сыновьями!

– И это твоя благодарность за помощь, которую мы тебе дали!? – крикнул кто-то еще из толпы. – Пусти чайку к садку с рыбой!

Они кричали что-то еще, но я уже не слушал. Я быстрым шагом шел к поселению.

Дела мои плохи, судя по всему. Я и так тут не в чести, а из-за этой драки они могут подумать обо мне невесть что. И еще Нора так на меня смотрела... неужели это она сказала всем, что я на него набросился? Если так, то вряд ли Солнце даст мне второй шанс.

Может, разумнее сразу прыгнуть в море и попытаться уплыть отсюда? Вдруг они меня схватят и сдадут страже? От Луны я слышал, что нет людей более честных и справедливых, чем оранжевые, но он не говорил, распространяется ли эта их справедливость на чужаков с воровскими глазами...

В один момент и даже остановился на полпути, думая убежать к морю, но потом взял себя в руки и пошел к шатру Солнца. Я, может, и слабак, но точно не трус, чтобы убегать. Я поговорю с ними и объясню, что произошло до драки.

Когда я вошел в селение, на меня обратились десятки глаз. Оранжевые с любопытством косились в мою сторону и шептались о чем-то за моей спиной.

Я вошел в шатер, где меня ждал Солнце со своей бородатой свитой.

– Я требую объяснений, – произнес он, не тратя время на предисловия.

– Я видел, что он бросился на Нору, и попытался ему помешать, – уверенно ответил я.

– Бивень – ее жених. Она дала ему свое согласие. Ты мог наброситься на него, только если хотел оспорить его права на Нору, – объяснил главварь оранжевых.

– Любовь тут не причем: я не мог стоять в стороне, когда на моих глазах бьют девушку! Кто бы он ей ни был, он больше нее в два раза и еще смеет поднимать на нее руку, хотя она совсем беззащитна!?!...

– Ты пришел в наш дом, мы дали тебе приют, – Солнце повысил голос, заставив меня замолчать. – А вместо благодарности ты избил одного из нас и опозорил молодую девушку.

– Я готов немедленно уйти отсюда, если своим поступком оскорбил ваши обычаи, – ответил я, внутри закипая от негодования.

Я его избил!? Неужели он слепой!? Я не смог бы навредить этому животному, даже будь он связан по рукам и ногам! По их разумению выходит, было бы лучше, если бы он набросился на Нору и побил бы ее!? Пусть в синяках ходит девушка, а не здоровый агрессивный морж!?

– Кхе, – кашлянул дед Норы, обращая на себя общее внимание. – Я предлагаю обсудить участь этого вора, прежде чем выносить ему приговор. У меня есть, что сказать всем вам насчет Бивня.

Мне велели выйти, чтобы я не участвовал в обсуждении своей участи.

Слоняясь вокруг шатра в ожидании суда, я увидел Бивня в компании своих приятелей. Он проходил мимо, но не заметил меня. Бивень рассказывал своим друзьям им что-то, яро размахивая руками, и выражение его лица мне не понравилось. Было похоже, что он подбивает их на что-то. Они кивали.

Интересно, что он задумал? Будет мстить мне или захочет наказать Нору? Кажется, этот полудурок из-за ревности способен на любую подлость...

Заметив, что нервно переминаюсь с ноги на ногу, я себя остановил. Наверное, не стоит позволять беспокойству брать верх в такой ситуации. Нужно успокоиться и что-нибудь предпринять.

Осмотревшись, я обнаружил в толпе подругу Норы и помахал ей, подзывая к себе. Она увидела меня, но заколебалась. В какой-то миг мне даже показалось, что она сделает вид, что не заметила меня, и пройдет мимо. Однако, девушка все же подошла ко мне, но с таким лицом, чтобы всем вокруг было ясно, что она не хочет этого делать.

– Где Нора? – спросил я.

– Она у себя, и я не советую тебе к ней соваться! – прошипела подруга, вспыхнув. – Ты мог бы подумать, прежде чем затевать драку? Хоть понимаешь, как это выглядит? Теперь все думают, что вы из-за нее дрались, потому что она дала тебе повод на что-то надеяться!

– Я помешал бы ему распускать руки, будь на ее месте любая другая девушка, – ответил я.

– Зачем ты меня подозвал? – спросила девушка, сложив руки на груди.

– Передай ей, чтобы не ходила одна, пожалуйста, – попросил я. – Мне кажется, ее приятель что-то замышляет.

– Тебе кажется? – она недоверчиво прищурилась.

– Я видел, как он подбивал на что-то своих дружков. Возможно, он хочет отомстить.

– Я передам ей, – кивнула девица и ушла, не сказав больше ни слова. Она направилась в сторону шалаша Норы.

Когда меня снова позвали в шатер, в воздухе там витало совсем другое настроение. Старики больше не хмурились и не морщились, только Солнце не изменил сурового выражения лица.

– Мы больше не считаем тебя виновным в произошедшем, но ты должен будешь покинуть наш остров сегодня же, – сказал он. – Прежде, чем уйти, ты должен будешь предупредить меня.

– Я понял.

Буря миновала. Все оставалось на своих местах.

Хорошо, что я не поддался страху и не сбежал: я бы все испортил! А теперь еще есть надежда, что я когда-нибудь вернусь сюда.

Я отправился в столовую, где плотно поел, чуя, что это последний раз, когда у меня будет возможность есть досыта. Правда, еда показалась мне довольно безвкусной: что такое бобы и картошка по сравнению со старой-доброй водорослево-рыбной похлебкой? Вчера, когда от голода я мог бы съесть и сырую рыбу, я этой разницы не заметил.

Позавтракав, я стал думать, как использовать свой последний день у оранжевых. К Норе я идти не решился: прошло совсем мало времени, вряд ли она успокоилась и готова говорить со мной. Поэтому я отправился на прогулку по острову. Мне захотелось тут все исследовать и выяснить, откуда лучше будет плыть. К тому же я лелеял надежду увидеть настоящий храм Солнца.

Вчера, когда я мог видеть только то, что показывала мне Нора, я едва ли обращал внимание на то, чем действительно занимаются оранжевые.

Если зеленые гребли миналию, а голубые тесали морские камни, то оранжевые выращивали овощи, фрукты и другие полезные растения.

Говорят, раньше, когда земля была повсюду, люди только и делали, что растили себе еду. Иногда они охотились или рыбачили, но в основном – выращивали. И это было вовсе не то же самое, что наши водорослевые плантации: собирай урожай да следи, чтобы несъедобные водоросли не примешивались. Нет, там нужно было вскапывать землю, поливать, удобрять, полоть... это был тяжелейший труд.

Сейчас, когда у нас и земли-то почти не осталось, растить что-либо на острове бесполезно: солнце выжигает любой росток, высушивает почву. Для большинства растений нужны теплицы, а для теплиц – территория, которой у нас нет. Раньше я думал, что земные растения на Острове берутся с секретных заводов на самой вершине, а оказалось, что их выращивают на Огузке оранжевые! Ведь они умеют убалтывать небесный огонь и знают секреты земли, потому и способны вырастить зелень под открытым небом... их научила желтая чайка, ага, знаем-помним.

Часть урожая оранжевые отдают страже, часть оставляют для себя, потому им легче всего было прятать что-либо от власти: стражники не навещали их каждый день, чтобы привезти пайки. Они приезжали только раз в две недели, и всегда без предупреждения. Тогда они обыскивали каждый угол, каждый шалаш, заглядывали в каждую нору и осматривали каждую грядку. Работа с урожаем прекращалась на весь день, а люди должны были сидеть в своих шалашах, нельзя было выходить даже поесть. Иногда проверки затягивались. На случай появления надзирателей в каждой семье была корзина сушеных фруктов и ягод.

Однако, такие неудобства два раза в месяц терпеть было несложно. Все остальное время оранжевые жили легко и весело: они работали, пели, перемывали кости соседям и рассказывали нелепые сказки, которые называли притчами. Эти притчи обезоруживали своей наивностью и неправдоподобностью, но оранжевые их очень любили и часто говорили друг про друга, что кто-то поступает как в такой-то притче.

Несмотря на утреннюю драку, некоторые чернокожие встречали меня приветливо и охотно отвечали на мои вопросы.

К вечеру я уже знал о лагере почти все: где что расположено, как проходят работы на разных плантациях, откуда приезжает стража, куда приносят урожай. Не узнал я только о храме Солнца, но это и не удивительно: стоило мне произнести это словосочетание, люди замолкали и не говорили больше ни слова.

Перед тем, как прыгнуть в воду с причала для стражи, я зашел к Солнцу, как он и просил. Вождь оранжевых был один в шатре, рассматривал рассыпающийся пергамент из водорослей. Неужели он читать умеет?...

– У меня есть для тебя поручение, – сказал он, сворачивая пергамент и убирая его в сундук за своим тронном. – Ты должен будешь попасть в лагерь зеленых и передать это Карпуше.

Он вручил мне плотный сверток темно-зеленого цвета. Судя по отвратительнейшему запаху, это могла быть внутренность какого-то морского животного.

– Что там такое?

Я принял посылку и стал осматривать ее. По весу она была как миска похлебки, а на ощупь довольно скользкая.

– Тебе нельзя ее вскрывать, – ответил Солнце. – Вскроешь неправильно – содержимое уничтожится, а тебе разест лицо и руки.

– Понятно. А что мне делать, если меня поймает стража?

– Скажи, что стащил у желтых: они поверят.

– Ладно, – я улыбнулся.

Желтые жили на ближайшем к оранжевым острове, их разделял лишь небольшой ручеек и две трехметровые стены. О желтых, впрочем, я так и не успел ничего узнать, хотя за сегодняшний день услышал с их стороны аж три взрыва.

– Прикрепи сверток себе на спину и плыви: он не промокнет.

– Один вопрос, можно?

– Слушаю.

– Если я доставлю послание, смогу я сюда вернуться?

– Да, но только с ответом Карпуши. Если я получу нужный ответ, это будет знаком того, что тебе можно доверять. А теперь иди.

Итак, теперь я, похоже, заделался гонцом, и буду у них вместо черных и белых чаек. По крайней мере, это не гребля миналии всю оставшуюся жизнь: уже хорошо!

Выйдя из шатра Солнца, я отправился к Норе. В шалаше ее не было и в столовой тоже, потому я пошел на плантации бобов. Там ее тоже не оказалось.

– Она вообще растениями не занимается, – сказала мне одна из ее вчерашних подруг. – Просто ее за тобой приставили следить, вот она и придумала отвести тебя сюда. Сейчас тебе с ней не увидаться: она занята таким делом, от которого ее нельзя отвлекать. Ее работа связана с нашей верой, если ты понимаешь, о чем я говорю, – она посмотрела на меня ну очень внимательно, так, что не понять было нельзя.

– Кажется, я понял, – я кивнул. – Передай ей мои извинения за утреннее происшествие, пожалуйста.

– Передам, – кивнула девушка, хитро улыбнувшись. На фоне черной кожи ее зубы казались светящимися. – Ты ведь еще вернешься сюда, правда?

– Надеюсь на это, – я подмигнул чернокожей красавице, и пошел прочь с плантации.

Выходит, Нора работает в новом храме солнца. Интересно, кто она? Неужели молоденькая жрица?

Рассуждая об этом, я добрал до причала.

Стараясь не думать о том, что могу утонуть по пути, я стал спускаться в воду. Но стоило кожи коснуться холодного океана, тело вспомнило пережитый страх, руки начали трястись, как у припадочного, а живот скрутило стальной судорогой...

Я широко открыл глаза и стал напевать свою песню. Я стал думать о том, как и где лучше поставить ударения, где понизить, где повысить голос, где нужно громче, где тише. Пока песня отвлекала мои мозги от воды, я полностью оторвался от острова оранжевых и заставил себя машинально грести в сторону голубых. Плыть было долго, очень долго. Понятия не имею, как вообще преодолеть это расстояние... Но выбора у меня нет, если я хочу жить и если хочу снова увидеть Нору. Главное, не думать о том, что я в открытой воде, и течение может унести меня далеко от земли.

5. Остров желтых

В селении голубых меня встречали, как воскресшего из мертвых пророка. В каком-то смысле так оно и было: меня ведь признали мертвым, а вернулся я не без некоторых интересных сведений.

Той же ночью, когда я по глупости обрушил стену, на остров прибыл отряд из нескольких десятков стражи: они были уверены, что поднялся бунт. Тел они не нашли, но Карпуша сказал, что пропали двое заключенных, которые не ладили между собой. Поскольку командир зеленых был на хорошем счету у стражи, а возле места крушения видели хищных рыб, приплывших на кровь, ему поверили. Правда, стража не ушла насовсем: теперь они восстанавливали стену, и это должно было занять немного больше недели. Не то чтобы так нужна была эта стена из мусора, скорее это был повод оставить людей на острове, чтобы она понаблюдала за зелеными.

Известие о моей смерти и появление на острове отрядов стражи голубые связали воедино. Это нагнало гнетущую тоску на всю стаю: они подумали, что меня раскрыли и убили, а теперь примутся и за всех причастных. Но, несмотря на свои страхи, голубые даже устроили мне похороны. Оказалось, ко мне тут многие привязались и искренне горевали о моей бесславной кончине!

Когда же я, шатаюсь от усталости, добрался до главной площади, в голубой стае поднялся настоящий балаган. Было уже поздно, у костров сидел только молодняк, потому, завидев меня, все подумали, что я – привидение, и страшно перепугались. Но потом появился Луна, который тут же узнал меня и успокоил всех остальных.

Меня потащили в столовую, где вручили добрую порцию рыбно-водорослевой похлебки. Вокруг места, где я свалился, вскоре собралась вся стая: все с нетерпением ждали объяснений. Хотя я и устал до смерти, пока добирался до острова, мне не хватило бессовестности оставить их без столь интересной истории и завалиться спать, как требовало мое тело.

Историю про мое приключение выслушали от и до. Так как на тот момент я еще не знал, что на участке зеленых полно стражи, я рассказал обо всем, даже о том, что зеленые на самом деле не курят никаких грибов, а оранжевые строят новый храм Солнца. Обо всем этом ни один стражник не должен был слышать даже краем уха. Возможно, это было очень глупо с моей стороны, вот так трепать на всю стаю о тайнах, которые могут стоить жизни не одной сотне людей, но в тот момент меня переполняло чувство благодарности и любви ко всем голубым: я чувствовал, что вернулся в настоящую семью и посчитал, что моя родная стая должна знать все. Воры, конечно, преступники, но понятия чести для них не пустой звук, за те месяцы, что я тут провел, никто тут не нарушил законов стаи. В этом отношении мы были даже лучше оранжевых, среди которых встречались такие, как Бивень. Я был уверен, что, даже если все будут знать о моих делах, никто не побежит сдавать меня стражникам.

Однако, стража сама к нам пришла, что стало для меня огромной неожиданностью. Про себя я уже попрощался с жизнью, но Кит шепотом объяснил мне, что сейчас стражники восстанавливают стену на участке зеленых, вот и пришли, заметив, что голубые устроили посиделки посреди ночи. Ничего страшного в этом нет, просто обычная проверка.

– Что это за сборище!?! – рявкнуло существо в тяжелых кожаных доспехах и с маской вместо лица.

За ним стоял десяток воинов, у всех было по два-три длинных гарпуна на случай, если мы собираем восстание.

– Не волнуйтесь, – Луна вышел к ним, опираясь на шест вожака. Он терпеть не мог эту палку, но при надзирателях специально разыгрывал немощного старика. Поговаривают, у некоторых надзирателей еще осталось сострадание. – Сегодня первый день рождения новень-

кого, у которого вот-вот закончится мутация. Мы думали, бедняга не выживет, а он выкарабкался! Простите нас, если мы шумели и не дали вам выспаться.

– Покажите нам его! – велел стражник.

Меня вытолкали вперед. Луна крепко сжал мое плечо, успокаивая.

– Вот он. Его зовут Малек.

– А почему он весь мокрый? – прогудел стражник, вертя мою голову в своих жестких перчатках. Он рассматривал мои глаза.

– Из-за этой синей гадости у меня все смерть, как чешется! Иногда я окунаюсь в воду, чтобы сбить зуд, – объяснил я дрожащим голосом. Мне даже притворятся не пришлось: меня всего трясло от страха и холода.

– Разве ты не знаешь, что можно утонуть? – спросил стражник, всматриваясь в мое лицо сквозь стекла маски.

– О, мой друг держит веревку, к которой я привязан, так что я не утону! – охотно объяснил я.

– И сколько лет тебе исполняется?

– Шестнадцать.

На самом деле я был на шесть лет старше, но решил не рисковать, называя свой настоящий возраст. В конце концов, телосложением я запросто мог сойти за долговязого подростка. К тому же, ребенка стражники быстрее оставят в покое, чем взрослого.

– Что-то я не видел тебя раньше, – стражник продолжил вертеть мою голову в руках. Может, он помнил того тощего белокожего поэта, которого долгое время держали в яме, но сейчас не мог узнать меня из-за сильно изменившихся глаз и ожогов. Я сам в зеркало не смотрелся, но Луна сказал, что за эти дни мои глаза совсем потеряли белый цвет, что, скорее всего, связано с морской водой, в которой я провел слишком много времени. Она, после того, что несколько сотен лет назад устроили люди, тоже была отнюдь не безопасной.

– Странно, я ведь тут уже несколько месяцев, – я пожал плечами и улыбнулся.

Стражник пропыхтел что-то в свой противогаз и ушел, велел нам расходиться.

Опасность миновала и все вздохнули с облегчением. Голубые стали разбредаться по своим норам и лачугам, обсуждая новости едва слышным шепотом, так, что можно было подумать, будто это сквозняки решили побродить по нашему участку.

Я остался в хижине с Луной и Китом, мне хотелось посоветоваться со стариком насчет свертка, который дал мне Солнце.

– Чем скорее ты его доставишь, тем лучше, парень. Да, там полно стражи, но дело важное. В таких вещах нельзя медлить. Чем скорее ты принесешь ответ оранжевым, тем лучше: тогда они поймут, что за ними нет слежки, и продолжат свое дело.

– Я помогу тебе пройти мимо стражи: с тех пор, как обрушилась стена, я только и делал, что следил за ними, – сказал Кит, хитро подмигнув мне. – Эти разгильдяи приволокли с собой тучу инструментов! Теперь мы, наконец-то, сможем построить себе нормальные хижины.

– Я в тебе не сомневался, – я улыбнулся приятелю, затем обратился к Луне. – Но я не понимаю, почему так важно, чтобы оранжевые построили этот храм?

– Все, что сейчас происходит, малек, уже происходило много лет назад, – объяснил старик своим скрипучим голосом. – Жители Огузка устают от гнета стражи, от слежки, от работы. Вскоре желание свободы станет достаточно сильным, и они осознают его. Поймут, что, не только хотят жить, как все, но и могут. Ведь нас много и, видит небо, мы сильнее, мы выносливее тех людей, которые бездельничают на Остове! Построив и отстояв свой храм, оранжевые покажут, что стража не всесильна, а свобода реальна. Это будет первый шаг.

– Неужели ты хочешь, чтобы все повторилось!? Чтобы люди снова погибали!? – я ошеломленно отстранился от Луны.

– Я хочу только, чтобы мои дети, которые живут на одном из островов, не были всю свою жизнь рабами, малек, – сказал старик. – Я хочу только этого, и я надеюсь, что они будут бороться за жизнь, а не за дополнительный паек из рук своих надзирателей.

– Честно говоря, я видел, как живут зеленые, голубые и оранжевые. Это вовсе не плохая жизнь, – сказал я, качая головой. – На Остове люди также погибают от работы, за ними тоже следит стража. Да, у них есть выбор, быть им рыбаками, плотниками, учителями или шутами вроде меня. Но здесь вам гораздо свободнее, вы говорите, что хотите, шутите, и как бы плохо вы не работали, у вас всегда будет еда – хоть немного, но она будет! На Остове люди не всегда едят и раз в день.

– Ты видел только три стаи, малек. Только три. А я видел больше. Поверь, то, как живут остальные, это страшно, – старик покачал головой. – Нет, люди не должны так жить, малек.

– Вот что я решил, – сказал я, немного подумав о словах Луны. – Я отправлюсь к Карпуше этим вечером и поговорю с ним. Думаю, мне нужно самому разобраться во всем этом, чтобы понять, как действовать.

– Хорошее решение, малек, – умиротворенно кивнул Луна. – Я и не ждал от тебя другого. Луна отправился спать, а мы с Китом стали красться к стене, разделяющей две стаи.

– Так значит, ее зовут Нора, да? – спросил парень, нащупывая тайный ход на ту сторону.

Кита всегда мало волновала политика. Для него было гораздо важнее, что он ест и где спит, чем участие в каких-то там судьбоносных заговорах. Он и за стражей-то следил просто потому, что ему нравилось знать, что эти олухи его никогда не поймают. Даже если при нем раскроется страшная тайна, а в этот момент где-то мелькнет корзинка с рыбой, Кит пойдет за корзинкой, уверенный, что не слышал ничего важного.

– Да, именно так ее и зовут, – хмыкнул я, догадываясь, о чем хочет поговорить приятель. Это же его сокровенная мечта, поглазеть на обнаженных чернокожих девиц!

– И она красивая?

– Очень, – кивнул я.

– Так ты будешь с ней?

– Не думаю, – я покачал головой, хотя, конечно, на самом деле только об этом и думал.

– Он еще и привередничать вздумал! – изумился Кит. – Смотри, будешь носом вертеть, вообще без рыбки останешься! Не может же тебе все время везти!

– Пока мне очень даже везет, – ехидно заметил я, вспоминая, как на прощание со мной кокетничала одна из подруг Норы. Даже на Остове, без этих глубоких бирюзовых глаз я всегда нравился девушкам.

Прячась в темноте, мы пробрались к главной площади, где сгрудились дома зеленых. Я с грустью заметил, что в моей бывшей хижине горит свет: видимо, туда уже подселили очередного бедолагу.

– Стража разбила лагерь там, – Кит ткнул пальцем в сторону площади, противоположную той, где стояла хижина Карпуши. – В общем-то, к Карпуше попасть легче легкого.

– Если там внутри никого нет, – добавил я.

Ссутулившись и вытянув лицо, чтобы походить на типичного зеленого, я двинулся к дому своего бывшего предводителя. Недалеко оттуда было отхожее место. Если кто спросит, скажу, что иду туда.

К счастью, Карпуша был в хижине один. Я понял это по звукам странного музыкального инструмента, на котором он играл в свободное время. Это чудовищное изобретение было похоже на сковородку с двумя струнами и являлось страшной тайной подрывника.

– Тсс, – прижав палец к губам, я вошел в его хижину.

Карпуша обернулся ко мне, изменившись в лице.

– Так ты живой!?... – прошептал он одними губами, чтобы его громовой голос не потревожил спящую стражу. – Ты хоть знаешь, сколько тут стражи!? Если тебя заметят, нас всех пережут!

– Да, я живой. В отличие от человека, которому ты доверился. Я видел, как он сдавал вас страже со всеми потрохами, – рассказал я, садясь напротив своего бывшего командира.

Я быстро выложил Карпуше все о событиях той ночи и о моем путешествии в лагерь оранжевых.

– Солнце просил меня быть вашим гонцом, – сказал я в итоге. – Я хорошо плаваю и долго держусь под водой, страже на лодках сложно меня заметить. Но я не хочу действовать слепо, мне нужно знать, что я передаю.

– Вот оно как... Ты привез мне посылку? – спросил Карпуша, задумчиво потирая свою черную бороду, заплетенную в косы.

– Я отдам ее, только если ты вскрыешь ее при мне и напишешь Солнцу, чтобы он тоже делился со мной информацией. Тогда я стану вашей «белой чайкой».

– Обнаглевшая улитка! – выдохнул Карпуша, нахмурившись. – С чего мне доверять тебе!?

– Я пришел сюда, рискуя жизнью, чтобы предупредить тебя о предательстве, которого не случилось. Разве этого недостаточно?

– Я не могу поверить, что он мог так поступить, – он покачал головой.

– Так что же? Ты согласен?

– Нет, – вдруг ответил Карпуша. Его лицо ожесточилось, он посмотрел на меня чуть ли не со злобой. – Я не знаю, как ты выжил, откуда ты вообще взялся и что на самом деле ты сделал с Осьминогом! Проваливай отсюда и не попадайся мне больше на глаза, а не то я сдам тебя стражникам!

– Как скажешь.

Я не стал его уговаривать: это было бесполезно. Поднявшись, я вышел из шалаша и вернулся к своему другу.

– Ну, как все прошло? – Кит, как только мы оказались в безопасности на участке голубых, набросился на меня с расспросами. – Давай, говори, что было в том свертке?

– Я не знаю. Он сказал, что не станет раскрывать мне все, и я ничего ему не отдал.

– Как!? – опешил Кит. – Это же так важно! Как ты мог не отдать!?

– Важно или нет – значения не имеет. Причин, чтобы так поступить, достаточно, – стал объяснять я. Не то чтобы мне хотелось оправдаться перед Китом, скорее мне нужно было убедить самого себя, что поступок действительно был правильный. – Сам подумай: если я ничего не буду знать, но при этом безвозмездно плавать туда-сюда, они в любой момент смогут от меня избавиться, испугавшись чего-нибудь! А если я буду знать хотя бы часть всего, я буду иметь вес. К тому же, я буду рисковать своей жизнью ради этих посылок. Ты бы стал рисковать жизнью ради того, чего сам не знаешь? Вдруг они идиоты, и своими аферами загоняют в могилу невинных людей, а я по незнанию буду этому способствовать?

– Вот ты думаешь, что самый умный, а ведь на самом деле ты же ничего не понимаешь! – досадовал Кит. – Ты слишком много на себя берешь! Вдруг в этой посылке что-то очень важное, что обязательно должен знать этот Карпуша?

– Все равно тут нужно разбираться. Глупый я или умный, я имею право решать, как мне поступить. Посылка-то у меня, – я повертел сверток перед его лицом.

– Ладно, и что ты будешь делать? Ведь без обратной посылки тебя не пустят к оранжевым!... К Норе.

– Я отправлюсь к желтым, – ответ пришел сам собой, мне даже не пришлось задумываться над ним. В самом деле, это отличная идея! Отправлюсь к ним, познакомлюсь, а заодно попробую получить их рекомендацию для Солнца! – Они знают, как открыть ее.

– И с чего бы им тебе помогать?

– Я поговорю с ними. Может, у меня получится завоевать их доверие.

Запланировав свое путешествие к желтым, я стал усердно к нему готовиться. Плыть до них было немного дольше, чем до оранжевых, переправа к которым чуть не убила меня.

Я сплел себе плащ из водорослей. Когда я плыл от оранжевых, несколько раз меня замечала стража. Я нырял на глубину, потому они думали, что я какая-то большая рыба и оставляли меня в покое. Пока мне везло, но это везение могло кончиться в любой момент, так что мне нужна маскировка получше. Водоросли помогут мне держать голову на поверхности и оставаться незамеченным.

Через день плащ был готов, но тут на меня навалились дела. Голубым нужно было теперь постоянно меня кормить, поэтому работать я должен был еще больше. Подходил срок сдачи работы за неделю, а мне не было два дня, так что мне предстояло хорошенько поковыряться в морских камнях. Благо, инструменты, которые воры натаскали у чинивших стену рабочих, позволяли работать быстрее.

Таким образом, я, весь синий от добытой краски, поплыл к желтым только на третий день.

Луна не одобрил того, что я не отдал посылку Карпуше, но не стал избегать меня: заговоры заговорами, а дружба дружбой. Старик даже помог мне закончить плащ из водорослей и рассказал кое-что о желтых, о том, как с ними можно договориться. Все-таки, когда-то он жил рядом с ними и многое знал о них.

Желтые – это люди, чья вина во врожденной гениальности. Если в человеке обнаруживается огромный талант к чему-либо, и он этот талант отказывается добровольно использовать по указке правительства, то его отправляют на Огузок в качестве желтого, где он уже обязан выполнять заказы правительства под страхом смерти. В итоге эти чудаковатые люди в своей тоске по свободе начинают злоупотреблять водорослевыми настойками, которые надзиратели, почему-то, не запрещают им варить. Бедолаги упиваются до такой степени, что как будто «проспиртовываются» изнутри и становятся невосприимчивыми к любым ядам и веществам Огузка. У них даже нет никакой реакции на миналию и морские камни! Эта мутация позволяет правительству использовать их с еще большей пользой, ведь для желтых даже ненужно строить лаборатории: пьяницы могут хоть ртутью друг в друга брызгаться, для их здоровья это все равно, что легкая щекотка.

После вводной лекции о быте желтых Луна посоветовал мне привезти им в качестве гостинца грибов, которые мы с Китом выкрали из кухни зеленых. Спрятав эти грибы в коробочку, не пропускающую воду, я отправился в путь.

Удивительно, но после той жуткой ночи, когда меня запросто могло унести в открытые воды, я не начал бояться воды. Точнее, когда я уплывал от оранжевых, мне было очень страшно, но я переборол себя, потому что знал, что только умение плавать придает мне хоть какую-то цену в глазах жителей Огузка. Сейчас, когда я снова плыл к далеким, едва видимым островам, я испытывал скорее жажду первооткрывателя, а не страх перед неизвестностью и глубиной воды.

Я плыл на спине, любясь облаками, когда вдруг услышал всплески. Я тут же перевернулся и огляделся, пряча голову под капюшоном из водорослей. В тридцати метрах от меня плыла лодка со стражниками.

– Гляди, там что-то есть! – крикнул один из них, махнув рукой. Из-за того, что водоросли загоразивали мне обзор, я не увидел толком, куда он показывал, но догадаться было не трудно.

Я нырнул и поплыл под водой, стараясь не терять верного направления. Когда воздух подошел к концу, я осторожно вынырнул.

Стражники были уже совсем в другой стороне, но они отчаянно гребли в мою сторону, что-то грозно крича. Мое сердце уже было провалилось в пятки, но тут я заметил, что вместе

со стражниками ко мне плывет еще кое-что. Или, если точнее, кое-кто. Огромная оранжевая полосатая рыбина с жуткими белыми наростами на спине двигалась прямо ко мне! Вдохнув побольше воздуха, я стал грести что было сил: до острова желтых оставалось совсем немного.

Если от стражников я еще умудрился оторваться, то от рыбы было не уйти! Она настигала меня, даже не ускоряясь толком!... И откуда тут только такие здоровые хищные рыбы!? Неужели это новая задумка стражников? Хотя если это их хищная рыбина, то почему они все еще плывут за мной, что-то крича? Или же они плывут за ней?...

До мусорного берега желтых оставалось около семи метров, но я уже чувствовал ногами, что рыбине достаточно сделать один рывок, чтобы схватить меня!

Тогда я решил, что, коли я от нее не уплыву, нужно драться. На случай близкого знакомства со стражей я стал носить с собой заточенный кусок скорлупы морского камня, и вот представился случай проверить пригодность моего оружия. Резко перекувыркнувшись в воде, я бросился навстречу рыбине, крепко сжимая в руке осколок.

Тут меня ждал новый сюрприз! Рыба оказалась не только гораздо больше, чем я думал, у нее обнаружили длинные сильные конечности, которыми она схватила меня и скрутила, не давая пошевелиться. Гигантский осьминог держал меня под водой, намереваясь задушить...

Но почувствовав на горле пальцы, я догадался, что это была никакая не рыба, а, судя по ощущениям, очень сильный мужчина. Раз он уплывал от стражи, значит, он мне не враг.

Я разжал руку, выпуская свою заточенную скорлупку в воду и замер, показывая, что сдаюсь. Подержав меня еще немного под водой, ровно столько, сколько хватило бы, чтобы любой другой задохнулся, мужчина бросил меня и поплыл дальше.

Встрепенувшись, я немного подождал и вынырнул. Стражи уже давно не было поблизости: поскольку наша драка происходила под водой, всплески не могли бы их привлечь.

Мне стало интересно проследить за таинственным пловцом, потому я двинулся за ним, стараясь быть тише ветра.

Обогнув остров желтых, так, чтобы плавающие вдалеке стражники наверняка не заметили, мой душитель ловко выбрался на сушу. Вот теперь я по-настоящему удивился! Это был никакой не мужчина! Это была девушка, но такая, какие, наверное, могут привидеться только после употребления хорошо просушенных грибов...

Первым, что бросалось в глаза, была ее кожа. Она была полосатой! Светло-коричневые, как смола, полосы, растекались по янтарно-желтой коже.

Второе – огромная физическая сила. Казалось, в схватке с северной акулой у нее было больше шансов, чем у акулы. Девушка была очень широкоплечей, мышцы на ее спине и руках бугрились при каждом движении. Форма подтянутой задницы могла загипнотизировать любого...

Третье – роскошные белые волосы, которые я сначала принял за наросты на теле рыбины. Когда девушка вышла из воды, они облепили ее спину, словно броня. Но стоило ей встряхнуться, и вода тут же слетела с них, как с перьев чайки. Волосы распушились, превратившись в роскошную вьющуюся гриву, которая закрыла за собой почти всю фигуру девушки.

Итак, я как морской вурдалак сидел в тине и пускал слюни на девицу, чье не в меру мускулистое мокрое тело в ремнях из тюленьей кожи обольстительно изгибалось: она пыталась вытащить из своих великолепных волос всю траву, которая попала туда из моего плаща во время драки.

Что и говорить, мне даже не было стыдно: любой мужчина на моем месте забылся бы от такого зрелища!

Заворожено наблюдая за тем, как таинственная незнакомка приводит себя в порядок после купания, я медленно подплывал к берегу. Наконец, я подобрался достаточно близко, ухватился за выступ и с едва слышимым всплеском выбрался.

Незнакомка резко обернулась, приготовившись броситься на меня и надавать там, где еще не надавала.

– Я не враг! – я тут же поднял руки вверх, останавливая ее.

– Ну, ты и уродец... – она презрительно скривилась, выпрямившись.

Ее лицо... Ни одной искривленной линии, черты этого лица будто были выточены волнами. Ровные и плавные, они складывались в сильный и решительный профиль. Белые брови добавляли агрессивности желтым, будто светящимся глазам, обрамленным густыми темно-коричневыми ресницами... Попадись она мне на Остове, я обязательно снял бы с нее портрет.

Девушка что-то сказала, но я был настолько поглощен ее нечеловеческой внешностью, что не услышал ни слова.

– Что ты такое!? – повторила она с таким грозным видом, будто непременно побьет на меня, если я не отвечу.

– Меня зовут Белый Дельфин, я с острова голубых, – сказал я, опомнившись и поднимаясь на ноги. Наверное, тощее мокрое создание с бело-синей кожей и сплошь голубыми глазами и вправду могло озадачить местных, раз уж у них тут в моде полосатая кожа!

– И что ты тут забыл? – спросила дикарка.

– Я хочу поговорить с желтыми насчет одной вещи.

– Какой вещи?

– У меня есть посылка.

– Так ты – посыльный? Ты же едва не тонешь... – она искривила губы в недоверчивой усмешке. В ее глазах я прочел нескрываемое презрение. – Предводители должны были выбрать кого-то получше!

– Что ж, пловца лучше меня у них не нашлось! – выпалил я раздраженно. Ее оскорбительный тон развеял всю зародившуюся было симпатию. – Так ты отведешь меня к своим?

– К своим? – девица непонимающе хмурилась.

– У тебя с головой туго!? К чему столько вопросов!? Ясно же, что я не от стражи! У меня важное дело, и, если ты не хочешь помогать, уйди с дороги!

Я прошел мимо нее и направился ко входу в лабиринт из мусорных стен. Однако уже через секунду я понял, что допустил большую ошибку, встав к ней спиной! Девица схватила меня за плащ и дернула, да так, что я тут же полетел к ней. Она поймала меня за шею и схватила за грудки, без труда встряхнув над землей.

Я вытаращился на это чудо генетики, надеясь, что она не собирается взаправду сворачивать мне шею, а просто пытается напугать.

– Давай я тебе кое-что объясню, жалкая ты медуза!... – прорычала она сквозь зубы, сверля меня взглядом, полным праведного гнева. – Ты находишься на моей территории! Я могу раздавить твою птичью шейку двумя пальцами и кинуть твой труп своей крысе, если только захочу! Но Лашуня уже обедала сегодня, так что я дарю тебе жизнь: плыви отсюда и постарайся, чтобы я тебя больше никогда здесь не видела, заморыш!

Затем она с такой силой швырнула меня в воду, что я чуть не потерял сознание от удара. Умудрившись остаться в здравом уме, я сообразил, что лучше будет хорошенько подождать, прежде чем всплывать на воздух: снова встречаться с этой сумасшедшей у меня не было никакого желания.

Когда я почувствовал, что дальше без воздуха будет туго, я вынырнул. Полосатой стервы, как я и рассчитывал, рядом уже не было, так что я выбрался на сушу и пошел вдоль мусорных стен, озираясь по сторонам. Мало ли, вдруг она где-нибудь затаилась? С нее станется...

Что ж, видимо, слова Карпуши о том, что чужаков в цветных стаях не любят, оказались правдой. Эта бестия ясно дала мне понять, что не позволит мне так запросто бродить по «ее территории». Однако, что-то мне подсказывает, что эта девица не из желтых. Во-первых, желтые должны выглядеть как обычные люди, в этом ведь и есть их главная особенность: на них

просто перестают действовать яды свалки. Эта же выглядит так, как будто ее протащили по всем островам и напичкали абсолютно всей дрянью, которую только можно найти на Огузке! Во-вторых, умом эта гора мышц явно не блещет, а желтые должны быть гениями. Выходит, она не из них, и потому еще есть шанс, что ученые окажут мне более теплый прием или хотя бы выслушают.

Однако тут встает другой вопрос. Если она не из желтых, то какого она тут делает? И почему она умеет плавать? Кто она вообще такая и на каких правах швырнула меня воду на острове, к которому не имеет отношения?

Мои размышления прервал внезапный грохот откуда-то справа. Земля подо мной закачалась, как при шторме, и я машинально ухватился за ближайшую грудку мусора.

Через пару секунд грохот утих и из-за стен повалил густой голубоватый дым. Он быстро опускался вниз и заполнял собой весь воздух на той части острова, где меня угораздило оказаться. Этот дым сильно жег ноздри и горло, от него даже глаза слезились! После первого же вдоха я полностью потерял обоняние. Если бы не давнишнее отравление миналией, я бы, наверное, не смог тут находиться дольше десятка минут. Но, как мне объяснил Луна, мои легкие научились выделять слизь, защищающую от ядов, а сама ткань стала намного прочнее...

Стараясь дышать поменьше, я перелез через стену и пошел к месту, откуда валил дым. Вскоре я услышал уже знакомые мне ругательства, а затем из голубого тумана появился первый желтый.

Это был лысый низенький мужичок со спутанной бородой и блестящими умными глазами. Краснота его носа могла сравниться разве что с закатом перед дождливым днем. На его поясе был целый арсенал инструментов: от молотков и плоскогубцев до невероятных конструкций из отверток и ключей.

– Эй! Вадик! Пади сюда! – заорал он, обернувшись. – Иди сюда, глянь, что тут!

Вскоре из тумана появился Вадик, среднего роста мужик с глубокими знаниями в глазах и абсолютно безволосой головой. Увидев меня, Вадик даже не удивился.

– Это же вор! – появился третий мужичок, у которого не было бороды, зато голову украшала настоящая шапка густых выющихся волос.

– Ты чего сюда пришел, парень? – спросил лысый, обращаясь ко мне.

– У меня есть это, – я показал им посылку, достав ее из-за пазухи. – Я хочу попросить вас помочь мне ее открыть.

– Ты что, украл ее у Солнца? – усмехнулся волосатый.

– Он мне сам дал, чтобы я отнес ее командиру зеленых, Карпуше.

– Так ты – посыльный, – кивнул безволосый скорее утвердительно, чем вопросительно.

– Да. Но Карпуша мне не поверил и не захотел вскрывать посылку, так что я решил вскрыть ее сам... с вашей помощью.

– Заметьте, братцы, что он до сих пор не начал кашлять от дыма, – сказал бородатый, томно почесывая свою, надо понимать, главную гордость – бороду аж до колен. – Это значит, что он пережил знакомство со старушкой миналией. Выходит, он зеленый, который убежал к голубым. А раз смог убежать, то, похоже, он не из тех зеленых, которые взаправду зеленые, а из тех, которых надо бы пихать к синим... Думаю, ему можно верить, ребята. Уж кому в этом месте можно верить, так это синим.

– Так и есть, я правда должен был попасть к синим, но попал к зеленым и убежал от них, – закивал я, обрадованный такой проницательностью. Видимо, с ними мне не придется долго расписывать, что да как, можно сразу переходить к делу. – Кстати, я пришел не с пустыми руками! Если поможете мне вскрыть эту штуку, я отдам вам грибы, которые стащил у зеленых, – я достал из-за пазухи заветную коробочку.

Лица мужичков при виде моего подарка прояснились, а глаза заблестели. Видимо, Луна знал, что советовал...

– Так что ж ты молчал-то!? – радушно раскинул руки волосатый, краснея от удовольствия. – Пошли скорее, сейчас мы все тебе покажем!

– Пошли-пошли, дорогой! Есть хочешь? Проголодался пади, столько плавать!

Трое мужиков ухватили меня за плечи и буквально потащили сквозь дым, прямо в свой лагерь. По пути я мог наблюдать одно из самых невероятных и захватывающих зрелищ в своей жизни!

На этой части острова повсюду стояли самые разные машины, десятки громадных металлических зверюг, из которых валил дым всех цветов радуги. Возле машин сустились мужчины, которые только и делали, что ругались или кидались инструментами в свои творения. Машины в ответ плевались в мужиков дымом, брызгали топливом, а иногда и вовсе загорались прямо во время работы, но при этом продолжал работать! Мужикам было хоть бы хны: они только досадовали, что работу придется начинать заново, потому что некий Василий опять, будь он не ладен, ошибся в расчетах.

Про Василия я слышал так часто, что для себя уже решил: он никто иной, как местный предводитель. Имя, надо сказать, ужасное, какой-то набор звуков! Интересно было бы посмотреть, что представляет из себя человек с таким именем. Про себя я решил, что обязательно познакомлюсь с ним до отплытия.

После того, как мы прошли мимо «лабораторной» части острова, началась жилая. В это время суток тут было пусто и тихо по сравнению с тем, что творилось на окраинах.

Посреди площадки горел костер, над которым бурлил здоровущий котел. Вокруг на самодельных креслах сидело штук пятнадцать мужичков. Они покуривали что-то, запахом до жути напоминавшее сушеную миналию, пили мутную зеленую воду и оживленно о чем-то беседовали. Один из них рассеянно помешивал варево в котле. Видимо, там был обед.

К своему удивлению, за котлом я увидел свою старую полосатую знакомую. В одной ее руке была зажата трубка с сушеной миналией, а другой она держала трехлитровый бурдюк с чем-то, надо полагать, очень ядреным. Мужики вокруг вдруг застучали кулаками по своим коленям и стали подбадривать ее басовитой симфонией:

– Пей! Пей! Пей! Пей! Пей! Пей!

– Глянь-ка, Вадик! Яшма опять идет на рекорд! Пойдем, посмотрим!

Один из трех мои сопровождающих потащил остальных к месту зрелища. Сопrotивляться их любопытству было бесполезно, и я позволил им тащить себя.

Тем временем чудо природы по имени Яшма, которая так меня и не заметила, тщеславно ухмыльнулась и приложилась к бурдюку. Мощными глотками она осушила его за несколько секунд, а затем затянулась из трубки. Дальше произошло то, что я, наверное, не смогу забыть до самой смерти! Широко раскрыв пасть, Яшма издала оглушительный, нечеловеческий рев! Из ее горло вырвались языки зеленого пламени, которые едва не опалили бороды сидящих вокруг желтых!

От такого чудовищного зрелища у меня ноги подкосились, а глаза чуть не вылезли на лоб!

Где-то секунд тридцать Яшма изрыгала огонь во все стороны, ее волосы распушились еще больше, так что она стала похожа на разъяренного морского дракона или еще какую-то мифическую нечисть!

Когда она закончила, мужики встали и громко захлопали ей, не помня себя от восторга. Яшма, улыбаясь во все зубы, раскинула руки и немного покружилась, купаясь в лучах славы.

– Ну как тебе? – пихнул меня локтем лысый.

– Аааа...

Я не мог выговорить ни слова. Я просто не мог поверить в то, что я сейчас видел!

– Аааа... что она выпила?...

– Яшма! Яшма! Что ты пила на этот раз? – весело крикнул ей бородатый.

– Это было ваше новое топливо для станков! – весело выкрикнула она, оборачиваясь. Тут она заметила меня, и лицо ее помрачнело. – Ты! Я же сказала тебе, чтобы ты не попадался мне на глаза, улиточий ублюдок!

Она уже шла ко мне, но мужики, засмеявшись, остановили ее.

– Постой, девочка, тише! – успокоил ее лысый. – Он принес нам грибов, тех самых! Уже лет пять у нас их не было! Мы сейчас такой самогон намутим, что даже ты опьянеешь!

– Так в чем проблема? Отнимем у него грибы и сунем в одну из ваших машин! – она непонимающе взмахнула рукой в сторону лабораторной части и недовольно нахмурилась. Но главное – она остановилась! Видимо, она их слушается.

– Ладно тебе, посмотри, какой он симпатяга! – лысый потрепал меня по щеке. – К тому же, он приятель Солнца!

– Вообще-то, он сказал, что я туго соображаю, – заметила она, наблюдая за мной, как акула за раненым морским котиком. – А это очень обидно!

– Ну, как можно! – весело протянул безволосый. Похоже, ситуация казалась всем очень забавной... Всем, кроме меня! Меня все еще позорно трясло от ужаса перед возможностями этой машины для убийств. – Она все-таки девушка! Тебе следует извиниться перед ней за такую грубость!

– Приношу свои искренние извинения! – сказал я, делая самое честное лицо, на которое только был способен.

– Еще б ты их не принес после такого! – с лица Яшмы тут же слетел грозный прищур, она расслабилась и расплылась в нахальной улыбке. – Вы видели его лицо, ребята!? Он чуть не обделался от страха!... – и она зашлась оглушительным, но без сомнения веселым хохотом.

Эта девица даже не подозревала, насколько она была близка к истине.

Вслед за ней смехом зашлись все вокруг, но ни один из мужчин по громкости и звучности хохота не мог сравниться с Яшмой. Думаю, не каждый кит мог бы с ней сравниться... Разве что Карпуша. Да, пожалуй, он утер бы ей нос.

Закончив смеяться, развеселая компания вечно счастливых и вечно пьяных желтых потребовала от меня истории о том, кто я такой. Почуввав возможность хоть немного подняться в глазах новых знакомых, я не стал отказываться. В конце концов, рассказывать истории – это то, чему меня учили у Белого Нарвала на протяжении многих лет! Я успокоил себя и начал говорить, стараясь сделать историю не только правдивой и увлекательной, но и внушающей уважение к моему персонажу.

Как и полагалось, вскоре меня слушала чуть ли не вся стая: ребята даже прибежали из лабораторий! В итоге пришлось рассказывать аж два раза подряд.

Когда я закончил и протянул им посылку, они без промедлений показали мне, как ее надо открывать. Для этого нужен был специальный инструмент, похожий на шприц: с его помощью внутрь впрыскивалась морская вода. Она каким-то образом нейтрализовала взрывчатое вещество, и посылку можно было смело открывать.

Внутри оказался странный предмет, похожий на большой ключ.

– Я думал, это будет письмо... – озадаченно сказал я, рассматривая находку.

– Я думаю, парень, тебе надо уговорить Карпушу взять этот ключ, – насколько мог серьезно сказал Василий. Он присоединился ко всем во время рассказа, из-за него-то мне и пришлось повторять все сначала. Это оказался древний старик, который и ходить-то уже мог еле-еле: его шатало во все стороны.

– А я думаю, что он должен оставить его себе и найти то, что им открывается! – с присущим ей гонором заявила Яшма. – Я бы так и сделала.

– А вдруг это просто символ чего-то? Вдруг этот ключ – и есть письмо? – предложил я. – Может, он что-то значит для Карпуши?

– А ты любишь все усложнять, да? – хмыкнула Яшма.

– Ладно, решай сам, как поступишь: это не наше дело! Только скажи, ты ведь останешься попробовать наш самогон? – тоном истинного дипломата спросил Шляпа. Это он так мягко намекал на то, чтобы я не забывал про свое обещание.

– Специально для тебя мы его морской водой разбавим! – добродушно объяснил лысый.

– Конечно же я останусь! – кивнул я, протягивая им коробочку с грибами.

Торжественно выхватив у меня коробочку, желтые почти бегом отправились на участок с машинами. Там они из подвала вытащили одну, холеную и блестящую, со стеклянными частями. Начался трудоемкий процесс приготовления грибного самогона. Готовил его никто иной, как Василий, знающий древний рецепт. Всех остальных он разогнал доделывать дневную работу. Мне же было разрешено бродить, где захочу: я теперь был тут желанным гостем!

Я знал, что ужинать желтые будут все вместе, потому не стал просить есть раньше остальных: мне было интересно побывать на их застолье. Вместо этого я отправился гулять среди машин.

Луна говорил, они выполняют особо секретные заказы правительства, о которых не должен знать никто с Остова. Но при ближайшем рассмотрении тут не оказалось ничего такого. Краска для лодок и доспехов стражи, удобрения для оранжевых, лекарства и чистящие вещества для Остова.

Внимательно наблюдая за тем, как идет работа с машинами, я заметил, что большинство машин – резервуары с разными жидкостями. Они варились и выпаривались, смешивались и разделялись на разноцветные слои. Я подошел к одному из желтых и спросил, над чем он работает.

– Я... я точно не знаю. Мне нужно сделать так, чтобы высохнув, она не отражала свет, а впитывала, – сообщил он, почесывая бороду гаечным ключом: похоже, он размешивал им бурлящую желтую жижу. – Тут в составе сплошь мякоть морских камней, думаю, эта штука нужна для того, чтобы красить что-то. Что-то, что ко всему прочему не должно гореть и изнашиваться.

В том же духе мне отвечали и остальные. Они не знали, над чем работают, только делали выводы из свойств материалов, которые создавали. Возможно, у меня разыгралась паранойя, но после всего, что я услышал, у меня создалось устойчивое впечатление, что наше правительство собирается сделать новую броню для стражи или для каких-то машин. Только вот на кой им она, новая? Жители Огузка и без того беззащитнее мышей.

Я вспомнил всех, кого знал, друзей из учеников Белого Нарвала, начальство и коллег, мать... Эти люди были настолько запуганы, что готовы были добровольно повеситься по первому же приказу! Жители Огузка по сравнению с ними были отважными бунтарями.

И тут до меня дошло. Если кто-то и должен был увидеть эту броню, то это не жители Остова, это мы! Объяснение только одно: правительство знает что-то и готовится к атаке.

Не в силах сдержать волнения, я отправился к Василию. Мне казалось, я должен поговорить с ним об этом.

– Хех, я понятия не имею, о чем ты говоришь, парень, – усмехнулся старик. Он весь трясся, едва на ногах держался: он был самый старший и потому пил больше всех самогона. Василий всегда был вусмерть пьяный и по рассказам ни разу не трезвел уже больше тридцати лет. – Задавал бы ты поменьше странных вопросов: жизнь – хорошая, знаешь ли, штука, хе-хе!

Повторять дважды было ненужно. Я ушел и направился к стене, отделяющей территорию желтых от оранжевых.

6. Дитя красных

Перебравшись через стену, я пошел напрямик в шатер Солнца: вдруг он не знал о том, что происходит? Конечно, было бы глупо предполагать, что он строит храм, не зная, что за стеной уже готовят доспехи для тех, кто этот храм разрушит... Но все может быть, лучше проверить самому.

На земле оранжевых воздух был совсем другой, свежий и бодрящий, не то что у желтых: высокая стена каким-то образом защищала остров от многих летучих химикатов. Зеленые растения с мягкими листьями, небольшие зверьки в травах... Определенно, это место было самым спокойным и жизнеспособным на всем Огузке. Находиться здесь после свалки было одно удовольствие.

Но не сделал я и десяти шагов, наслаждаясь открывшейся мне природой, как позади меня раздался уже знакомый неприятный голос:

– Постой-ка!

Я скривился. Менее подходящего момента для этой встречи, наверное, просто не могло случиться...

– Чего тебе? – я обернулся, зная, что увижу Бивня. Конечно же, он был не один, а с друзьями.

И как этот громила только тут оказался, интересно? Неужели я настолько везучий, что умудрился наткнуться на него на окраине острова? Или он просто как-то узнал о том, что я у желтых, и следил?

– За тобой должок, белая селедка! – оскалился он. В лучших традициях своей роли отбитого на голову ревнивца, надо отметить. Интересно, он это специально?

– Отлично, я верну свой «должок», как только встречу с Солнцем, идет? – я посмотрел на него, давая понять, что не трушу. – Дело чести – это святое, но у меня есть очень важные сведения. Это гораздо важнее наших разборок. Касается Храма.

– Да что ты такое говоришь? Такой важный, да? Думаешь, раз умеешь плавать, можешь отбивать чужих невест и выставять меня на посмешище всего селения!?

Видимо, отделаться от него не получится. В общем-то, на что я рассчитывал, кидаясь на него тогда? Я с самого начала знал, что непременно получу втройне, если вернусь на остров оранжевых.

Я выдохнул и скинул плащ из водорослей на землю.

Кит пытался учить меня драться на днях, но успехи у меня были неважные. Так или иначе, голыми руками я все равно не выстою против них и минуты.

Пользуясь тем, что по моим глазам теперь было невозможно определить, куда я смотрю, я стал озираться по сторонам, выискивая себе какое-нибудь оружие. Тщетно: вокруг была только зелень. Теперь она совсем не радовала глаз, как минуту назад.

Пока я оглядывался, Бивень со свитой окружили меня, они подходили все ближе, предвкусывая веселье. Я не стал начинать первый: мало ли, вдруг они еще передумают или нас кто-то увидит?

Но нет, на этот раз чуда не произошло! В лицо мне полетел кулак, я увернулся, но наткнулся на другой. Попробовал устоять, но меня тут же повалили на землю... Я пытался сопротивляться и даже дал кому-то в нос, но толку? В итоге меня схватили за руки и ноги, как какую-то крысу, и потащили куда-то. Видимо, у них были на меня какие-то особые планы.

– Вы ведь не собираетесь меня топить? – спросил я испуганным голосом. – Что угодно, только не в воду! Я не хочу умирать в воде! Только не в ней! – я истерично завопил, вспоминая уроки актерского мастерства Белого Нарвала. Прием, конечно, дешевый, но вдруг сработает?

– Думаешь, мы идиоты? – усмехнулся Бивень, покрепче ухватывая мои ноги, которыми я брыкался ради приличия. – Кинуть тебя в воду, чтобы ты уплыл?

Наконец, они притащили меня, куда хотели. Я был готов к чему угодно, но только не к этому! Меня свалили на землю у машины, перемалывающей зерно. Должно быть, одно из творений желтых.

– Как ты теперь запоешь? – злорадно усмехнулся Бивень. – Как насчет поесть фарша из своей руки?

Я усмехнулся. Не может же он говорить серьезно! Он же оранжевый, он даже рыбу не ест из «любви» ко всему живому!

– Ты меня разочаровываешь: это даже не страшно, – сказал я, желая поскорее закончить этот спектакль. – Можешь дать мне в глаз, если очень хочется, все равно я не отвечу: твоя свита хорошо меня держит! Давай, ударь меня, и покончим с этим! У меня много других дел! – я подставил ему лицо и закрыл глаза. – Ну, что такое? Неужели тебе в кой-то веки неловко бить скрученного по рукам и ногам?

– Отогните ему руку, ребята! Вот сюда его, тут будет удобно.

Хладнокровие, с которым он это сказал, всерьез насторожило меня. Чернокожие бугаи схватили меня за правую руку и вытянули ее над плоским камнем, похожим на стол для разделки.

Только тут я понял, что запугивать меня тут никто не собирался: они всерьез решили меня искалечить! Я стал вырываться, дергаясь и рыча, как ненормальный. Я кусался, царапался и брыкался, в какой-то миг мне даже удалось высвободиться, но не успел я пробежать и двух шагов, меня тут же поймали снова! Я не переставал сопротивляться, но меня уже начал охватывать парализующий ужас: на этот раз мне было не спастись!

Меня ткнули лицом в камень и вытянули руку, чтобы удобно было ударить тесаком по локтю. Я тяжело дышал, всеми силами давя в себе желание завывать от отчаяния.

– Теперь ты не такой смелый, а? – смеялся Бивень, размахивая внушительным тесаком. Откуда у его вообще тесак?... Они же не разделяют рыбу...

Я зажмурился, не в силах выдержать этого зрелища: меня специально повернули лицом к руке, чтобы я все видел. Я стиснул зубы и приготовился вытерпеть боль: они могли меня искалечить, но они не услышат ни одного стога! Я не доставлю им такого удовольствия!

Тут раздался глухой удар, и внезапно я почувствовал, что меня больше не держат. Не думая ни о чем, я вскочил со стола и бросился прочь от Бивня, к машине. Я уже заметил, что недалеко от нее лежит палка с круглой штуковиной на конце: чтобы заталкивать зерна глубже в жерло машины. Схватив ее, я обернулся и приготовился защищаться, но... этого от меня уже не требовалось.

Двое из четверых громил лежали без сознания, двое других, Бивень и оставшийся, пытались окружить Яшму. Она смотрела на них, как здоровый морж смотрит на двух зарвавшихся тюленей, ждала, когда они осмелятся ударить.

Наконец, приятель Бивня не выдержал и попробовал наброситься на нее сзади. Яшма только этого и ждала, она быстро нагнулась вперед и успела поймать его, когда он был наверху. Перевернув его в воздухе, как щит, она загородилась им от удара Бивня: этот придурок не успел остановиться и вонзил тесак в грудь товарища. Кровь брызнула наружу, как вода из разбитого моллюска, и окропила грудь Бивня... я просто не мог поверить в то, что видел!

Пока я изумленно хлопал глазами, Яшма отбросила тело, как ненужный хлам, и поманила Бивня к себе, хищно улыбаясь. Тот совсем обезумел: ему окончательно снесло крышу, то ли от страха, то ли от бешенства! Он кинулся на нее с тесаком, рыча, как ненормальный.

Яшма легко ушла от его лезвия и стала отступать назад: в отличие от Бивня, она было безоружна, и не могла броситься на него с голыми руками.

Я понял, что должен вмешаться, иначе дело кончится тем, что सदуревший морж пропустит через комбайн нас обоих. Я подбежал сзади и огреб Бивня по голове своим недо-оружием... Возможно, будь громила менее возбужден, я бы сумел вырубить его, но адреналин ударил ему в голову, и Бивень только на миг замедлился: скорее от неожиданности, чем от боли. Этого времени Яшме хватило, чтобы вырвать у него тесак и грациозным, практически профессиональным движением раскроить ему брюхо.

Багровые внутренности вывалились на землю, Бивень замер с широко открытыми глазами, уставившись на Яшму. Он жил еще несколько секунд и успел понять, что с ним сделали. Когда он начал медленно заваливаться набок, его лицо выражало удивление.

Все кончилось.

Кровь застучала у меня в ушах, перед глазами все поплыло: я едва стоял на ногах. В голове снова мелькнули выпавшие на землю органы... Меня вырвало.

– А ты, я погляжу, совсем ни на что не годишься, белый, – заметила Яшма. У нее даже отдышки не появилось. Она выглядела такой спокойной, как будто каждый день убивала больных психопатов...

– Я никогда до этого... – я попытался оправдаться, но заставил себя замолчать: я не хотел думать о том, что случилось. Не хотел ничего вспоминать. Только не сейчас!

– Пошли, припадочный, самогон приведет тебя в чувства, – сказала она, помогая мне подняться.

Ничего не соображая, я позволил ей вести себя.

В лагере желтых меня усадили у костра и подали рюмку с мутной зеленоватой жидкостью. Я залпом осушил ее, мелкая дрожь едким огоньком пробежала по моему телу... и тут я пришел в себя. В голове прояснилось, разум очистился от всех эмоций.

– Полегчало? – усмехнулся Вадик.

– Да, отличная штука, – я кивнул, поражаясь чудодейственному свойству напитка. Я снова был собой, только гораздо серьезнее и рассудительнее.

– Пошли, ужин готов. Сегодня у нас праздник!

Меня накормили до отвала, а потом явился Василий с огромной бутылкой. Его встретили радостными воплями и улюлюканьем. Яшма первая подошла к нему с кружкой.

– Хех, ты такого еще не пробовала! Получилось, как надо! – рассмеялся Василий, пошатываясь. Каким-то образом он умудрился налить ей до краев, не расплескав ни капли.

Мне тоже налили, но совсем немного. Я не отказывался и даже не просил разбавить: после всего мне хотелось напиться в хлам.

Жидкость пахла так же, как дым от дурманящего гриба: я сразу узнал этот запах. В какой-то момент меня посетили сомнения, стоит ли пить этот яд, но я отогнал их и сделал добрый глоток. Напиток пошел, как по маслу: он не обжигал, не горчил, но оставлял за собой приятное, обволакивающее тепло... я почувствовал себя, как в утробе матери.

– Ох, прекрасная вещь! – где-то вдалеке я услышал голос Яшмы.

– Ты постарался на славу!

– Превзошел себя, Василий!...

– Уж на старости лет, да еще могу что-то!... – захихикал старичок.

Звуки становились протяжнее, картинка перед глазами отдалялась, вскоре все заволокло мягким туманом, и я поплыл по течению, вслед за нежным зовом дурмана...

Меня отпустило, только глубокой ночью: я осознал себя сидящим в кругу вдрызг пьяных желтых и довольной Яшмы. Ученые почти все спали с открытыми глазами, а Яшма как ни в чем не бывало курила, то и дело прикладываясь к своей кружке.

– Что тут было? – спросил я, обнаружив, что в памяти образовалась ровнехонькая дыра. Я знал, что прошло много времени, но совсем не помнил, как оно прошло.

– О, глядите-ка, кто очухался! – улыбнулась эта непробиваемая машина. – Да ничего такого, обычная попойка: ты выдул свою порцию и уснул. Как себя чувствуешь?

– Хорошо, – ответил я, прислушиваясь к своим ощущениям. – Очень хорошо, как будто спал часов десять! – я удивленно встал: меня не то что не шатало, казалось, я сейчас могу проплыть через весь Огузок!

– Выходит, не такой уж ты слабак, – она одобрительно поджала губу и залпом выпила содержимое кружки. – До этих братцев тебе еще лет двадцать так пить надо, но для начала неплохо.

– Не хочешь пройтись? – неожиданно даже для себя самого предложил я.

– А давай, все равно сидеть в кругу этих пьяных харь скучно! – Яшма поднялась и потянулась, так что широкие ремни, охватывающие ее грудь и бедра, опасно закрипели. Я отвел глаза подальше, надеясь, что темнота скроет выступившую на лице краску.

Мы двинулись гулять по ночному острову. Поначалу мы просто шли, молча привыкая к полной темноте, а потом я решил заговорить. Я почувствовал, что теперь готов обсудить случившееся у оранжевых.

– Не могу поверить, что ты убила его, – я взглянул на Яшму. – Почему ты это сделала?

– Так вот зачем ты меня сюда потащил, – хмыкнула она. – Я-то уж думала... Хех, ладно. Я просто следила за тобой: мне показалось, что ты шпион стражи. Потом я послушала, что ты спрашиваешь у желтых, услышала, с чем ты пристал к Василию, и поняла, что это не так. Ты поперся к Солнцу, я пошла за тобой: хотела узнать, что ты будешь ему говорить. А там эти ребята.

– Если ты видела все с самого начала, почему не вмешалась раньше?

– Хотела посмотреть, чего ты стоишь, – она скривилась. – Я ожидала большего: думала, ты придумаешь что-нибудь! А ты даже не сопротивлялся толком.

– В любом случае, спасибо. Если бы не ты, мне было бы очень плохо, – сказал я, осознав вдруг, какую огромную услугу оказала мне эта дикарка. Интересно, это у нее природное великодушие выиграло или же тут замешаны какие-то свои цели? Так или иначе, она спасла мне жизнь. – Если я могу что-нибудь для тебя сделать... словом, я твой должник.

– Что? Должник!? – Яшма расхохоталась: после грибной настойки настроение у нее было лучше некуда. – И что ты можешь для меня сделать, интересно? Натаскать мне улиток на обед!?

...

Ее низкий, грудной смех отзывался приятными мурашками по телу. Я стоял, смотрел, как она заливается, и почему-то сам начал улыбаться. Все-таки эта чудная настойка желтых делает людей добрее...

– Животик не надорвешь? – спросил я ласково.

Мои слова вызвали новый приступ хохота, такой, что Яшме пришлось сесть на землю, чтобы не упасть.

– Ой... уморил!... – выдохнула она, стараясь успокоиться. – Какой же ты смешной!... Ты как крошечная белая нерпа, которая фырчит на морского льва, потому что считает себя большой и сильной!... Откуда столько благородством в таком убогом тельце?... Ха-ха-ха!!!... Ты понимаешь, если Лашуня тебя увидит, она даже не поймет, что ты человек, и бросится на тебя! Она подумает, что ты... ты... больной морской котик!... Ха-ха-ха-ха-ха!!!...

– Вообще-то, я выше тебя! – заметил я, решив повременить с вопросами о том, кто такая эта Лашуня.

– Ооох... А ты ведь ничего не знаешь, да? – спросила она, успокаиваясь и утирая слезы смеха.

– Наверное, – я пожал плечами и уселся рядом с Яшмой. Мы остановились на отвесном берегу, под нами плескалась вода, так что посидеть в таком уютном месте было очень даже неплохой идеей. – О чем ты?

– О том, что этот черный придурок – не оранжевый, – она вопросительно посмотрела на меня. – Ну да, я так и подумала, что ты не знал. Иначе не храбрился бы так, когда оказался у чудо-мельницы.

– А кто же он? Оранжевые вступались за него, как за своего сына, как мы с ним подрались, – я стал припоминать другие детали. – Они и называли его так, своим сыном.

– Ну, конечно, они всех так называют, – Яшма пожала плечами. – Он был красным, но только трусливым. Когда понял, что начинает проигрывать в боях, начал всем кричать про солнце, про свою веру, пытался внушить остальным существование бога... естественно, стражники отправили его к оранжевым.

– Что? – я не понял ни слова. – Красный? Какие бои? О чем ты говоришь? И откуда ты знаешь?...

– Откуда я знаю? – Яшма хмыкнула. – Только не говори, что ты думал, будто меня сделали желтые!

– Да, честно говоря, я так и думал, – признался я, неловко почесав затылок. – Так ты убийца? Это... многое объясняет.

– Да ничего тебе это не объясняет: ты понятия не имеешь, что такое быть красным! – вдруг огрызнулась она.

– Тогда расскажи мне. Раньше я ничего о вас не слышал, – попросил я, чуя, что сейчас она выложит мне все, что бы я ни спросил. Грибное пойло здорово развязало Яшме язык: было видно, что ей очень хотелось поговорить.

– Рассказать? А почему нет? – она достала свою трубку, набила ее и закурила, ловко выбив искру. – Понимаешь, на Огузке все занимаются тем, за что сюда попали. Торчки дышат отравой, воры – работают руками, лжецы – лгут, умные – умничают, а убийцы – убивают. На нашем острове есть арена, раз в три дня люди из правительства приходят посмотреть на бой, это у них такое развлечение! Красные тянут жребий и двое выбранных вступают в поединок. Отказаться от поединка нельзя, не дерутся только дети до двенадцати лет и беременные. Остальные или дерутся, или умирают. У каждого свой послужной лист, где записаны все победы и поражения. Если убийца проигрывает в двух своих боях подряд, в третьем, если он не победит, его зрелищно убьют. Уловил суть? Так вот, Бивень проиграл два боя подряд. Все знают, что эти высокопоставленные ублюдки любят зрелища, а жребий – фальшивка. Они сами выбирают, кто с кем будет драться, у них свои любимцы. Так вот, все знали, что в свой последний бой Бивень будет драться со мной... с двенадцати лет я еще ни разу не поиграла, так что шансов у него не было. Тогда он решил удариться в религию и спастись бегством: оставлять фанатика среди убийц стража не решилась, и его поселили у оранжевых несколько месяцев назад. Уж не знаю, почему его приняли в общине! Он всегда был придурком, а оказавшись в стаде этих блаженных разошелся еще пуще. Я следила за ним. Наверное, рано или поздно я бы его все равно убила: в конце концов, он моя законная добыча! – Яшма выдохнула столько дыма, что он тут же окружил нас плотной завесой, совсем как утренний туман. – Ты-то как с ним связался? Неужели жить надоело?

– Нет, будь моя воля, я бы с ним по одной земле не ходил, – я помотал головой: знакомый запах миналии вызывал тошноту. – Он был женихом местной жрицы по имени Нора. Я случайно увидел, как он пытался ударить ее, и вмешался. Нора позвала подмогу, и нас вовремя растащили, поэтому он меня и не убил тогда. Собственно, я знал, что рано или поздно он мне отомстит... Ну, или мне придется с ним что-то сделать, потому что он будет доставать Нору. В любом случае, хорошо, что он оказался красным: я сильно разочаровался в оранжевых после стычки с ним. Мне показалось, что все они такие же двуличные, как он, и их вера – только прикрытие, если позволяет избивать слабых.

– Так и есть, они все двуличные, – закивала Яшма, пуская кольца дыма. – Знаешь, я ведь с девяти лет шатаюсь между тремя островами, наблюдаю за жителями. Среди оранжевых меня

не признали из-за моего происхождения: у них ведь страшные заморочки насчет цвета кожи! А вот желтые приняли меня, как свою. Желтые, они хоть и пьяницы, но зато люди сердца. А вот оранжевые... никогда не знаешь, что у них на уме. Они слишком многое оправдывают своей верой, а не чувствами и убеждениями. Вот хочешь ты есть рыбу – так ешь! Зачем отказывать себе в удовольствии, если от него никому не будет хуже? – она вопросительно посмотрела на меня, как будто я мог дать ей вразумительный ответ. – Как можно доверять людям, которые так делают?

– Не ожидал, что тебя трогают такие вещи, – я удивленно покосился на Яшму. – Ты, оказывается, философ!

– Я просто люблю рыбу, – хмыкнула Яшма, расчесывая пальцами свои волосы.

Я молча обдумывал услышанное, пока не наткнулся на интересную мысль.

– Ты сказала, с девяти лет плаваешь между островами? – я удивленно взглянул на Яшму. – Ты что, в девять кого-то убила и загремела на Огузок?

– Умнее ничего не придумал? – Яшма усмехнулась. – Я родилась на Огузке. Пятое поколение людей, живущих на свалке под солнцем. Прошу любить и жаловать! – она взмахнула рукой, представляя себя.

– Пятое поколение!? – я ушам своим не верил. – Как такое может быть!? Да еще и на острове убийц? Я слышал, там не живут дольше двух-трех лет!

– Оооо... это отличная история! Ты ведь любишь истории, да? Как говорила моя бабушка, усаживайся поудобнее! – Яшма усмехнулась, хорошенько набила трубку и начала свой рассказ. – Дело в том, что моей прабабкой была женщина, тренирующая лучших стражников Остова. С нее-то все и началось. Тигровая Акула, так ее прозвали, попала на Огузок за убийство и забеременела от местного. Она была настоящим бойцом и не могла допустить, чтобы ее единственный сын погиб в сражении на арене: она сделала из него прирожденного убийцу. К двенадцати годам он мог уложить взрослого мужчину. Потом она нашла ему молодую невесту, тоже родившуюся на Огузке, и занялась внуками. Дальше все пошло по семейной традиции: женщины рано рожали, причем только от местных, и хорошо обучали своих детей. Так у нас появилась своя порода превосходных убийц. С нашей семьи взяли пример другие, так что среди красных много таких, как я... Но я – все равно лучше, потому что являюсь прямым потомком Акулы. К тому же, мое тело в десятки раз выносливее, чем у обычных людей: поколений больше!

– И стражники просто закрывали глаза на эту... селекцию?

– Пф! Они помогали нам! – фыркнула Яшма. – На каждый бой знать делает ставки, они выигрывают на нас огромные деньги! Конечно же, они помогали потомкам Акулы. Мне мои покровители в детстве даже еду отдельно присылали, чтобы после тренировок мышцы крепились быстрее, чем у других! – Яшма гордо ударила себя по напряженному предплечью. – Скажи, ты хоть где-то видел нечто подобное, а? Крепче металла!

– Нет, не видел, – признался я.

Получается, Яшма – плод амбиций одной стражницы, которая сыграла на жадности правительства и сделала свой род бессмертным? Должно быть, это была великая женщина! Решиться на такой эксперимент и получить в итоге человека, полностью приспособленного к жизни в изменившемся мире... если бы хотя бы у трети людей с Остова было столько же отваги, человечеству уже не нужно было бы никакое правительство, которое на все устанавливает свои правила «во имя безопасности». Мы были бы сами по себе, жили так, как нам хочется... так, как жили древние люди на суше.

Я крепко задумался над всем этим и, наверное, просидел несколько минут, не шевелясь. Опомился я только когда Яшма встала и «нечаянно» пихнула меня, так что я чуть не упал в воду.

– Чего замер-то? – спросила она.

– Твоя история заставила меня задуматься. Ведь ты, наверное, единственная, кто живет на Огузке, как дома. Я имею ввиду, этот мир – он для тебя безопасен, – я посмотрел на нее, не скрывая восхищения. – Тебе не надо прятаться под землей, как другим, и мучиться от ядов не приходится! Ты по-настоящему свободна.

Яшма слегка оторопела от моих слов, даже ответила не сразу.

– Я не свободна, – вдруг сказала она, задумчиво проведя рукой по волосам. Луна хорошо освещала ее посерьезневшее лицо. – Хочу я или нет, я буду драться на арене, пока не ослабею от старости настолько, что меня смогут победить. Не такой жизни я бы хотела для своих потомков. Я бы хотела, чтобы они жили, как оранжевые.

– Я тоже хотел бы этого... – я согласно кивнул, ошарашенный новыми мыслями.

Слова Яшмы глубоко запали мне в душу, передо мной как будто открылся новый горизонт, я вдруг осознал, чего хотел от жизни все это время.

Я хотел, чтобы люди здесь свободно и независимо от правительства, сами добывали себе еду и обеспечивали, выбирали, кем им быть и что делать, могли любить и заводить семью, не боясь, что их детей заберут «на благо колонии»... Вот что было бы настоящей жизнью для всех нас.

Яшма некрасиво хрюкнула и засмеялась, убив всю поэтичность момента.

– Это что, предложение? – выдавила она сквозь смех.

– Честно говоря, я привык к тому, что женщины выглядят по-другому, – я позволил себе недовольно поморщиться, глядя на ее мускулистые руки.

– Да ты просто мне завидуешь, доходяга! – прыснул Яшма, выбив из меня дыхание своим дружеским хлопком по плечу. – Я, знаешь ли, мужчин тоже себе не так представляю!

Тут, почему-то, я тоже рассмеялся.

Насмеявшись, мы встали и пошли дальше от берега. Неловкость ситуации была благополучно замята, но разговор так или иначе оставил свой след. Наверное, мы теперь были друзьями или, как минимум, единомышленниками, а это дорогого стоило.

По пути меня угораздило споткнуться, и я полетел носом в землю. Яшма, конечно же, и не подумала меня ловить, чем здорово остудила мой восторг по поводу нашей дружбы.

Когда я поднимался, что-то выскользнуло у меня из-за пазухи и со звоном прокатилось по мусору.

– Это тот ключ, который передал тебе Солнце, – заметила Яшма, подобрав предмет. – Что ты, кстати, решил с ним делать?

– Не знаю пока... я хотел рассказать Солнцу, что желтые работают над чем-то вроде новой брони, а о ключе пока не думал, – признался я, ощупывая место, куда упал. Оно показалось мне очень странным, хотя я еще не понял почему. – Тут что-то... твердое... это... металл! Кусок металла под пылью, ты посмотри! – я постучал по нему. Гулкий звон подтвердил мои слова.

– Откуда на свалке металл? – Яшма опустилась на колени вместе со мной. – Даже упившись грибной настойкой желтые не выкинут и ржавой отвертки... Ого! – она зачем-то стукнула ключом о кусок металла. – Этот ключ тянется к нему!

– И правда... я читал о таком, похоже, это магнетизм...

– Что ты делал? Маг-что?

– Магнетизм. Свойство такое у некоторых материалов... Не заморачивайся.

– И не думала, – хмыкнула Яшма.

Я продолжал ощупывать находку и вскоре пришел к выводу, что это какая-то дверь: судя по звучанию, за ней была пустота.

– Не поверишь! Кажется, мы нашли тайник! – сообщил я шепотом.

– Я нашла дырку, похоже, скважина!

Прежде, чем я успел что-то сказать, Яшма вдавила ключ в дырку, и, судя по звукам, это была совсем не та дырка, для которой он предназначался...

– Ой...

– Он цел?

– Кажется, да... сейчас выну!

– Аккуратней!

Яшма действительно вынула ключ... вместе с гребаной дверцей! Он там застрял, поэтому она просто вырвала ее из земли! Я не нашел слов, чтобы выразить свои эмоции. Зато гора мышц, похоже, была собой очень довольна.

Соорудив из подручного хлама факел, мы подожгли его и заглянули внутрь. Конечно же, мы ничего не увидели, только пустые стены какого-то помещения.

– Надо спускаться, – сказала Яшма и прыгнула внутрь, не дожидаясь ответа. Я прыгать не стал, решил посмотреть, что с ней будет.

– Ты там живая?

– ...Спускайся! Это надо видеть!

Уцепившись руками за край ямы, я осторожно спустился вниз.

Внутри ждал такой клад, о котором ни я, ни Яшма и подумать не могли! Помещение оказалось огромным складом, полным оружия! Костяные гарпуны, ножи, рогатки, щиты... тут было даже несколько настоящих пушек и лодок!

– Откуда все это здесь? – прошептал я, не веря своим глазам. – Черт возьми, а у этой настойки точно нет побочных эффектов вроде галлюцинаций!? Тут же хватит на целую армию!

...

– Как насчет армии не знаю, но для меня точно хватит! – Яшма уже увесила себя всем, до чего добралась. – Ты посмотри, настоящая сталь! – она восхищенно махала здоровенным тесаком.

– Голова идет кругом... Я не понимаю, откуда посреди Огузка могло взяться это хранилище?

– Пф, все тут ясно! – Яшма уже вертела в руках длинный гарпун. – Кто-то все это сюда принес, чтобы потом неожиданно использовать. Стражники или желтые... какая разница? Теперь это все наше!

– Нет, – я покачал головой, с трудом отрывая взгляд от прекрасных металлических лезвий. Ножи так и просились в руки... – Ладно, пошли отсюда. Не стоит, чтобы кто-то знал, что мы нашли это место, – я уверенно пошел к выходу.

Яшма двинулась за мной, подозрительно гремя при каждом шаге. Я обернулся и внимательно посмотрел на ее новый ремень, полный кинжалов, и пару копий за спиной.

– Ты ведь не станешь брать это с собой? Как ты объяснишь стражникам металлическое оружие? Скажешь, на свалке нашла!?

От моих слов убийца недовольно скривилась, но все же положила свои трофеи туда, откуда взяла.

– Но это я возьму себе, – она крутанула в руках крепкий металлический ножик с костяной ручкой. – Он маленький его легко спрятать, так что даже не разевай свою болтливую пасть: я его тут не оставлю!

Спорить я не стал, более того, уходя, я не выдержал и последовал примеру Яшмы. Нож, тем более из металла, всяко лучше, чем хрупкий осколок морского камня. Кто знает, при каких обстоятельствах он может мне понадобиться?

Яшма не без усилий вытащила ключ из покореженной дверцы, мы положили ее на место и хорошо закопали.

В лагере нашего отсутствия никто не заметил: желтые спали, как убитые. Мы решили последовать их примеру. Яшма завалилась в свой личный гамак неподалеку от общего костра. Я устроился недалеко от желтых, потеснее закутавшись в куртку.

Утром я позавтракал и отправился к оранжевым. Желтые провожали меня чуть ли не всей стаей и очень просили заглядывать еще: конечно же, они надеялись на то, что я принесу им еще грибов. В общем-то, их надежды не были ложными, я честно пообещал, что вернусь, как только смогу, чтобы распить с ними этот удивительный напиток.

Яшмы, когда я проснулся, уже не было, она уплыла на свой остров и просила желтых передать мне мой водорослевый плащ. Вчера я скинул его перед стычкой с Бивнем и совсем забыл про это, а она, видимо, подобрала.

Про себя я решил, что Яшма сделала это отнюдь не из заботы обо мне. Скорее всего, она захотела присвоить плащ себе, но утром выяснилось, что он на нее не налезает, вот она его и вернула.

Когда я пришел, на острове оранжевых уже во всю кипела работа. Я пробирался через многочисленные грядки к главной площади, на меня все пялились, но никто не говорил со мной и не останавливал.

Солнце находился в своем шатре, как будто ждал моего прихода.

– Ты вернулся, – сказал он, вперив в меня свой тяжелый взгляд.

– Карпуша не поверил мне и не захотел вскрывать посылку, – честно рассказал я. – Ее вскрыли желтые, и я решил, что это нужно вернуть, – я протянул ему ключ, надеясь, что Солнце не заметит небольшой погнутости.

– По крайней мере, это может быть правдой, – сказал Солнце, рассматривая ключ.

– Желтые передали это, – я протянул ему свиток из сушеных водорослей. Василий в знак своего расположения ко мне написал там, что мне можно верить и вообще я неплохой парень.

Пока Солнце читал, на его каменном лице мелькнуло подобие улыбки.

– Василий не меняется, – пробормотал он. – Хорошо. У меня есть еще одно поручение к тебе.

– Я исполню все, но только если мои глаза будут открыты. Если я буду знать, что я передаю и для чего, – я решил не отступаться от своего.

– Хорошо, пусть будет так, – кивнул Солнце. Он согласился слишком быстро, и это насторожило меня: ведь в прошлый раз он и слышать об этом не хотел. – Мне нужно, чтобы ты отдал ключ Карпуше и чтобы передал вот это желтым. Они скажут, что тебе делать с этим дальше.

Солнце достал из огромного сундука за тронем несколько свертков и вручил мне.

– Вы знаете, что желтые работают над новой броней для стражи? – спросил я, принимая посылки. – По крайней мере, очень на то похоже.

– Я знаю, – Солнце снисходительно кивнул. – Поверь, все не так просто и новый доспех предстоит еще долго испытывать.

По едва заметному изменению интонации я уловил суть всего того, что происходит. Краска делается с каким-то заранее известным изъяном... Что ж, это все объясняет!

Солнце, как и в прошлый раз, не хотел тратить на меня слишком много времени, потому выгнал из шатра, как только посылки оказались у меня в руках. Я спрятал их в потайной карман куртки, заменяющий мне сумку, и пошел обратно к желтым, чтобы передать им гостинцы.

Но не прошел я и десяти шагов, ко мне подбежала Нора. Видимо, ей донесли, что я на острове, и она пришла, как смогла.

Выглядела она совсем не так, как в нашу первую встречу: лицо осунулось, под глазами были мешки. На скуле появилась заметная ссадина и синяк.

Я понял, что Яшма, сама того не зная, оказала ей неоценимую услугу, прикончив Бивня.

– Неважно выглядишь, – заметил я, улыбаясь.

– Зато ты отлично: твои глаза уже совсем изменились, – ее губы дернулись в едва уловимой ответной улыбке. Видимо, ей тут пришлось несладко в эти дни. – Бивня и его друзей убили. Ты знаешь? – она посмотрела на меня очень внимательно, зная, что увидит ответ на

моем лице раньше, чем я начну говорить. Все-таки врать об убийстве сможет не каждый: тут нужно особое хладнокровие. – Твоих рук дело?

– Нет, – честно ответил я, посмотрев ей в глаза. – Но я знаю, что у него были старые счета с красными.

– Он рассказывал мне, но я не думала, что этим падальщикам хватит смелости сюда сунуться... – неожиданно злость исказила лицо Норы. – Но они пришли не просто так, это Бог забрал его! Я могла его исправить, нужно было только немного потерпеть... Но дед с его молитвами!...

Опасный огонь загорелся в глазах девушки, и этот огонь напугал меня. Я заговорил громче, чтобы она замолчала и перестала распалять себя.

– Перед тем, как Бивня убили, он пытался отрубить мне руку и сунуть ее в мельницу. Не думаю, что его могло исправить хоть что-то, – я решил, что ей лучше будет знать об этом. – Меня всегда учили, что о мертвых плохо не говорят, но Бивень был трусом и садистом. Он не заслуживал твоей доброты.

– Богу ведомо все, мы же слепы, – смиренно произнесла она, опуская голову.

Ярость исчезла также быстро, как появилась, к Норе вернулась прежняя подавленность.

Чтобы как-то отвлечь девушку от тяжелых мыслей, я решил рассказать ей о своем знакомстве с желтыми, стараясь представить их как можно смешнее. В конце концов цель была достигнута: грустная девушка улыбнулась! Пусть эта улыбка была едва заметна, но все же ее свет пробивался сквозь завесу многодневной печали.

На прощание Нора сказала, что будет ждать моего возвращения.

7. Пурпурный глаз

После того, как Солнце назначил меня своим личным посыльным, я стал одним из самых известных людей на Огузке. Меня знали на пяти островах из семи, меня везде ждали, к моим словам прислушивались... если бы ситуация не была настолько опасной, я бы непременно зазнался от такого внимания!

Каждую неделю я отправлялся в трехдневный заплыв, посещал все известные мне острова, разносил посылки и передавал указания, а потом возвращался и снова жил с голубыми, послушно точил морские камни и таскал у зеленых грибы.

В конечном итоге мне все-таки удалось всучить Карпуше ключ и добиться, чтобы он написал Солнцу. Но упертый мужик не сдавался: он использовал их с Солнцем старый шифр и писал через него, только чтобы я не совал свой любопытный нос в их дела. Естественно, я быстро нашел математика из желтых, который охотно помог мне все расшифровать, так что я все равно был в курсе того, ради чего плаваю под лодками у стражи.

Из всего, что я прочел и передал, через несколько месяцев вышла такая картина:

Все началось двадцать лет назад, когда оранжевые поняли, что их храм все-таки разрушат. Тогда Карпуша еще жил среди желтых, а Луна как раз перебрался к оранжевым, где и познакомился с Солнцем. Все трое были неплохими друзьями, и когда стало известно, что правительство узнало про храм и готовится бойня, они придумали небольшой план. Пока шло противостояние, они собирали оружие, которое воровали со складов стражи, – и прятали его на секретном месте, чтобы через много лет, когда созреет следующее восстание, у людей было, чем защищаться. Так и появилось то грандиозное хранилище, которое отыскиали мы с Яшмой.

Кстати, ключ, который передал Солнце, был вовсе не от склада: это оказался просто старый ненужный ключ, который Карпуша когда-то выковал и подарил своему другу. Конечно, стал бы Солнце доверять едва знакомому вору что-то настолько важное, как настоящий ключ от секретного склада!

Итак, сейчас, когда оранжевые снова взялись за свой храм, Солнце и Карпуша встали у руля и тщательно планировали защиту. Через меня они связывались друг с другом и остальными стаями, так что вскоре все пять стай стали работать сообща.

Оранжевые строили храм и делали запасы еды.

Желтые готовили доспехи для стражи, которые невозможно было пробить ни копьем, ни огнем, но у которых был интересный «побочный эффект». Дело в том, что в краске было до черта дряни из морских камней, которая, если ее намочить, вызывает страшную чесотку и слабость.

Голубые работали с камнями еще усерднее и отдавали желтым свои «отходы производства», чтобы доспехи получались достаточно ядреными.

Зеленые и Карпуша, который был лучшим другом стражников, собирали информацию обо всем, что происходило во вражеском лагере. Стража не ушла с их острова даже после починки стены: в конце концов, из-за ее таинственного обрушения они потеряли своего чело- века и не могли это так оставить. На территории зеленых появился небольшой лагерь, где стражники отдыхали после катания на лодках. Так как простые надзиратели считали всех зеленых невменяемыми, они обсуждали при них все, что только могли обсуждать. Все, что слышали, зеленые передавали мне или Киту через дыры в стенах во время работы, а мы уже доносили сведения до Солнца и Луны.

Красные... красные просто ждали, когда их позовут бить стражникам морды, и иногда спрашивали, долго ли еще осталось.

Вся эта система образовалась благодаря мне и Киту, которого я подключил к делу сразу же, как только мои желания стали хоть кого-то интересовать. В конце концов, не мог же я в

одинокую переносить столько морских камней от голубых к желтым! Кит, конечно же, был счастлив мне помочь и заодно осуществить свою давнюю мечту, – посетить остров оранжевых.

Среди веселых чернокожих девиц парень сориентировался быстро и просто купался в их внимании! Позже он даже завел себе постоянную подружку, очаровательную травницу по имени Нерпа.

В отличие от Кита, я мог подолгу находиться на острове желтых, потому проводил там почти все время: там и кормили лучше, и люди были веселее. К тому же, там была Яшма.

Я часто виделся с этой потрясающей во всех отношениях мутанткой. Большую часть свободного времени она находилась у желтых, помогала им таскать тяжести и иногда работала в кузнице. Первое время я просто работал вместе с ней, но после нескольких встреч я решился попросить ее научить меня драться. Ведь если кто-то и мог меня этому научить, то только она! Конечно, мне пришлось выдержать с десятков минут хохота и обидных насмешек, но в конечном итоге Яшма согласилась стать моим учителем. Начался мой курс молодого бойца.

Мы тренировались на острове желтых, недалеко от склада с оружием. Учился я быстро, но все равно каждый раз уходил изрядно побитый: Яшма и не думала мне поддаваться, даже в образовательных целях. Каждый раз вопрос был в том, как долго я смогу убежать от нее и от скольких ударов увернуться, прежде чем она мне навалит. Первые месяцы она укладывала меня с первого же удара: тогда мне еще не хватало ловкости и силы. Чтобы исправить это, Яшма посадила меня на особую диету своей прабабушки и объяснила, что нужно делать, чтобы мышцы крепились быстрее. Ради этой диеты я даже научился ловить рыбу под водой с помощью гарпуна!

Продолжительные тренировки, плавание, подводная охота и правильное питание сделали из меня совершенно другого человека. Я был уже не тем тощим слабеньким писакой, каким попал на Огузок! Я стал гораздо сильнее и выносливее.

Уже через полгода я мог продержаться целых пять минут против самой Яшмы, а также минуты за три уложить Кита! Меня наконец-то перестали сравнивать с медузами и улитками, а стали называть попросту Дельфин. А это всяко лучше, чем обидные прозвища.

Яшма стала не только моим личным наставником по выживанию на Огузке, но настоящим другом и советчиком. Я рассказывал ей все, что узнавал от предводителей других стай: мне хотелось, чтобы она была в курсе дела. Мы много говорили о том, что будет, когда начнется борьба, к которой мы готовимся, думали, как все в итоге обернется. Нам обоим хотелось, чтобы в конце всего люди на Огузке могли ходить под солнцем, чтобы они приспособились и жили, а не выживали... но какой ценой всего этого можно достичь, сколько из нас доживет до победного конца и увидит эту свободу?

Я не сомневался, что уж кто-кто, а Яшма точно переживет восстание и увидит то светлое будущее, которого так ждет. Однако, в глубине души я знал, что у меня самого шансы невелики.

В самом деле, кто я такой? Я немногим отличаюсь от обычного человека! Несмотря на все мутации, я не смогу вынести ни биологическое оружие стражи, ни даже половину ядов свалки! Меня запросто могут убить в бою, несмотря на все тренировки! А солнце? Стоит мне снять с себя одежду или даже просто капюшон, кожа покрывается красными волдырями и ожогами! Факт в том, что Яшма, добрая половина красных и почти все оранжевые по-настоящему приспособлены к жизни в этом мире, а я нет.

Эти ужасные мысли заставляли меня просыпаться в холодном поту по ночам: мне постоянно снилось, что я задыхаюсь, заболеваю от ядов, что мою кожу разъедают ожоги или, самое худшее, меня убивают в схватке. Я никому не рассказывал о своих страхах, даже Киту и Яшме, но я решил, что сделаю все возможное для того, чтобы выжить в предстоящей борьбе.

Было очевидно, что мое тело, пережившее уже две мутации, не могло принять все остальные в полной мере. Поэтому к своей диете я добавил ежедневный стакан-другой морской настойки желтых. Оказалось, если не пить ее вместо пресной воды, она вовсе не опьяняла, а

даже наоборот, придавала разуму ясности. После нескольких месяцев самогонной терапии я попробовал испытать себя и одолжил у Яшмы трубку со смертельным для обычного человека куревом из миналии. Вдохнув несколько раз дым, я не задохнулся и меня даже не начало тошнить! Невосприимчивость к ядам, пусть и слабая, похоже, была достигнута.

Теперь мне нужно было разобраться со своей кожей.

Почти всю жизнь я думал, что просто чуть более светлокожий, чем все остальные, ведь на Остове люди жили под землей, и кожа у них была очень бледная. Однако на Огузке все, даже самые бледные, очень быстро темнели, а я не потемнел даже спустя год, только получал красные пятна ожогов каждый раз, когда оставался на солнце дольше десяти минут! Защитная одежда, которую мне выдали перед заключением, уже совсем износилась, штопать ее стало бесполезно: дырок, пропускающих солнце, было чуть ли не больше, чем самой ткани. Эту проблему нужно было решать как можно скорее, иначе один из моих кошмаров мог стать чудовищной явью.

Я решился поговорить об этом со знахарями оранжевых и выяснил кое-что удивительное. Оказалось, что я альбинос – человек, у которого нет цвета. Это что-то среднее между врожденной болезнью и мутацией, так что вылечить меня от этого было невозможно. Однако, я придумал способ почти сразу же, как узнал свой неутешительный диагноз.

Нора много рассказывала мне о культуре оранжевых и даже иногда нарушала правила, позволяя мне наблюдать за тайными ритуалами. Она делала это, потому что надеялась, что я проникнусь их верой и когда-нибудь пополню их ряды. Так вот, от Норы я узнал об особом ритуале посвящения. Уверовавший, чтобы доказать свою искренность, должен ходить под солнцем несколько дней и получить сильные ожоги – жертва солнцу, так сказать. После этой жертвы жрицы давали новичку особую мазь, которая не только со временем исцеляла сожженную кожу, но и делала ее прочной, как у кита.

Естественно, мне бы эту мазь никто никогда не дал бы, потому что я не знаю ни одной молитвы и учить не собираюсь. Потому я решился на довольно подлый поступок.

Итак, в один день я снял свой костюм и спрятал его за камнями. Примерно полчаса я честно простоял под солнцем в одном нижнем белье, а потом, едва двигаясь от боли, приполз к Норе со слезливой историей о том, как кто-то украл мою одежду, пока я мылся. Увидев меня, всего красного, как вареную креветку, она просто не смогла отказать мне в помощи и сразу же смешала волшебную мазь.

В тот момент, когда Нора усердно растирала мне обожженную спину, в ее шалаш вошла одна из самых болтливых девушек острова: небо знает, что ей там понадобилось! Естественно, болтушка увидела то, что захотела увидеть, и через час уже все оранжевые знали, что я решил обратиться в их веру, и не просто так, а из-за взаимных чувств к одной молоденькой жрице, которую оставил без жениха. Все это мне выложил Кит, который подбежал ко мне с расспросами, стоило мне только выйти от Норы. Естественно, я опроверг все слухи.

– погоди, я не понимаю ...Если ты не любишь Нору и оранжевым стать не хочешь, то на кой ты напялил их одежду!? – недоуменно спросил он, пока я тащил его подальше от шатра моей ненаглядной жрицы.

– Моя собственная одежда уже не спасает, если я не разберусь со своей кожей, то когда-нибудь сгорю на солнце! – объяснил я.

– Так ты хочешь такую же кожу, как у них? – догадался мой сообразительный друг. – Но где ты возьмешь мазь? Ей же нужно мазаться каждый день, а ты еще и плаваешь, так что тебе – раза три-четыре в день! Я ведь узнавал все у Нерпы: это все очень непросто, – важно объяснил Кит с видом истинного знатока.

– Я пойду к желтым, они узнают состав и сделают мне такую же, – рассказал я. Держать секреты от друга – недостойное дело. Даже если эти секреты могут привести к огромному скандалу, а твой друг – первый язык на всем Огузке.

– Ах, ты ж!... – то ли возмущенно, то ли восхищенно выпалил Кит. – На месте оранжевых я бы тебя и близко к острову не подпускал: это же надо додуматься до такого богохульства! Пойти к пьяницам-желтым, чтобы они воссоздали дарованную богом мазь!...

– А я вообще очень скверный человек, Кит, – я злобно ухмыльнулся. – Слушай, ты не мог бы потолковать со своими подружками? Нехорошо, если все эти слухи повредят Норе.

– Конечно, но что мне им сказать? – он призадумался. – Ты ведь теперь хочешь постоянно так ходить! Как это объяснить оранжевым, если мазь тебе дают не жрицы?

Я даже остановился от внезапно открывшейся загвоздки.

– А ты прав... я это не продумал, – признался я. – Впрочем, что-нибудь соображу! Например, поговорю с Яшмой: уж кто-кто, а она в богохульстве разбирается.

– Мне все больше хочется познакомиться с ней: о чем бы ни зашел разговор, ты все к ней сводишь! – ехидно усмехнулся Кит. – Мне кажется, тебе уже давно ничему у нее учиться, но ты все равно бегаешь к желтым, как на работу!

– Ты не знаешь, о чем говоришь, Кит! – сказал я, перелезая через стену.

– А ты не признаешь очевидного! – крикнул он мне вслед.

Увы, Киту было опасно подолгу находиться у желтых, потому дальше я пошел один.

Я уже знал, к кому обращусь со своей проблемой: знаменитая троица, те самые мужички, которых я встретил, когда только прибыл к желтым. Вадик, Шляпа и Борода – гениальный химик, инженер и кузнец. Эти трое могли бы собрать машину времени, если бы только захотели! Но они не хотели.

– Ты становишься страшным человеком, Белый Дельфин, – равнодушно заметил Вадик, соскребая с меня образцы мази. Естественно, он тут же согласился расшифровать состав, но не из симпатии ко мне, – из всех троих один Вадик меня почему-то недолюбливал, – а потому что ему самому было до чертиков любопытно разведать секреты оранжевых. – Эта мазь – главное сокровище оранжевых, наглядный результат их веры. Если они узнают, они тебя к острову и близко не подпустят. Как ты собираешься им объяснить свои запасы мази?... Хотя какое мне дело? Приходи вечером, все будет готово, – это он говорил, уже колдуя у своего рабочего места.

Пожав плечами, я отправился искать Яшму. Она обнаружилась в своем гамаке: нежилась на солнышке с таким умиротворенным лицом, что я просто не смог удержаться от небольшой пакости...

Одежда оранжевых представляла собой большой кусок цветной ткани, которая оборачивалась вокруг пояса так, что походила на широкие штаны чуть ниже колен. Нора дала мне их, чтобы я не позорился, расхаживая по островам в потрепанных трусах. Благодаря этой обновке я мог двигаться совершенно бесшумно, поэтому мне удалось подобраться к гамаку и не разбудить Яшму! Быстрым движением рук я опрокинул его и побежал прятаться за ближайшую стену.

Яшма, приземлившись на все четыре конечности, разразилась такими проклятиями, что все мои кошмары меркли по сравнению с ее изобретательностью.

– Ну, все, безмозглая улитка, молись, чтобы я тебя не нашла! – рычала она, рыская вокруг.

Пока она меня не нашла, я встал на одно колено и сложил ладони у рта, как делают оранжевые во время молитвы. Как только Яшма вышла из-за поворота и увидела меня, я запел, подражая тоненькому голоску жрицы:

– О, прости меня неприкаянного грешника, дитя слепое и неразумное, всемогущий и всевидящий владыка наш! – я старательно вытягивал гласные и делал благоговейное лицо.

Яшма настолько оторопела, что даже забыла, зачем она меня искала. Ее вытянувшееся лицо и округлившиеся глаза стоили всех моих усилий!

Мы смотрели друг на друга несколько секунд, а потом вместе зашлись неудержимым хохотом: она смеялась над моим видом, а я над ее изумленной рожей!

- Ты что на себя напялил!? – выдавила она, отсмеявшись. – Ты же сварисься заживо!
- Не сварюсь, Вадик скоро узнает состав мази оранжевых, – объяснил я.

Мы усьелись на нашем берегу и раскурили трубку Яшмы: своей я еще не успел обзавестись.

– Вадик, говоришь? – я готов был поклясться, что слышал, с каким тугим скрипом мозг Яшмы обрабатывал мои слова! Когда из ее ушей уже готов был повалить пар от натуги, она все же поняла: – Так жрицы тебе мазь не дают, что ли?

– Я не хочу обращаться в их веру, но невосприимчивая к солнцу кожа мне не мешает, – я кивнул.

– Так они же тебя с острова выгонят, если поймут, что ты украл рецепт их мази, – Яшма потихоньку подбиралась к сути.

– Как думаешь, что им сказать, чтобы избежать этого?

– Пришел спросить моего совета, да? – она самодовольно ухмыльнулась.

– Вроде того, – я кивнул.

– Как по мне, тут ничего не сделаешь! – вдруг сказала она с видом умудренного многолетним опытом старейшины. – Если будут спрашивать, скажи, что у тебя любовь с одной из жриц и поэтому ты решил пройти посвящение, а она осмелилась дать тебе мазь без разрешения Солнца. Оранжевые любят сопливые истории о любви: тебе все простят и даже имени жрицы спрашивать не станут. Им же только дай тему, чтоб языками почесать!

– Проблема в том, что именно так они и думают, только вот имя этой жрицы у всех на устах: одна девица видела, как Нора дала мне мазь! А по их представлениям, если я не опровергну слух о нашей якобы взаимной любви, мне нужно будет жениться на этой девушке сразу после завершения мутации, – объяснил я. – Если уж признаешься в своих чувствах, не вздумай увливать, – так они считают.

– Так женись! – хмыкнула Яшма. – Какая тебе разница? Судя по твоим рассказам, эта Нора уж точно против не будет.

– Но... – я так опешил, что даже не смог сразу найти ответ! – Как у тебя все просто! – наконец, выдавил я.

– А чего сложного? – она усмехнулась, разглядывая воду под нами. – Это единственный способ умаслить оранжевых и не строить из себя яро верующего. Думаю, ради тебя эта Нора сможет соврать всем, что ты уверовал.

Я тоже уставился в воду, пытаясь осознать это странное предложение.

– Должно быть что-то еще, – решил я, тряхнув головой. – Жениться на ней только ради мази – подло и недостойно.

– Как придумаешь что получше, дай знать: мне даже интересно, – Яшма положила руки за голову и упала на землю: ее роскошная грива смягчила падение. Поерзав немного, она закрыла глаза и подставила лицо обжигающим лучам.

Стоило Яшме оказаться под солнцем, она становилась похожей на ящерицу: она могла часами валяться на одном месте, предаваясь всеобъемлющей лени. С какой завистью я каждый раз смотрел на нее в такие моменты! Теперь волшебная мазь на моей коже поглощала лучи и охлаждала уже полученные ожоги. Наконец, я вместо того, чтобы завидовать, сам повалился рядом, впервые в жизни безболезненно ощутив на коже прямые лучи солнца. Это было самое прекрасное чувство, которое мне когда-либо довелось ощутить! Как будто купаешься в манне небесной...

Я решил проваляться под солнцем, пока оно не зайдет, и случайно уснул. Мне снились какие-то странные сумбурные обрывки моей жизни на Огузке, мелькали лица, которые, почему-то, чего-то сильно боялись... Я проснулся от криков неподалеку.

Я разлепил глаза и увидел над собой Вадика.

– Дела твои плохи, парень, – сказал он с таким выражением лица, что от моего сна в миг и следа не осталось.

– Что случилось? – я сел и почувствовал, как моя кожа натянулась на костях! Казалось, она вот-вот лопнет!

Я взвыл от неожиданности и боли и повалился обратно на землю... правда, удар только добавил острых ощущений!

– Что со мной происходит!? – простонал я, пытаюсь аккуратно подняться без таких ощутимых последствий.

– Это из-за той жижи, которой ты измазался, – объяснила Яшма. Она стояла сзади Вадима и тоже выглядела обеспокоенной. В руках она держала целую кучу свежевыволвленных плоских водорослей. Этими самыми водорослями я сам много раз обматывал Яшму после того, как она возвращалась после особенно тяжелых боев вся израненная.

– Я изучил состав мази... кажется, я не смогу тебе ее сделать, – сказал Вадим.

– Как!? – я изумленно на него уставился. – Я достану все ингредиенты, какие ты попросишь!

– Знаешь, я сам никогда не верил, но... кажется, для приготовления мази нужна магия, – он произнес последнее слово с видимым усилием и даже поморщился.

– Магия!? – я посмотрел на него, пытаюсь понять, не перегрелся ли он на солнце. – А драконьего жира или хвоста русалки не надо?

– Другого объяснения ее свойствам я найти не могу: это обычная смесь из рыбьего жира и сока пищевых водорослей, – пожал плечами Вадим. – В ней нет ничего особенного.

– Так или иначе, тебе этой дряни явно надо больше, чем остальным: на тебе живого места нет, – проворчала Яшма, усаживаясь возле меня. Она стала облеплять меня водорослями. Соль с них тут же проникла в раны, превратив ощутимый зуд в нестерпимое жжение, как будто меня в костер бросили!

– Постой, не надо! – я отодвинулся от нее подальше, едва сдерживаясь от того, чтобы не заорать. – Я не смогу это терпеть!

– Тебе это нужно, так что не рыпайся! – прорычала она. По ее взгляду я понял, что лучше не сопротивляться, а еще лучше – немедленно начать самому лепить на себя широкие пласты водорослей.

– Итак... – говорить мне удавалось только сквозь зубы, потому что все тело охватило страшное жжение. – Для мази нужна магия? – я посмотрел на Вадика, который стоял в стороне и флегматично наблюдал за моими мучениями.

– Да. Думаю, тебе надо на остров фиолетовых, – вдруг посоветовал Вадик.

– Фиолетовых?

Про фиолетовых я никогда ничего не слышал. Весь Огузок делился на три скопления островов. Первое, самое ближнее к Остову, это красно-оранжево-желтое скопление. Чуть дальше был остров голубых и зеленых. Самыми дальними от Остова были синий и фиолетовый острова. Вокруг них крутилось в три-четыре раза больше стражи. Попасть на острова было почти невозможно, а сбегать с них – тем более. Мало кто знал, чем там на самом деле занимаются заключенные, но слухи ходили всякие.

– Они психи, – объяснила Яшма. – Фиолетовый – остров безумия. Там кого только не держат. Среди них есть люди, которые считают себя магами. А есть такие, которые думают, что они тюлени. Магические тюлени там тоже есть. Суть улавливаешь?

– Вот как... – я дернулся, когда на спину лег очередной пласт водорослей. – Потрясающе... Но как велика вероятность того, что они приготовят мазь?

– Думаю, она есть, – пожал плечами Вадик.

– Нора тебе ее точно приготовит, – подсказала Яшма. – А до фиолетовых еще доплыть надо.

– Солгать один раз про то, что у меня украли одежду, это не то же самое, что врать про свои убеждения и чувства, – я покачал головой. – К оранжевым я больше за мазью не пойду. А к фиолетовым все равно рано или поздно мне бы пришлось плыть: во время восстания нам будут нужны все... Так что соединю приятное с полезным, – я решительно поднялся. Водоросли сделали свое дело: теперь я был похож на кикимору, но зато постепенно переставал чувствовать боль.

Остаток дня я провел у костров в жилой зоне желтого острова. За мной ухаживали, как за самым больным и несчастным человеком на земле: носили мне всякую вкусную еду, отпаивали лучшим самогоном и заботливо покачивали в гамаке. Яшма следила, чтобы меня не тревожили больше положенного, при необходимости сама всем объясняла, почему я вдруг покрылся водорослями. Посреди ночи она даже помогла мне обернуться новой партией водорослей! Что и говорить, я был поражен такой заботой с ее стороны... Впрочем, когда она изображала умирающую после очередного выступления на арене, я тоже с ней возился.

Утром мне стало гораздо легче, я даже мог спокойно передвигаться, не боясь, что моя кожа вот-вот треснет и расползется.

Еще до восхода я отправился на остров оранжевых, чтобы найти свою одежду и поговорить с Солнцем.

И одежда, и неподражаемый предводитель оранжевых оказались там, где я их оставил: одежда лежала за камнем, а Солнце, как всегда, сидел на своем троне. Казалось, он не спал, не ел и не ходил по нужде, а только царственно сидел, думал и иногда что-то читал или записывал в свитках.

– Я слышал, ты хочешь стать одним из нас. Почему не поговорил со мной? – спросил он, когда я вошел. Здраваться у нас с ним было не принято, как и прощаться.

– Потому что это не так: просто я потерял свою одежду, и Нора дала мне мазь, чтобы я мог находиться под солнцем хотя бы до тех пор, пока не найду ее, – объяснил я.

– Считаю, что я тебе поверил, – Солнце упер в меня свой тяжелый взгляд. Ощущение угрозы было сильнее, чем если бы он подставил к моему виску огромную дубину. Я понял, что он догадался обо всех моих планах и теперь предупреждал, чтобы я не вздумал выкинуть что-то подобное еще раз.

– Я хочу отправиться к фиолетовым, – рассказал я, не считая нужным продолжать тему моего богохульства. Если бы Солнце хотел наказать меня за проступок, он бы уже это сделал. – Я хочу узнать, чем они могут нам помочь. Неразумно оставлять в тылу тех, кто не с нами, когда все начнется с недели на неделю.

– Хорошо, что ты сам это предлагаешь, – сказал Солнце, смягчившись. – Все-таки попасть в ту часть Огузка нелегко, а выбраться оттуда – еще сложнее. Мы не могли просить тебя о таком риске, хотя связь с фиолетовыми и синими нам необходима.

– Я понимаю это, потому и готов рискнуть, – сказал я, с трудом скрывая удивление. Обычно Солнце никогда не беспокоился о сложностях, с которыми я сталкивался, выполняя его поручения. Он просто говорил, когда ему нужен результат и на этом все заканчивалось... А теперь это его «мы не могли просить тебя о таком риске» сильно меня насторожило: кажется, на этот раз я взялся за что-то по-настоящему опасное.

– Отлично, что ты понимаешь важность происходящего, – кивнул Солнце. – Вот мои указания. Во-первых, тебе нужно выяснить, кто их лидеры и насколько они надежны. Если ты поймешь, что с ними можно иметь дело, придумай вместе с ними план противостояния страже. Думаю, ты отлично проинформирован насчет всех наших действий и справишься с этой задачей. По сигналу синие и фиолетовые должны будут задержать стражников, которые работают на их территории, чтобы у нас было время подготовиться к борьбе на две стороны. Действуй с расчетом на то, что ты можешь не вернуться оттуда, или же ты вернешься, но попасть обратно

у тебя возможности не будет. Все должно пройти строго по плану, иначе то, к чему мы шли столько времени, может рухнуть в один час.

– Я сделаю все необходимое, чтобы в первые дни восстания стража с восточной части Огузка о вас не вспомнила, – кивнул я, чувствуя приятную дрожь где-то в груди. Кажется, сейчас мне было оказано колоссальное доверие! Из простого гонца я стал чем-то вроде правой руки... И хотя я не уверен, что все это правильно, выбора у меня все равно нет.

– Это все, что ты хотел обсудить?

– Да.

– В таком случае, ступай. Я буду просить Бога, чтобы он оберегал тебя в этом нелегком путешествии.

Я склонил голову в знак благодарности и вышел из шатра.

Что ж, вот все и решилось... я отправляюсь на самую жуткую часть Огузка с важной миссией, теперь успех восстания частично будет зависеть от меня, от того, как быстро я договорюсь со всеми.

Подобной ответственности на меня не возлагалось ни разу в жизни... То ли Солнце уверен в том, что я справлюсь, то ли ищет повод от меня избавиться. Что ж, что бы он ни прятал за этим быстрым решением, у меня нет права на провал.

Теперь мне нужно было вернуться на территорию желтых: от них было удобнее добираться до голубых. Побывать в родной стае перед таким заданием мне было просто необходимо. Во-первых, там я мог бы хорошенько подготовиться, во-вторых, Луна может рассказать мне о синих и фиолетовых то небольшое, что он помнит со времен своей молодости. Даже настолько устаревшая информация мне сейчас точно не помешает. И, в-третьих, я хотел узнать у старика насчет так называемой магии. Раньше он ни о чем подобном не упоминал, но кто знает, вдруг на Огузке есть и такие мутанты?

У самого причала острова желтых я наткнулся на Яшму. Она стояла, прислонившись спиной к стене мусора, так что ее полосатая кожа сливалась с тенями от только показавшегося солнца.

– Так ты все-таки решил плыть к фиолетовым? – спросила Яшма, повернувшись ко мне. Ее лицо было темнее грозовой тучи.

– Да, – ответил я, с подозрением рассматривая ее. Она что, караулила меня здесь? Интересно знать, сколько она уже тут стоит!? – Что-то не так?

– Я не понимаю тебя, – глухо выдавила дикарка, нахмутив темные брови. – Зачем ты все это делаешь? Ты и так загибаешься от всей той дряни, которую в себя пихаешь, теперь еще это... На тебе живого места нет, а ты собрался плыть в место, откуда не возвращаются, в поисках того, чего не существует! Поступок идиота.

– У меня нет выбора, фиолетовые – мой последний шанс! – возмутился я, пораженный такой внезапной вспышкой гнева. – Тебе легко говорить, ведь твоя жизнь не зависит от клочка драной ткани!

– Я хотя бы не пытаюсь с ней покончить! – огрызнулась Яшма. – А тебе хватает дури гоняться за смертью, как будто за ней тут далеко ходить надо! Каждый день ты делаешь то, от чего люди вокруг умирают десятками! Нет бы жить, как все, и радоваться, – тебе этого мало! Тебе вечно нужно показать, какой ты весь из себя особенный, даже если это стоит тебе последних остатков здоровья! Ты готов подохнуть, только чтобы о тебе говорили, какой ты герой!!!

Последние слова она выкрикнула мне в лицо, ощерившись от бешенства.

– Да что ты несешь!? – крикнул я, не на шутку разозлившись на нее. – Я делаю это, чтобы у меня было хоть какое-то будущее, чтобы я мог здесь выжить! Мне нет смысла беречь себя, если я не смогу остаться тут! Или ты слишком тугая, чтобы это понять!?

– Если бы ты хотел остаться, ты бы давно стал оранжевым! Даже мне, такой тугой, ясно, что это безопаснее, чем травить себя!

– А я не хочу быть одним из них! Не хочу, чтобы меня связывали не мои убеждения!

– Зато ты хочешь сдохнуть!

– Я хочу быть свободным!

После этих слов Яшма замолчала. Она отвернулась с таким перекошенным лицом, как будто не могла больше меня видеть.

– Отлично, будь свободен сдохнуть! Плыви отсюда и можешь не возвращаться: ждать тебя никто не станет! – выдавила она сквозь зубы.

– Знаешь что? – спросил я, беря ее за плечо и разворачивая к себе лицом. – Я вернусь и докажу тебе, что ты зря волновалась!

– Я была там и знаю, что шансов у тебя нет, – сказала она, отталкивая меня и отворачиваясь. – Уходи.

– Солнце сказал, я могу остаться там до начала восстания. Вернусь я или нет, ты правда хочешь расстаться со мной так?

– Мне без разницы, как расставаться с покойниками! – Яшма вновь попробовала отвернуться, но в этой попытке было куда меньше уверенности, чем в прошлой. Я удержал ее, взяв за руку.

Чувствуя огромную неловкость, я сделал шаг навстречу дикарке и обнял ее. Мне всегда казалось, что нет ничего более противоестественного, чем проявлять нежность к этой матерой убийце, однако сделав это, я ощутил приятный зуд под сердцем, подсказывающий, что все правильно.

Я притянул ее к себе.

На самом деле меня уже давно мучила мысль о том, какими на ощупь должны быть ее невероятные волосы. Естественно, Яшма терпеть не могла, когда ее трогают и особенно, когда проявляют интерес к ее необычному телу. Одного новенького желтого она даже побила за то, что тот чуть ли не на коленях умолял ее подарить ему образец своей кожи... Теперь я решил воспользоваться ситуацией и украдкой провел по ее гриве ладонью. У меня аж мурашки прошли по всему телу: ее волосы были мягче птичьего пуха! Кто бы мог подумать?...

– О, Вадик, кажется, мы не вовремя! – позади нас раздался насмешливый голос Шляпы, лысого, но очень бородатого члена знаменитой троицы.

Яшма вздрогнула и тут же оттолкнула меня подальше, чем вызвала взрыв хохота. Я тоже не смог сдержать улыбки: как же эта нестибаемая машина для убийств могла позволить, чтобы ее видели в объятиях тощего слизняка вроде меня? Ее ведь, того и гляди, обвинят в простых женских слабостях!

– Я как раз собирался уплыть к фиолетовым, думал, вы спите, так что прощаться не стал, – объяснил я нежданным гостям, предупреждая возможные упреки.

– Хорошо, что мы тебя нашли, – заметил Борода. – Вообще, тебе не обязательно к ним плыть: там ведь вряд ли найдутся настоящие маги. Это Вадик так сказал, не подумав.

– Вообще-то, они там есть, – спокойно заметил Вадик, глядя на меня в упор. Мне кажется, или этот химик тихо ненавидит меня?...

– Я уже поговорил об этом с Солнцем, он дал мне важное поручение, так что теперь мне все равно нужно туда плыть, – я пожал плечами, отрывая взгляд от странного Вадика.

– Ну... раз такое дело, то передай это синим, – Шляпа вручил мне сверток. – Там должна быть девушка, Орка. Отдай ей и скажи, что это от меня. А вот это оставь себе, в пути пригодится, – он вытянул из одного из бесчисленных карманов своей курки бурдюк с самогоном. – Он и рана успокоит, и смелости придаст... ну ты знаешь.

– Спасибо, – я принял посылку и бутылку и положил их в свою потайную сумку.

– Что ж, раз ты все равно туда намылился, то возвращайся поскорее! – попросил Борода, обнимая меня на прощание.

Попрощавшись со всеми и ободряюще потрепав Яшму по плечу, я прыгнул в воду. Уже уплывая, я услышал, как голос Бороды:

– Да вернется он! Ты же вернулась, и недели не прошло! Карась мне в рот, он же дышит под водой!...

В тот момент я почувствовал, что действительно вернусь, несмотря ни на что. Ведь меня тут так ждали...

Добравшись до голубых, я разыскал Луну и сообщил ему о своем путешествии. Он взглянул на меня, как на сумасшедшего, но ничего не сказал. Мы нашли местечко поукромнее и уселись подлатать мой плащ.

– Стража там серьезная, не то что здесь. Они кидаются на каждую подозрительную волну, а близ острова плавают хищные рыбы, – рассказывал он, пока я штопал плащ. – Никто никогда не приходил с территорий фиолетовых и синих, даже во время первого восстания. Это неспроста.

– Яшма говорит, что была там и вернулась, – заметил я. – Видимо, это не так уж невозможно.

– Только если ты Яшма, – хмыкнул Луна. – Я не знаю, чем ты прогневил Солнце, что он позволил тебе туда плыть, но раз уж ты согласился, отступать нельзя. Так или эдак, я должен тебе сказать вещь, о которой ты, наверное, не скоро догадаешься: *оттуда* тебя никто ждать не будет, – его пронзительный взгляд сработал не хуже слов: теперь я действительно чувствовал себя смертником, наполовину трупом. Едкий холодок уже ползал где-то возле моего сердца!

– Тебе не кажется, что перед таким делом человеку надо внушать хорошие мысли, а не говорить ему, что он непременно содохнет? – поинтересовался я, деликатно кашлянув, чтобы выбить ком из горла.

– Я не говорю, что ты умрешь, – покачал головой Луна. – Я говорю, что тебя никто не будет ждать с тех островов. Оттуда еще никто не возвращался: люди застревают там навечно.

– Про Огузок мне говорили так же, но ничем плохим это пока не кончилось, – я пожал плечами. – Так или иначе, если я там застряну, я смогу помочь нашему делу даже больше.

Луна только покачал седой головой. На прощание он дал мне что-то вроде отеческих наставлений: не подплывай близко к лодкам, не опускайся на дно, не убивай хищных рыб, чтобы не привлечь внимание их всплывшими трупами... Также я получил несколько кусков ткани, иглу с ниткой и кусок морского камня. Я не стал расспрашивать его, зачем мне все это нужно, просто сунул все в сумку.

Эти странные напутственные подарки напомнили мне начало какой-то старой сказки, что, впрочем, мне не особо нравилось. В таких сказках герои всегда плохо кончали, а подарки, как правило, давали лишь небольшую отсрочку неизбежного конца.

Итак, я распишал все необходимое по потайным карманам, обмотал руки и ноги дополнительными кусками ткани, чтобы никакие рыбы не прокусили, и отправился к берегу.

Когда я погружался в воду, меня посетило знакомое чувство. Именно его я испытал, когда в последний раз переступал порог материнского дома под конвоем стражи: тогда я точно знал, что больше не вернусь к прежней жизни. Только сейчас, как ни странно, я не боялся застрять на тех островах. Гораздо хуже любого заключения было то, что я могу опоздать к началу восстания, не смогу быть с близкими мне людьми в такой ответственный момент.

Однако, мои желания тут не играли никакой роли: теперь я точно знал, что должен был быть там, а не здесь.

Все острова Огузка располагались по кругу, ближе всех к Остову был красный остров, а дальше всех – синий и фиолетовый. Их даже нельзя было увидеть: то ли из-за тумана, то ли потому, что они были по-настоящему далеко.

Они не появились даже спустя пятнадцать минут, когда я здорово отдалился от острова голубых. Мне это сильно не нравилось, ведь если я не увижу их до того, как потеряю из вида остров голубых, я могу потеряться. Плавать в открытом океане без ориентиров – гиблое дело.

Однако вскоре я убедился, что потеряться мне не грозит: вдалеке показалась лодка стражи. Они тоже меня заметили, я услышал, как один из них велел гребцу плыть в мою сторону.

Я нырнул на хорошую глубину и поплыл вперед, навстречу стражникам. К тому времени я уже научился плавать с открытыми глазами, потому ориентироваться под водой мне было не так сложно, как раньше.

Когда мне приспичило вдохнуть, уже я следил за лодкой, а не она за мной. Покачивающаяся на волнах скорлупка была достаточно далеко, чтобы я мог аккуратно всплыть и сделать необходимый глоток воздуха.

Однако только я приблизился к поверхности, откуда не возьмись в меня прилетел гарпун! Сначала я даже не понял, что произошло: резкое жжение на левом предплечье было похоже скорее на внезапную чесотку, чем на ранение. Но проплывший перед глазами гарпун не оставлял никаких сомнений: на меня началась самая настоящая охота.

Естественно, я тут же нырнул на глубину и, только оказавшись в безопасности, позволил себе взглянуть наверх.

Пока я следил за одной лодкой, появились еще две, и теперь они втроем кружили надо мной!

Это было невероятно! Каким, интересно, образом они меня засекли!? Я ведь не плескался, не выныривал больше положенного и даже не дал им повода сомневаться в моем растительном происхождении! Раньше мой плащ всегда работал отлично, что же теперь не так?

Но разбираться с этим времени не было, нужно было решать проблему. Я мог находиться под водой еще несколько минут, но это уже был мой край: если я не успею за это время оторваться от лодок, я или задохнусь, или буду схвачен!

Я устремился прочь от границы, которую так тщательно охраняли, и через несколько минут с облегчением отметил, что они за мной не погнались и сзади меня никто не преследовал. Я мог спокойно вдохнуть.

Нужно было придумать что-нибудь похитрее моих обычных уловок.

– Как же они все-таки меня вычислили? – спросил я вслух: разговор с самим собой частенько помогал соображать быстрее.

На ум полезли очки теплового видения, потом дрессированные птицы, а затем тот факт, что в этой части огузка могло попросту не быть водорослей. По неясной мне причине вода здесь было заметно теплее и имела странный запах, так что водоросли тут и правда могли не расти. В таком случае все сходится: куча травы, которой я притворялся, не могла не вызвать подозрений.

Недолго думая, я сбросил свой плащ, сделал несколько хороших вдохов, и нырнул, намереваясь на этот раз непременно пробраться сквозь ряды доблестных стражников.

Заметив наверху первую лодку, я поплыл чуть левее, надеясь встретить там вторую. Одна за другой, эти скорлупки должны были привести меня к одному из островов.

Когда у меня стал заканчиваться воздух, я выбрал наиболее одинокую лодку и всплыл прямо под ее правым бортом. Благодаря изогнутой форме посуды, сидящие внутри люди, усердно глазающие по сторонам, точно не должны были меня заметить: вниз-то они вряд ли смотрели.

К моему облегчению, задумка сработала как нельзя лучше! Оказавшись вне поля зрения сторожил, я бесшумно вдохнул необходимую порцию воздуха и смог плыть дальше, тщательно успокаивая свое взбесившееся от волнения сердце.

Конечно, мне не в первой было плавать под носом у стражи и на ходу выдумывать трюки вроде этого, но теперь все было серьезнее. У других островов стража действительно была никакой: ленивые, одуревшие от однообразной работы, эти мужики просто не были готовы к таким извращениям, как тот же плащ из водорослей. Здесь, судя по тому, как яростно они закололи кучу травы, все обстояло иначе. Еще бы, ведь на эти острова ссылали сумасшедших и людей, которые всеми способами пытались помешать правительству делать свое дело... эти уж точно не будут покорно грести миналию остаток жизни. Где-где, а здесь у стражников работа была по-настоящему тяжелой и ответственной.

Мне пришлось всплывать у бортов лодок еще раз четыре, прежде чем я увидел первый остров. Тогда я стал искать место, где мог бы незаметно вылезти. Но тут все оказалось еще сложнее.

Вокруг земли не было ни одного участка, где можно было бы выбраться на сушу и остаться незамеченным: лодки курсировали по всему периметру, а берег был открытый. Однако, где-то должен был быть причал для более крупных посудин с едой. По моему скромному опыту, оттуда всегда проще пробраться на сушу.

Такой причал действительно обнаружился и даже лодки его не стерегли. Но зато прямо у входа на остров стояли два постовых стражника с гарпунами.

Был бы он хоть один, я мог бы попробовать с ним разделаться, забрать его одежду и немного побродить в ней по острову... но их, черт возьми, двое! С двумя, да еще и из воды, я точно не справлюсь даже после всех уроков Яшмы.

Размышлять под водой было тяжело, потому я заплыл под причал, где, наконец, смог спокойно дышать, не боясь быть обнаруженным. Это всегда было удивительное чувство, снова начать медленно, раз за разом вдыхать воздух. В какой-то степени я даже сочувствовал людям, которые не могут подолгу находиться под водой: им не с чем сравнивать, они не понимают, какое счастье им доступно на суше.

Несколько минут я просто восстанавливал дыхание, а как только я собрался обдумать свое положение, сверху раздался мужской голос, принадлежащий явно не стражнику:

– Эй, там Акуша с Маврушей снова буянят! Помогите! – первый крик донесся издалека, но говоривший быстро приближался. – В этот раз они точно убьют кого-нибудь, они нашли на свалке острую палку! Скорее! Кажется, они гонятся за мной!

Один из стражников пробормотал какое-то ругательство, и я услышал их быстрые шаги. Я ушам своим не поверил: они уходили с поста!

Дождавшись, пока шаги стихнут и выждав еще несколько секунд после этого, я выбрался из своего укрытия и быстро вылез из воды.

Я поспешил скрыться в лабиринте из мусорных стен – неотъемлемой части любого острова Огузка, кроме, разве что, оранжевого. Среди этих стен было легко не только заблудиться, но и затеряться. В некоторых при желании можно даже сделать нору и жить в ней некоторое время.

Найдя в пластах мусора небольшую выемку, в которой можно было пересидеть некоторое время, я решительно уселся на землю. Мне нужно было отдохнуть после долго плавания и заодно осмотреть свое предплечье. Рана не должна была быть серьезной, но мало ли что?

Я снял куртку, убедился, что все мои вещи при мне, а рана не руке – не больше, чем рядовая царапина. В голове мелькнула мысль о том, что со стороны хваленых хищных рыб было постыдным разгильдяйством не приплыть на запах моей крови. Однако, на такое несбывшееся ожидание, как еще одни сторожилы, мне жаловаться глупо...

Я достал самогон желтых, лучшее средство от чего бы то ни было, и смочил им тряпку, чтобы смазать ранку. Но тут над самым моим ухом раздался голос: я чуть было не уронил драгоценную флягу от неожиданности!

– Привет!

Не дожидаясь, пока меня выдадут стражникам, я выбросил вверх правую руку и тут же нащупал чье-то тонкое горло. Схватив покрепче, я одним движением развернулся и вжал непрошеного гостя в выемку, заслонив ему путь к отступлению.

– Кто ты такой!? – прошипел я, внимательно осматривая питомца острова фиолетовых. В том, куда я попал, я уже не сомневался: у моей невольной жертвы все лицо было разрисовано птичьим пометом.

– Кхе.... кхе!... Пусти!... – прохрипело нелепое создание, цепляясь за мою руку хрупкими пальцами в безуспешных попытках освободиться. – Это я отвлек стражу!... Я не буду орать!...

Вытащив с пояса свой нож, я приставил его к горлу безумца и только после этого убрал руку с его шеи.

– Не думаю, что тебе стоит так меня убивать... сумасшедшие обычно не режут друг другу шеи, так что тебя сразу начнут искать... – заметил незнакомец, поднимая руки в знак примирения. Его ногти были покрашены в жуткий синий цвет, а руки от кистей до предплечий испещрены странными символами.

– Зачем ты следил за мной? – я задал вопрос, дав ему почувствовать остроту лезвия.

Возможно, угрозы – не то, с чего следовало начинать знакомства с местными, но этот тип здорово меня настораживал. Я кожей чувал, что встреча с ним обернется неприятностями! Ведь он был похож на сумасшедшего больше, чем кто-либо... Помимо жутких рисунков на теле, бус из всякого хлама и старого тряпья вместе одежды, у него был омерзительной формы огромный череп, который казался распухшим от какой-то внутренне болезни. У него не было ни волос, ни даже бровей и ресниц, а глаза отливали перламутром, как у оказавшейся на суше полудохлой рыбы.

– Родители называли меня Жемчуг, но тут я получил прозвище Погодник, – представился он. – Я вижу то, чего другие не видят... вот и решил тебе помочь. Я знал, что ты приплывешь.

– Отлично, ты мне поможешь, – миролюбиво кивнул я, не спеша убирать нож. – Расскажи мне, как у вас все устроено. У вас есть предводитель или старейшина?... Или старший лекарь?

– У нас есть шесть десятков стражников на острове, – он расплылся в гадкой улыбочке. – Нас тут около двух сотен, но так как большая часть не буйная, шести десятков хватает для поддержания порядка.

– Чем вы тут занимаетесь?

– Кто чем может. По большей части мастерим всякую мелочь для Остова. Особо сознательные шьют, а совсем потерянные разбирают мусор. Ребята вроде меня помогают строить планы. Знаешь, этот нож совсем необязателен: я расскажу тебе все, что ты захочешь!

– Зачем ты проследил за мной? – я повторил вопрос, пока не решаясь убирать оружие.

– Я хотел поговорить, – признался безумец.

– О чем? – вопрос мне самому показался идиотским, но я никак не мог понять, что этому чокнутому от меня понадобилось и как он вообще обнаружил меня под причалом, если даже стражники, смотревшие в упор, меня не заметили.

– О восстании, конечно, – хмыкнул Погодник. – Или ты думаешь, я стал бы помогать простому вору?

– Откуда ты знаешь?...

– Я все знаю! – он широко раскрыл глаза, чтобы я оценил значимость его слов. Этот придурок даже не пытался отодвинуть мой нож от своей шеи.

– Откуда же, интересно знать?

И тут произошло нечто совсем необъяснимое!

Уродливый лоб безумца сморщился и задрожал, затем на нем образовалась самая настоящая щель, которая раскрылась и обнаружила третий глаз! Это третье око было чуть меньше

нормальных глаз, но, несмотря на это и на противоестественный пурпурный цвет, оно было зрячим!

Глаз на лбу Погодника посмотрел по сторонам, а потом сфокусировался на мне.

Меня передернуло от отвращения, я невольно отступил подальше от этого жуткого существа.

– Ой, ой, ой, можно подумать, сам тут писанный красавец! – закривлялся безумец. – У самого глаза, как у глубинного чудища, и кожа, как у улитки, а на мой вполне себе симпатичный глазик таращится, как на какое-то чудо!

– Откуда это у тебя?...

– Я таким родился, – гордо выпрямился Погодник. – Я же сказал, я вижу больше, чем остальные! Я знаю, что тебя зовут Белый Дельфин, знаю, зачем ты сюда приплыл, и знаю, как тебе помочь.

– Стражники говорили обо мне? – я насторожился. Откуда он мог все это знать? Только если стража в курсе моих походов и обсуждает это при сумасшедших! В таком случае, дела мои очень плохи...

– Да никто о тебе не говорил, кому ты нужен вообще? – он противно ухмыльнулся. – Если я начну тебе рассказывать о всех своих несравненных талантах, это займет несколько дней, а времени у нас и так немного. Так что, если ты прекратишь тратить его на всякие нелепые вопросы, я расскажу тебе, что думаю о твоём деле.

Безумец говорил так уверенно, что я совсем растерялся, так что даже был готов довериться ему.

– Сядь рядом, упырениш, – Погодник уселся на землю, скрестив ноги, и похлопал по месту напротив себя.

Я сел рядом, не смотря на свой внутренний протест.

– Итак, остров фиолетовых – это не то место, куда тебе следовало плыть. Тут мало вменяемых и еще меньше тех, кто может тебе помочь. Большинство местных провидцев вроде меня работает на стражу и регулярно им докладывается. Ваше бунтарское счастье, что они совершенно слепы по сравнению со мной! Но если ты тут будешь ошиваться, кто-нибудь из них непременно почувствует твоё присутствие. Тебя найдут хоть под землей, если ты будешь тут долго ошиваться!... Как этого рачка! – он задумчиво похлопал по земле, потом зарылся в нее пальцами... и к моему удивлению вытащил оттуда какую-то жуткую каракатицу.

Недолго думая, Погодник раскрыл ее панцирь и с аппетитом высосал мясо.

Меня снова передернуло от отвращения.

– Ну, ты понял, – он покивал, наблюдая за выражением моего лица. – Знаешь, что будет здорово? Если ты сам попадешься стражникам! Да-да, не смотри на меня так! Иначе ты ничего полезного не сделаешь. Они ведь не будут тебя убивать! Ты такой здоровый и сильный, просто чудо, а не работник! – он бесцеремонно вцепился в мое предплечье и пощупал его. – Глаз мне выколи, тебя точно отправят к синим в рудники! Там-то ты как раз и пригодишься. Они вечно плетут какие-то заговоры, тебе там самое место.

– Ты думаешь, я сдамся страже только потому, что ты мне так сказал? – я никак не мог понять, как стоило относиться к словам этого странного создания: удивляться, злиться или смеяться.

– Вовсе нет! Ты им сдашься, потому что они тебя все равно тут поймают, – он усмехнулся. – Какой же ты непонятливый, и как только тебя в летописцы взяли, а?

– Откуда ты знаешь? – я совершенно перестал понимать, что тут происходит! Складывалось такое впечатление, что я сплю, и мне грезится этот идиотский разговор.

– Я колдун! – раздраженно объяснил он. – Ну, неужели не понятно? Я что, зря нарисовал на себе все эти символы? Зря нацепил бусы!? Ногти зря красил!? Мне надоели все эти вопросы, я себе на лбу написал на древнем языке, что я колдун, а эти идиоты-люди все равно ничего

не понимают! О, небо, что мне делать с этими тупицами!? – он раскинул руки в стороны и закричал, запрокинув голову. Выждав несколько секунд, он озадаченно посмотрел на меня. – Оно опять молчит! Небо – худший из собеседников! Никогда не отвечает, сколько с ним не говори.

– Может, прекратишь так орать!? – возмутился я.

– Ой, прости, ты же все еще думаешь, что надежно спрятался! – он мерзко хихикнул. – Ладно, пока тебя не схватили, у нас есть еще несколько минут, чтобы поболтать.

Дальше я терпеть не мог.

Я встал и решительно пошел к воде, прочь от этого странного типа и его предсказаний.

– Ой, ну прекрати! – он погнался за мной и вцепился мне в плечи. – Хочешь, я тебя спрячу до вечера? Не уходи, мне тут так одиноко! – он обхватил мои плечи и прижался щекой к моей спине.

Окончательно взбесившись, я развернулся и отпихнул его подальше.

– Фи, как грубо! Тебе нравятся мускулистые, да? – осклабился Погодник, ехидно прищурив все три глаза. – Ты пойми, я ведь не потому что вредный тебе это все говорю. Я просто знаю, как все будет, вот и объясняю!

– Отвяжись от меня! – огрызнулся я и пошел дальше.

– А вот надо под ноги смотреть...

Я еще не успел осознать, что он сказал, но уже полетел носом в землю, споткнувшись о здоровенную каракатицу, вылезшую из-под земли!

– Я же говорил! – развеселился Погодник. – Вы, люди, такие смешные в своем недоверии... Ну что еще мне нужно сделать, чтобы ты понял, что должен прислушиваться ко мне?

– Помоги сделать мазь, как у оранжевых, тогда я, может, и поверю, что ты все знаешь... – предложил я, потирая ушибленное колено. Что и говорить, из-за этой ползучей твари я знатно навернулся...

– Пф, а что там делать-то? – фыркнул он. – Ты просто не понимаешь самого главного!

– Чего же?

– Все, что с нами происходит, берет начало здесь, – он ткнул себя в лоб. – Вера решает все. Если ты пьешь морскую воду и свято веришь, что она продлевает жизнь, проживешь не меньше ста лет! Оранжевые верят, что их чудо-мазь сделает кожу прочнее китовой, и так оно и происходит. Чем сильнее вера, тем лучше результат! Самовнушение, друг мой упыреный, всего-то самовнушение! И немного кармы. Но об этом я тебе потом расскажу.

– То есть ты просто внушил себе, что знаешь все обо всем? – спросил я, пытаюсь осмыслить услышанное.

– Нет, мои знания – это совсем другая история! – отмахнулся он. – Я, конечно, могу это все объяснить и даже научить тебя, но пока у нас нет на это времени. Чтобы твоя кожа перестала краснеть от солнца, просто ходи без одежды. Тебе не нужна никакая мазь, просто постарайся не помереть от ожогов, и тогда все образуется. Твое тело все сделает за тебя, просто верь в него.

– Отлично, – я кивнул. – Просто ходить без одежды и постараться не сдохнуть... что может быть понятнее?

– Ну да! И с оранжевыми никакой мороки не нужно, и греться кое с кем на солнышке будет приятнее! – он снова осклабился. – Скажешь всем, что хищные рыбы изорвали твою одежду и у синих тебе пришлось ходить без нее, а потом случилось чудо, и ты снова не умер от того, от чего должен был.

– Забери тебя море, откуда ты столько обо мне знаешь!? – я чувствовал, что еще немного и я больше не смогу удивляться.

– Просто тебя совсем несложно прочитать. У тебя очень болтливая тень, знаешь ли! – на полном серьезе объяснил Погодник.

– Буду иметь в виду, – покорно кивнул я. Тень у меня, значит, болтливая... И почему, когда я сюда плыл, я думал, что общение с фиолетовыми будет происходить как-то попроще?

– Ну и ладненько, – кивнул Погодник. – Хочешь есть? Посиди тут и постарайся не шуметь, а вечером я принесу тебе еды и еще поболтаем. Главное, никуда отсюда не уходи!

Он отвел меня к месту, где я устроился изначально, и стал проводить какие-то странные ритуалы. Он вычертил круг, так чтобы я оказался внутри, воткнул в линию какую-то палочку и с самодовольным видом заявил, что теперь я невидим для стражников.

Не знаю, какой он ждал реакции, но я решил ничего не говорить, дабы не нарваться на очередной поток полной несуразицы. Махнув на меня рукой, Погодник куда-то ушел.

Оставшись в одиночестве, я почувствовал такое облегчение, как будто только что закончилось восстание... а я всего-то избавился от чокнутого собеседника! Даже не верится, что отсутствие некоторых людей рядом может принести такое удовольствие.

Остаток дня я провел на одном месте, восстанавливал силы после плавания и заодно обдумывал все, что со мной произошло.

За это время никто даже близко не подошел к месту моего убежища. Стражники, патрулирующие остров, несколько раз приближались к этому участку, но потом говорили что-то вроде «Смысл туда идти? Там все равно ничего нет, пошли-ка лучше туда-то!» и уходили в противоположные стороны. Сумасшедшие, приближение которых я тоже слышал, бродили около меня, но по каким-то причинам уходили, даже не завернув на участок, к которому шли. Прежде, чем я понял, что защита моего нового приятеля действительно работает, я несколько раз был на грани того, чтобы сломя голову броситься в воду, но в конечном итоге я принял тот факт, что нахожусь в полной безопасности, пока сижу внутри круга.

После всех наблюдений и раздумий я пришел к странному выводу: я совершенно ясно верил этой трехглазой ошибке природы. В конце концов, Погодник не только назвал мое имя, он знал о моей судьбе, о целях, о спорах с оранжевыми... каким-то образом он даже знал о Яшме. Если у всего этого и было какое-то объяснение, так это то, что у него и вправду есть какие-то непостижимые уму способности. И, что самое главное, у него есть желание мне помогать.

Я успел задремать еще до темноты, и разбудили меня приближающиеся шаги. Я инстинктивно вжался в стену, стараясь быть незаметнее, но в этом не было необходимости. Со свечкой в руках ко мне приближался Погодник.

– Привет! А я принес тебе ужин, – он подарил мне одну из самых гадких своих улыбочек. – Как провел вечер, скучал без меня?

– Нет, – честно ответил я, принимая из его рук еду. Запеченный рыбий хвост и водоросли – то же самое, чем кормили на других островах Огузка. Хорошо хоть это не корзинка те мерзких каракатиц...

– Теперь ты последуешь моему совету?

– Сдаться стражникам? – уточнил я. – Я думал об этом... возможно, ты прав. Так я смогу ближе всего подобраться к синим.

– Ну вот, теперь моя жизнь будет немного проще! – довольно сказал он и сел напротив меня, скрестив ноги. – Я знаю, синие придумали что-то грандиозное. Я не знаю, что именно, но сердцем чувю: это произойдет очень скоро! Им не мешает узнать о том, что другие жители Огузка тоже в деле.

– А что с фиолетовыми?

– Предоставь все мне. Я уже давно расставляю тут ловушки и обвешиваю амулетами особо талантливых сумасшедших, так что, когда придет время, стража здесь попляшет! – Погодник хищно осклабился. Только теперь я понял, что было не так с его ртом: его зубы были заточены! Острые треугольные клыки двумя плотными рядами смыкались на его челюстях.

Интересно, это у него тоже с рождения, или он сам заточил себе зубы?

– Если... если ты так много знаешь, почему сам не свяжешься с синими?

– А как? Мой бесплотный дух следит за всем, но здесь я всего лишь заключенный, причем не самый привилегированный, – он скривился. – Сам понимаешь, если бы стражники знали, на что я способен, они бы меня в покое не оставили! А так я простой погодник: предсказываю штормы или дожди! Это другие шарлатаны морочат всем головы, гадают по камням и читают судьбы, только бы им еды побольше давали и отпускали на лодке покататься... В общем, страдаю за свою добродетельность! – он сделал мученическую мину, а потом вдруг зловеще расхохотался. – Но ничего, скоро мое заключение закончится и я, наконец, смогу разгуляться!

Погодник донимал меня своей болтовней еще несколько часов, а потом, наконец, захотел спать. Мы договорились, что утром я уплыву с острова и дам страже себя поймать.

Может, со стороны план и выглядел идиотским, но я искренне верил, что так будет гораздо проще. Если восстание начнется, я все равно рано или поздно встречу с другими стаями. И то, как скоро оно начнется, по большей части зависит от меня и синих.

8. Синий металл

Несмотря на раннее утро, вода вокруг фиолетового острова была теплой, как будто что-то ее подогревало. Я неспеша плыл в сторону синих, наслаждаясь предрассветной тишиной, пока это было возможно.

Наконец, я заметил первую лодку. Я сделал вид, что пытаюсь уплыть от нее, но под воду, разумеется, нырять не стал. Вскоре полусонные стражники меня заметили и направили свою посудину в мою сторону. Они гребли так лениво и медленно, что я не выдержал и решил их немного растормошить. Сдаваться этим улиткам, еще чего не хватало! Я ускорился, чтобы они за мной подольше погонялись, и тут же увидел вдалеке еще одну лодку со стражей... Почему бы не развлечься перед тем, как меня поймают?

Вскоре за мной гонялись уже три лодки. Я усердно барахтался, иногда нырял под воду, и в целом без труда уходил от них, стоило им ко мне приблизиться. Мне даже почти удалось спровоцировать небольшую аварию: две лодки чуть не столкнулись, преследуя меня с противоположных сторон! Однако, когда в меня полетел первый гарпун, я понял, что веселье пора заканчивать. Притворившись, что выдохся, я стал плавать медленнее и вскоре одна из лодок меня догнала.

На меня набросили сеть и подтянули к борту. Несмотря на мое «яростное» сопротивление, меня втащили в посудину и крепко связали.

– Святые воды, что у него с глазами!? – воскликнул один из стражников, едва не отпрыгивая от меня. Даже сквозь противогаз, который из любого голоса делает устрашающий грудной рев, я смог уловить высокие нотки страха. Новенький он, что ли?

– Он с голубого острова, там работают с морскими камнями, – объяснил его старший товарищ. – Похоже, этот засранец как-то научился плавать. Что ты тут забыл, а!? – он ткнул в меня тупым концом своего гарпуна.

– Так я тебе и сказал! – я скорчил максимально дерзкую рожу и даже хотел презрительно плюнуть ему под ноги, но не решился.

– Все равно расскажешь, – произнес старший из стражников. – Отвезем тебя к начальству, там с тобой разберутся.

– Вези, куда хочешь, – буркнул я и отвернулся.

Дальше все проходило удивительно мирно: меня ждало часовое путешествие на лодке сквозь весь Огузок. По дороге на нашу лодку оборачивались другие стражники, некоторые даже подплывали, чтобы спросить, в чем дело. Узнав, что поймали белокожего вора, они только качали головами и отплывали обратно на посты, поделиться новостью с товарищами. Видимо, к полудню на всех островах станет известно, что меня схватили... Солнце, Луна и Яшма будут думать, что меня поймали. Опять я кое-что не продумал.

К сожалению, во время путешествия мне на глаза не попалось никого из своих. Возможно, я смог бы жестами объяснить им, что все идет хорошо, что так и задумано... но увы, такой возможности мне не представилось. Оставалось надеяться, что кто-нибудь из них догадается о моем плане.

Если не считать моих переживаний из-за того, что на островах поползут слухи о моей бесславной кончине, плыть в компании молчаливых стражников было скучновато. Потому я придумал себе развлечение и время от времени пытался выпрыгнуть из лодки.

– Да ты же утонешь, придурок! – возмущался младший стражник, который, можно было подумать, искренне переживал за мою жизнь.

– А, может, проверим? – предлагал я, снова начиная вырываться.

Старший флегматично наблюдал за нашей возней и, кажется, был вовсе не против, чтобы я захлебнулся и избавил его от необходимости докладывать начальству.

В общем-то, было приятно узнать, что даже оказавшись в лапах стражи, я все равно мог бы сбежать, просто перекувыркнувшись через борт лодки. Мой нож все еще был при мне, в специальном спинном кармане куртки, и стоило мне оказаться в воде, я бы его вытащил, освободился от пут и уплыл бы к голубым. Стражники были бы уверены, что я захлебнулся, и все остались бы довольны.

Наконец, сквозь туман показались огромные черные ворота, закрывающие вход в Бирюзовый грот – единственный путь на Остов.

После года, проведенного на Огузке, на небольших островах со стенами не выше трех метров, я увидел место своего рождения совершенно другими глазами. Гигантская черная гора возвышалась над водой не меньше, чем на пару сотен метров. Требовалось несколько дней, чтобы обойти одну его вершину и не меньше недели, чтобы до нее добраться. Сколько времени нужно, чтобы обплыть вокруг Остова?... Вряд ли кто-то знал это наверняка. По сравнению с ней я был просто ничтожной креветкой, чья крошечная жизнь ни на что не влияла, ничего не стоила.

От такой необъятной мощи у меня перехватило дыхание.

Тяжелые ворота, сделанные из настоящего металла, поползли вверх с оглушительным скрежетом. Достигнув высоты, достаточной для того, чтобы внутрь могла пройти лодка со стражниками, они остановились. Мы медленно вплыли внутрь.

Когда лодка проходила под воротами, я запрокинул голову и обомлел: их ширина была в два моих роста! Ровные края скрывали усеянную острыми зубцами середину.

Я невольно содрогнулся от мысли, что стало бы с нашей лодкой, если бы что-то пошло не так и ворота рухнули. Чтобы выкинуть из головы эту ужасную картину, я стал осматриваться вокруг. Если меня не обманывает память, сам грот выглядит не менее впечатляюще, чем ворота...

От черной воды до высокого каменного свода, грот озарял уже забытый мной свет голубоватых подземных грибов. Стены казались сделанными из чистой бирюзы с вкраплениями малахита, на них причудливо играли водные блики. Создавалось впечатление, что эти огромные куски камня движутся, танцуют на месте, будто морские волны! Это было одно из самых удивительных мест, которые мне доводилось видеть.

Воздух здесь показался мне удивительно сладким и свежим. Я вдохнул полную грудь, невольно зажмурившись от удовольствия. Наверное, тяжело будет снова привыкать к едкой вони Огузка даже после часа, проведенного здесь.

– Сладкий запах свободы, а? – усмехнулся младший стражник, снимая противогаз. Этот юноша, казалось, был даже моложе меня... неужели и таких уже берут в стражу?

Широкий причал принял лодку, там нас уже ждало четверо стражников. Видимо, они были здесь на тот случай, если я вдруг решу пробраться в жилую часть Остова.

Мне развязали ноги, чтобы я сам смог подняться по огромной лестнице, выточенной в камне. Этот маршрут был мне знаком: наверху, на первом жилом уровне, находилась металлическая дверца, ведущая в своего рода казармы, только с комнатами для начальников и для проведения советов. Если бы меня проверили выше еще на уровень, я бы оказался в месте, где держат заключенных, которым еще не вынесли приговор. С третьего уровня можно было попасть в один из жилых районов Остова.

Шагая по ступенькам, мысленно я поднимался выше, проходил через дверь третьего уровня и оказывался на знакомом веревочном мосте, перекинутом над густой сетью таких же мостов, спускавшихся все ниже и ниже, так что самого низкого было и не видно. Огромный, необъятный в темноте колодец, в стенах которого горели окна домов, напоминал ночное небо, – теперь-то я знал, как оно выглядит. Я переходил три четверти моста, спускался ниже, там обходил полукольцо кратера и оказывался возле своего дома, где, как и всегда на протяжении

многих лет, сидела штопающая сети мать, одинокая и полностью покорная своей незавидной судьбе...

Как близко и как недостижимы были эти образы, пронесившиеся в моей голове. Я совершенно ясно ощущал, что этот путь, путь к собственному дому, для меня закрыт, и вовсе не стража настоящее препятствие. Даже если бы меня не держали, я бы не пошел туда. Мое место больше не здесь.

Мы вошли в казармы, темные каменные коридоры с тяжелыми дверьми, больше походили на темницы, чем на место, где стражники должны собираться и отдыхать после дежурств. Несмотря на все усилия, я не уловил ни звука за тяжелыми дверьми.

Сквозь жуткие безмолвные коридоры меня привели к особенно внушительной двери. Она была не только больше всех прочих, ее украшали металлические узоры – невероятная роскошь! Судя по ним, за этой дверцей обитал очень могущественный человек.

Один из провожатых постучался, вошел, доложили обстановку, а потом дал знак остальным, чтобы те втолкнули меня внутрь. Вместе со мной вошел старший из поймавших меня стражников, и дверь за ним захлопнулась.

Мы оказались в просторной, хорошо освещенной комнате с окном, выходящим на огни жилого колодца. На каменных стенах висели многочисленные награды, а также всяческое оружие, которым, надо полагать, хозяин кабинета владел не хуже, чем своей правой рукой.

Осматривая помещение, я заметил рабочий стол из отполированных китовых костей, но за ним никто не сидел. Тогда я осмотрел комнату еще раз в поисках человека, который будет решать мою дальнейшую судьбу, но никого не увидел.

Вдруг от одной из затененных стен комнаты отделилась длинная фигура в серых одеждах.

– Старший стражник Китоус! Разрешите доложиться? – мой неподражаемый изловитель вытянулся по струнке и отдал честь, глядя куда-то сквозь фигуру.

Тень все еще скрывала от меня черты лица этого ужасного начальства, но одно я уже мог понять точно: это была женщина! Наверное, даже осьминогу в форме я бы удивился меньше, чем этой высокой и худощавой, но без сомнения женской фигуре... И как она только пробралась на это место, интересно знать? И на какое именно место?... К кому меня привезли?

– Докладывай, – строго разрешила она, подходя к нам все ближе и ближе. Ее шаги были размеренны, как щелчки древнего механизма, измеряющего время.

Я уже мог ее рассмотреть, но ни одна черта каменного лица, обтянутого сухой белой кожей, не позволяла определить ни возраст, ни характер этой женщины. Совершенно безликая, она могла сойти за расплывчатое приведение. Однако жгучий взгляд живых ярко-зеленых глаз, казавшихся светящимися на фоне сероватого лица и тусклых седых волос, источал огромную силу и неиссякаемое упорство.

– Госпожа, я поймал его в воде между островами фиолетовых и синих, – рассказал стражник.

– Плавающий вор, надо же... – ее холодный скрипучий голос пробирал до мурашек.

Женщина остановилась напротив меня и заглянула мне в лицо с такой внимательностью, как будто у меня на нем были написаны все интересующие ее ответы.

– Что тебе понадобилось на тех островах? – спокойно спросила она, не сводя с меня пронизательного взгляда.

– У меня там сестра, – ожесточенно ответил я, придавая своему собственному взгляду надлежащее отчаяние. Уж что-что, а уроки актерской игры от Белого Нарвала я в свое время усвоил отлично... пока ни одно живое существо не смогло распознать моей лжи.

– И как зовут твою сестру? – спросила женщина. По ее виду нельзя было точно сказать, зачем ей понадобилась эта информация. Собиралась ли она ее использовать или спрашивала просто из родившегося вдруг любопытства? В одном я был почти уверен: она уже решила, что со мной делать, и мои дальнейшие ответы ничего не изменят.

– Орка, – тут же сказал я, вспомнив просьбу Шляпы.

– Прекрасно. Мы же не звери, чтобы запрещать мальчику видаться с сестрой? – спросила она у стражника, но тот, разумеется, ничего не ответил. На беднягу было жалко смотреть, кажется, он не на шутку боялся этой жутковатой особы и сейчас отдал бы все, лишь бы не находиться в этом кабинете. – Отвези его к синим, к этой Орке. Проследи, чтобы они работали в одной шахте, – она внимательно посмотрела на стражника.

Тот склонил голову в знак полного повиновения.

Женщина жестом показала, что аудиенция окончена, и мы вышли из ее кабинета. Дальше все произошло очень быстро, меня снова усадили в лодку, и мы в прежнем составе отправились обратно на остров к синими.

Я до последнего момента не мог поверить, что все прошло настолько гладко. Подумать только, они сами привезут меня к синим, где я смогу спокойно сделать свое дело! Определенно, стражники даже начинали мне нравиться.

– Так ты всего лишь хотел быть с сестрой? – сочувственно спросил младший стражник. – Должно быть, это ужасно, умирать в одиночестве...

Я не стал на это отвечать, но мое лицо говорило само за себя: милость их начальницы сделала меня счастливейшим из жителей Огузка.

Так как я попался страже незадолго до восхода, обратно меня привезли еще до завтрака. На острове синих всех обитателей выстроили в несколько рядов, я сосчитал, там было ровно двести восемьдесят три человека. Вокруг них повсюду стояли стражники, один, явно главный, стоял перед всеми.

– У нас пополнение! – рявкнул он, когда двое моих бравых изловителей выволокли меня на что-то вроде местной главной площади. Почему-то они не решились развязать мне руки. Хотя куда бы я, интересно, сбежал от любимой сестрички?

– Он приплыл сюда в поисках сестры, женщины по имени Орка, – сказал старший стражник. – Госпожа Командующая Остовом велела отправить их работать в одну шахту. Вместе.

Я округлил глаза от шока... что он сказал? Командующая Остовом!?

О том, как устроена власть на Остове, люди не знали. Об этом знали только стражники, и то не все, но зато по Остову ходили слухи. Звание «Командующий Остовом» я слышал часто... оно никогда упоминалось рядом с такими словами как «министры решили» или «проведено собрание», но почти всегда встречалось рядом с «Обязательный указ» или «Особое распоряжение». Я знал нескольких чиновников, которые слово Командующий произносили не иначе, как шепотом.

Получается, я виделся с самым влиятельным человеком на Остове... интересно, с какой радости к ней отвезли беглого вора?...

Но об этом мне стоит подумать позже.

– Орка, выйди, – велел главный стражник. Он даже не посмотрел на ряды заключенных, но оттуда быстро вышла низкая, коренастого телосложения женщина лет сорока. В ней без труда можно было узнать близкую родственницу Шляпы.

– Орка! Святые воды, видел бы Шляпа, как ты изменилась! – горестно воскликнул я, поспешив ей навстречу. Я рассчитывал на то, что, услышав знакомое имя, она поддержит мою ложь.

Естественно, стражники меня удержали, не дав сделать и пары шагов.

– Это и правда твой брат? – спросил старший, указывая на меня.

– Да, это он, – сказала она, но голос ее был слишком неуверенный, а лицо слишком удивленное. Они могли ей не поверить...

– Это все из-за глаз, они меняют лицо... Теперь ты узнаешь меня? – я закрыл глаза и улыбнулся ей.

– Тебя вообще не узнать, братишка, – недовольно хмыкнула она. – И на кой ты только сюда приперся?

Я изобразил искреннее изумление.

Но, кажется, этой игры уже не требовалось: нам поверили, потому что всем было все равно. Старший велел развязать мне руки, и меня отправили в ряды к остальным. Мы все пошли на завтрак и у меня, наконец, появилась возможность объясниться перед названной сестрицей.

– Я от Шляпы, – шепнул я, растирая сильно затекшие руки.

– Это уж понятно, ты проорал это на весь остров, – проворчала она. – Ты совсем приду-рок, что ли? Зачем ты сказал им про меня?

– Шляпа просил передать кое-что, но я сделаю это позже, когда на нас не будут смотреть, – объяснил я. – А про тебя я сказал, потому что мне нужно было сюда, к синим.

– Даже так... Так ты еще и специально тут оказался?

– Представь себе, – усмехнулся я. – Надеюсь, что ненадолго.

– Как знать, как знать, – пожала плечами Орка. – Не знаю, кто ты и откуда на самом деле, но скажу вот что: отвяжись от меня до тех пор, пока не решишь отдать, что должен!

После этих слов она затерялась в толпе людей и больше, как ни старался, я ее не видел.

Хижина, в которой синие завтракали, была точной копией подобных хижин на любом другом острове. По очереди нужно было подходить к котлу, подносить тарелку под небольшой половник, зачерпывать стаканом воду из бочки. Правда, если на прочих островах столовая была самым веселым местом, то здесь все портило присутствие стражи: мы ели в полном молчании под их пристальными взглядами.

После еды нас разделили на группы и отправили в разные части острова. Меня и еще девятерых отправили на восток, к третьей шахте – так ее называли.

Честно говоря, мне нравилось работать на каждом из островов, кроме, конечно же, зеленого. Выточка морских камней требовала особенной ловкости и концентрации, каждому камню требовался свой подход, каждый нужно было разгадать, чтобы найти драгоценные жилки. Когда я помогал Норе со сбором трав, каждый раз мне удавалось узнать что-то новое о их применении, иногда молодая жрица даже учила меня готовить несложные лекарства. Для желтых я часто добывал особые ингредиенты вроде водорослей и ракушек, помогал Яшме в кузнице, учился работать с разными древними материалами вроде дерева и металла: на Остове таких диковинок многие не видели ни разу в жизни. Боевые искусства тоже не оставили меня равнодушным, полный контроль над всеми мышцами своего тела помогал чувствовать себя свободнее и сильнее... хотя мне, конечно же, до него было еще далеко.

Иначе говоря, я с нетерпением ждал, когда мне поручат новую работу, потому с любопытством осматривал вход в темные недра шахты, к которой нас привели. Каждому из моей группы выдали корзину с инструментами, предназначение которых угадать я не мог, как ни старался. Затем нас просто запустили внутрь и оставили одних: стража за нами не последовала.

Заклученные из моей группы уже знали, что делать, каждый из них достал из своей корзины повязку на голову. К каждой повязке на лоб крепилось своеобразное гнездо с небольшим светящимся в темноте грибом. Порывшись в своей корзине, я нашел такой же и нацепил на себя. Теперь я мог внимательнее осмотреть шахту. На вид она была весьма ненадежной: пласты рассыпчатой земли, из которой частично состоял Огузок, подпирались хиленькими конструкциями из старых железяк и камней.

Нора уходила вглубь и вскоре ровный пол сменили ступени, такие узкие, что приходилось держаться за стены, чтобы не упасть. Мы шли по одному: коридор был слишком мал для того, чтобы идти хотя бы по двое. Оно и неудивительно, чем глубже мы спускались, тем тверже были стены. Похоже, что этот ход выдалбливали поколения синих.

Когда мы спустились метров на десять вниз, из коридора начали отходить своеобразные ветви. Видимо, они вели в такие же выдолбленные проходы, где когда-то были полезные ископаемые. Мы прошли около шести таких перпендикулярных рядов, прежде чем первые члены нашей группы стали расходиться к своим местам разработки.

– Куда отправим новенького? – спросил кто-то, идущий впереди. – Орка, это твой братец, ты им и займись!

– Братец!? – хмыкнула она. – Ты его видел вообще? Мы такая же родня, как осьминог и дельфин! Не буду я с ним возиться. Задом чую, я еще поплачусь за все это!

– Но кому-то ведь его надо поручить! – заметил все тот же голос.

– Да пусть Барри с ним возится. С ней любой за троих вспахнет, – предложила Орка.

– Барри, что скажешь? Лучше тебя новеньких никто не обучает!

– Как мило с твоей стороны сделать вид, что у меня есть выбор, – ему вдруг ответил тонкий детский голосок. Он рассыпался по стенам мелодичным эхом, так что никто не сказал бы точно, где была говорившая. Казалось, за нее отвечали стены шахты.

Неужели среди синих есть дети?...

Из очередной пары разветвлений ко мне вышла невысокая девушка. В отличие от остальных, походивших то ли на закоренелых убийц, то ли на пьяниц-ученых, она выглядела, как ребенок-беспризорник. Однако присмотревшись лучше, я заметил, что пятна на ее лице – вовсе не грязь, а синяки. А одежда, хотя старая и потрепанная, на самом деле чистая и несколько раз заштопанная. По этим деталям можно было уверенно сказать о том, что передо мной бунтарка из хорошей семьи. Возможно, даже из правящей: ее серые глаза смотрели слишком прямо и пристально для простолюдинки. Можно было подумать, она долбит стены одним своим взглядом.

– Привет, – поздоровался я, догадавшись, что передо мной та самая Барри.

– Меня зовут Барракуда, – сказала она. – Следуй за мной, – она кивнула в проход, из которого вышла.

Мы вошли в ответвление, прошли метров двадцать и остановились у тупика. Барракуда достала несколько инструментов из своей корзины, я нашел в своей такие же.

– Наша задача – добыть для них мариний, – она указала на едва заметную жилку в стене, имеющую неопределенный прозрачно-синеватый оттенок. Сосредоточиться на этом цвете было почти невозможно, похоже, человеческий глаз просто не мог воспринять его.

Барракуда приставила к стене инструмент, похожий на лопатку, эдакий полуцилиндр. Затем она взяла другое орудие и стала долбить, сначала одной, острой стороной по стене, затем тупой стороной по ручке лопатки.

– Мариний? – я прищурился, пытаясь всмотреться в жилку. – Что это?

– Это металл, – ответила она.

– Металл!? – изумился я. – Настоящий металл здесь, на Огузке!?

Я не мог поверить своим ушам! Если у нас и вправду есть источник металла, наша жизнь должна измениться. Мы можем построить машины, как у наших предков, сделать инструменты и оружие, построить корабли по сохранившимся чертежам, удешевить количество подводных лодок... Вопрос в другом. Как давно правительство знает о жиле? Собирались ли они вообще открывать ее кому-нибудь, кроме горстки знати?

– А из чего, по-твоему, стража делает свои доспехи? Из водорослей? – Барракуда снова вонзила в стену свой инструмент. Небольшая трещина прошла ровно по границе камня и металла.

– Но откуда он здесь? Насколько я помню, здесь просто не может образоваться что-то подобное, ведь люди до нас истощили землю!

Я уже старался отыскать похожие жилки, но то ли света от моего гриба было недостаточно, то ли я просто не мог видеть этот мариний.

– Он и не образовывался, – ответила Барракуда. – Как ты думаешь, почему вдруг посреди бескрайнего океана появился Огузок? Наш остров сотни лет плавал по всей планете, и суши даже издали не было видно. Но вдруг появился целый кусок земли, такой большой, что наша машина врезалась в него и не смогла плыть дальше! Так откуда он мог взяться?

– Откуда? – спросил я, затаив дыхание. Я уже понял, к чему она клонила, но не был уверен, что столь невероятная теория может быть правдой. Впрочем, раньше я никогда не задумывался о том, откуда взялся Огузок... других теорий я и не знал.

– Сюда упала звезда с неба, – ответила Барракуда. – В это самое место. Мариний – небесный металл.

– Хочешь сказать, мы сейчас в недрах метеорита? – я изумленно осмотрелся вокруг.

– Вряд ли, – Барракуда снова ударила в стену. – Я думаю, он попал под воду, врезался в дно и взорвался, из-за чего часть отравленной земли поднялась над уровнем моря вместе с тем, что вышло из-под земной коры. Эти жилки – всего лишь осколки метеорита, застывшие в магме и породе.

– Ты изучала геологию на Остове? – осторожно поинтересовался я.

Барракуда не стала мне отвечать.

– Чтобы мариний проявил все свои свойства, его надо держать в морской воде. Отсюда название. Без нее его даже увидеть сложно... Не пытайся смотреть в упор, притворись, что вовсе не хочешь его искать, тогда он покажется, – продолжила объяснять она. Ее инструменты будто вгрызались в стену: она орудовала ими резко, но с механической точностью, как хищная рыба зубами.

Я последовал совету Барракуды. Я стал смотреть на стену так, как будто задумался. Я видел все, но я не осознавал, что вижу. Секунда, другая... чуда не происходило. Тогда я повернулся к другому участку стены. Среди серо-коричневого камня отчетливо синела небольшая жилка. Я быстро положил на нее руку, почувствовав, что теряю ее из вида.

– Глаза – твой враг. На самом деле мариний можно найти даже в полной темноте. Ты научишься чувствовать его со временем, – сказала Барракуда.

Я попытался отколоть хотя бы небольшой кусочек. Оказалось, что держать инструменты ровно на стесанной поверхности не так-то просто, а точно бить – задача почти невыполнимая!

– Ты столько знаешь об этом металле... Это стражники тебе рассказали?

– Я рассказала все, что тебе нужно знать. Работай, а не болтай, – неожиданно жестко сказала она.

Больше я не услышал от нее ни слова, только упреки время от времени.

Часы пролетели незаметно, однако с меня сошло семь потов, прежде чем я сумел добыть хотя бы четверть того, что моя наставница высвободила из камня еще до перерыва. Для девчонки она была на редкость выносливой, и казалась слишком умной для того, кто уже неизвестно сколько днями напролет долбит стены. Как будто тяжелая работа вовсе не утомляла ее... скорее напротив, Барракуда явно испытывала некую особенную страсть к этому металлу. Про себя я решил, что на Остове она была ученым и изучала землю, потом узнала что-то и стала «опасной для общественного порядка».

В перерыве главный из нашей группы раздал нам скудный паек. Во время еды все молчали. Видимо, не хотели говорить при мне... так-то я слышал, как они болтают во время работы. Их голоса, доносящиеся из других коридоров, не замолкали ни на минуту!

После обеда каждый вернулся к своему месту, снова нужно было выискивать следы мариния в камне.

К концу дня я был настолько вымотан, что едва ноги волочил. Стражники недовольно осмотрели плоды моих стараний и отпустили на ужин.

– Если завтра не добудешь больше, разговор пойдет другой, – предупредил один из них.

После ужина, наконец, нас отправили спать. Как выяснилось, синие ночевали под открытым небом, на специально расчищенной от мусора площадке. Особенно старательные работники получали подстилки из сушеных водорослей, остальные ложились на голую землю.

Прежде чем уснуть, я заставил себя подползти к Орке и отдать ей сверток.

– Ну и что там? – проворчала она, нехотя принимая привет от Шляпы.

– Понятия не имею, – честно признался я, борясь со сном. – Посмотри сама...

На следующий день нас разбудили до рассвета и повели строиться. Стражники выглядели испуганными, а заключенные – удивленными.

– Серый приехал...

Эту фразу я шепотом слышал отовсюду.

Нас быстро построили и провели перекличку, затем отправили на завтрак и работать.

– А тебя хочет видеть начальство, – один из стражников преградил мне дорогу гарпуном, когда я собирался пройти внутрь шахты.

– И тебя тоже, – другой остановил Орку.

Мы и моргнуть не успели, как нам заломили руки за спины и повели в дальнюю часть острова.

– Что происходит? – спросил я у стражника, не сопротивляясь. Внутри я уже готовился к худшему...

– Молчать! – один из них огрел меня древком по спине. – Еще слово и получишь в затылок!

Я послушно шел за стражниками. Возможно, безопаснее было убежать от них и попробовать спастись в воде, но, если я так сделаю, я не смогу больше сюда вернуться, не смогу выполнить поручение Солнца. Мне необходимо было остаться на острове любой ценой.

Нас притащили к небольшому шатру на берегу и затолкали внутрь. Там нас ждал очередной стражник, только одежда у него была посветлее, – видно, признак старшинства.

– Вот, Серый. Я привел их, – отчитался ведущий нас надзиратель.

– Отлично, теперь убирайся, – Серый одарил его совершенно мерзкой улыбкой. В этот момент он здорово напомнил мне Погодника.

Стражник моментально сгинул.

Серый обернулся на нас с Оркой.

– Я хочу, чтобы вы оба сказали мне правду, – проговорил он. – У вас есть одна попытка.

Мы с Оркой переглянулись. По ее растерянному взгляду я понял, что она, так же, как и я, ничего не понимает.

– Мы уже сказали правду, – ответил я за нас двоих.

– Назовите имя вашего отца. Одновременно, – велел стражник.

– Шляпа, – сказали мы хором.

– Ответ неверный, – холодно возразил он. – Это прозвище строителя с острова желтых, брата Орки.

Я с ужасом уставился на серого стражника. Он смотрел на меня сквозь темные стекла маски, я не видел его лица, но чувствовал, что наши взгляды встретились. Я понял, что на этот раз попался по-настоящему.

Он знает про Шляпу, значит, знает про то, что я плавал к другим островам... но знает ли он про храм? Если нет, я должен сделать все, чтобы он не узнал хотя бы про него!

– У вас был шанс сознаться и сказать правду, – серый стражник повернулся к другим, которые нас держали. – Бросьте их в ямы.

– Нет! – воскликнула Орка. Страх исказил ее лицо, она повалилась на колени. – Пожалуйста! Он принес мне весть от брата, всего лишь письмо! Я впервые вижу этого слизня! Он сказал, ему нужно было на остров синих, он назвал мое имя, чтобы его привезли сюда!

Серый стражник покачал головой.

– Ты знаешь, что здесь я не отменяю своих приказов, – равнодушно сказал он. – Уведите их.

– Нет! Пожалуйста! Я не виновата! Нет!...

Орка забилась, пытаясь вырваться. Она кричала, как сумасшедшая, заливаясь слезами.

– Пойдите! – вмешался я. Нельзя было допустить, чтобы Орку наказывали за то, к чему она не имеет никакого отношения!... Однако что я им скажу? Что она не моя сестра, что я приплыл сюда ради какой-то цели?... И ради какой же? Они поймут это, обыщут острова, найдут склад с оружием, найдут храм и тогда все, к чему мы шли, исчезнет!...

– Что? – спросил серый стражник. – Говори.

– Она не знала обо мне до вчерашнего дня, – сказал я, лихорадочно продумывая очередную ложь. – Я использовал ее имя, чтобы попасть сюда.

– И зачем же?

– Хотел узнать правду о шахтах. Достать металл для своих, – ответ пришел как бы сам собой, я выпалил его, даже не задумавшись. – Наши инструменты из камней и костей постоянно ломаются, мы не справляемся с планом.

– Врешь, – покачал головой серый стражник. – Опять врешь, все никак не угомонишься... Считаешь, что всех можно перехитрить, да? Ты даже не подозреваешь, как нелепы твои попытки выкрутиться! Мы ведь с тобой уже встречались, Белый Дельфин. Ты уже был в этом шатре, так же стоял передо мной на коленях, так же врал... Я знаю о тебе больше, чем ты о себе.

– Я здесь впервые, – возразил я, недоуменно смотря на стражника.

– Нет, не впервые, – сказал он. Я отчетливо слышал в его голосе удовольствие: кажется, он наслаждался происходящем. – Неужели ты думаешь, что какого-то жалкого писаку упрятали бы к зеленым? Ты был здесь, работал, как и все. Шахты уже даже начали менять тебя.

– Вы меня с кем-то путаете, – я улыбнулся такой нелепости. – Я не мог здесь быть.

– Неужели?

Стражник развернулся, открыл шкатулку на своем столе и достал оттуда небольшой светлый предмет.

– Узнаешь? – он подошел ко мне и разжал пальцы. На землю упал инструмент, которым раскалывали камень в шахтах... На ручке инструмента чернилами было выведено мое имя. Я узнал свой почерк.

– Этого не может быть! – воскликнул я, отстраняясь от жуткого предмета. Весь мир поплыл перед моими глазами... я почувствовал, что теряю уверенность в том, что реально, а что нет. Мое имя на старом инструменте выведено моей рукой, но я не помню, как писал его!

– Ты уже был здесь и врал, глядя мне в глаза, о том, что ты знал, а чего нет, – продолжал стражник. – И я бросил тебя в яму, где ты провел неделю, а когда тебя вытащили, ты едва ли мог говорить. Тебя отправили к зеленым, потому что ты стал бесполезным мусором. Ты должен был умереть, но ты снова здесь – похвальная живучесть! – он взял меня за подбородок и поднял мое лицо, чтобы посмотреть в глаза. – Знаешь, зачем я все это тебе говорю?

Я молчал.

– Ты знаешь, – серый стражник отпустил мой подбородок. – Расскажи мне все, расскажи, как плавал на другие острова и что ты там видел. Если ты расскажешь, я пощажу твой рассудок, разрешу помнить год твоей жизни. Ведь несколько месяцев ты уже потерял... неприятно, наверное.

– Я могу многое рассказать, – произнес я, смотря на стражника. – Могу рассказать, как надо сушить миналию, чтобы получать больше. Могу рассказать, как вытащить драгоценные жилки из морского камня. Могу научить плавать под водой. Что из этого тебе нужно?

– Ты хорошо подумал, мальчик? – спросил стражник. – Ты понимаешь, что я с тобой сделаю? Что я сделаю с ней? – он кивнул на Орку. – У нее есть шанс, она еще может попасть

из ямы к зеленым. Но ты? Твое тело не выдержит еще одного испытания, яды свалки слишком сильно повредили его. Оно не сможет сопротивляться веществам ямы, и твой рассудок угаснет навсегда: уж я позабочусь об этом. Ты не умрешь, но ты будешь не умнее рыбы. Проведешь жизнь среди фиолетовых, будешь пускать слюни и стирать обосланное белье до конца дней своих. Я спрашиваю еще раз: ты будешь говорить или нет?

Внутри меня все сжалось. Я не мог оторвать взгляд от инструмента с моим именем. Зловещая темная надпись, как послание из другого мира, медленно отравляла мою уверенность в чем бы то ни было.

Я готов был умереть, как только попал сюда, но забыть свою жизнь, потерять себя?... Ради чего?

Я воскресил в памяти лицо Солнца, Карпуши, Луны... эти люди пожертвовали всем, что у них было, ради одного единственного шанса. Луна потерял своих детей из-за чьей-то ошибки много лет назад. Теперь пять стай, сотни людей пошли против своих самых сокровенных страхов и работали на износ, не доедая и не высыпаясь, нарушая запреты, зная, что получают кое-что похуже смерти, если их раскроют. Все это из надежды, что когда-нибудь их рабство закончится... надежды, которую я сам помогал разжигать.

Я вспомнил Яшму. Ее отец и мать умерли у нее на глазах, сражаясь на арене друг против друга, когда ей было тринадцать. Она не искала себе мужа, поклялась не иметь семьи, пока не станет свободной. Если погибнет восстание, она погибнет вместе с ним с оружием в руках.

Сотни людей погибнут, если все провалится.

Как бы я ни был хорош, моя жизнь не стоит сотни других жизней.

– Мне нечего вам сказать. Делайте со мной, что хотите, – ответил я, собравшись с духом.

– Жаль, – сказал стражник. – Я надеялся увидеть такого живучего человека в своих рядах.

Уведите его.

– Нет! – закричала Орка. – Пожалуйста! При чем тут я вообще!?!... Я его даже не знаю! ... Отпустите меня работать!

– Ты будешь работать. У зеленых мало людей, там пригодятся сильные женщины вроде тебя, – объяснил серый стражник.

Нас вытащили из шатра и повели в западную часть острова. По дороге Орка пыталась вырваться, умоляла отпустить ее, кричала, пока ее не ударили древком по затылку, и она не утихла. Дальше ее тащили по земле, как мешок с камнями.

Нас привели к ряду узких ям, похожих на норы. Меня подвели к одной из них, третьей с начала, и толкнули вниз... высота оказалась не меньше пяти метров, судя по времени падения.

Удар о дно выбил из меня все дыхание, как ни пытался, я не мог вдохнуть, как будто горло чем-то пережали. Я стал метаться по дну, как будто движение могло вернуть мне способность дышать, но воздух не шел в легкие. Кажется, я потерял сознание.

Очнулся я от того, что что-то сильно обожгло мою руку. Я открыл глаза, но едва ли смог разглядеть что-то: свет сверху едва ли добирался до дна ямы. Нужно было привыкать к темноте.

Я понял, что сижу в теплой грязи, булькающей жиже, которую подогревает что-то снизу. Едкий газ поднимался из нее обжигающим паром. Я ощупал дно: под грязью оно было твердым. Стены тоже были твердые.

Я стал ощупывать и их, и неожиданно для себя обнаружил неровность... царапины. Дно ямы было слишком узким, там даже нельзя было сидеть, вытянув ноги. Кое-как перегруппировавшись, чтобы посмотреть на царапины в упор, я увидел надпись. Корявая, но читаемая. «Не дыши».

9. Белый дым

Кто-то, сидевший в этой яме, велел не дышать, и я решил последовать этому совету. Я задерживал дыхание, насколько возможно, чтобы не вдыхать пары булькающей жижи, потом делал небольшой вдох, чтобы не задохнуться. Это должно было отсрочить действие яда и дать мне хоть какое-то время.

Я обследовал яму, ощупал стены, попробовал поднять наверх... В общем-то, можно было добраться до края, упираясь в стены ногами и рукам, но сверху положили тяжелую каменную крышку. Даже Яшма не смогла бы ее поднять в таком положении, что уж говорить обо мне.

В крышке были отверстия, я попробовал раскрошить камень своим металлическим кинжалом, спрятанным в потайном кармане куртки, но как только я начал, скрежет услышали стражники и в отверстие просунулся гарпун, чуть не лишивший меня левого глаза.

Если из этого места и был выход, он был не сверху.

Я попробовал крошить кинжалом стены, но быстро понял, что это бесполезно: они оказались не из камня. Это был чистый мариний, который, видимо, был куда прочнее древнего металла. Даже дно, и то было из мариния. Я находился в сплошной закрытой капсуле из мариния.

Поняв, что не выберусь отсюда, я сел и стал думать.

Мариний... почему из него сделаны стены этой проклятой ямы? Неужели этот металл токсичен и способен лишать человека памяти? Или все дело в жиже, которая подогревается на полу? Пар из нее поднимается наверх, оседает на стенах липкими каплями, спускается вниз, сгущается и снова испаряется... просто идеально для полного отравления. Скорее всего, два этих вещества дают такой эффект в сочетании друг с другом.

Итак, когда я попал сюда в прошлый раз, полгода жизни стерлось из моей головы. В это с трудом можно поверить, но если задуматься... С чего бы отправлять к зеленым простого певца, у которого шансы пережить отравление миналией ничтожны? В шахтах я был бы куда полезнее.

И еще этот инструмент... ни один предмет не пугал меня сильнее, чем это небольшое орудие с моим именем. Я мог бы поверить, что это обман, уловка, если бы не плавник над одной из букв – так я подписывал все свои работы, а стражники не могли знать об этом: вряд ли они лазали ко мне в комнату и читали мои стихи.

Самым страшным тут было то, что я абсолютно ничего не помнил, кроме суда и своего путешествия к зеленым... Разве что я помню яму, где меня держали перед судом, и болтовню стражников. Но на Остове ведь нет ям – только сейчас, задумавшись, я понимаю это. Получается, разговоры стражников об Огузке и Карпуше я слышал, находясь здесь.

Однако я не помню ни как оказался в яме, ни что было до того: слишком много времени прошло. Это даже не провал в памяти, эта чистая уверенность в том, что этих событий никогда не происходило! Неужели я так же забуду свою жизнь на Огузке? Забуду про своих друзей, свою миссию? Забуду, что умею плавать?... Но ведь в прошлый раз мои легкие не были способны защищаться от смертельных ядов свалки. Мои мышцы, кожа и глаза не были способны выдержать и половины тех нагрузок, которые выдерживают после того, как их изменила синева морских камней. Тогда мой организм не был пропитан настойкой желтых, в конце концов! Не может быть, чтобы все это не могло помочь мне пережить очередное отравление.

Я вытащил из одного потайного кармана бурдюк с настойкой желтых. Поскольку он был наполовину пуст, создавалось впечатление, что подкладка куртки в одном просто чуть плотнее, потому стражники и не заметили ничего подозрительного, осматривая меня. Да они, наверное, и не думали, что у меня может быть что-то опасное: откуда у жителя Огузка вообще может что-то быть?

Недолго думая, я вылил почти все содержимое бурдюка в жижу. В химии я никогда силен не был, но вдруг это как-то мне поможет? Буду вдыхать пары настойки, они задержат реакцию на другие вещества. Ну вдруг...

Потом я достал кусок ткани, который на прощание дал мне Луна, и сделал из него повязку на рот и нос. Смочив ее остатками настойки, я повязал ее на лицо.

После этого я понял, что больше мне делать просто нечего. Оставалось только сидеть и время от времени прыгать, разминая затекшие ноги. Если бы у меня была возможность дышать чаще, я мог бы хотя бы петь: это всегда помогало скоротать время. Но я не мог: каждый лишний вдох только приближал обещанное серым стражником беспамятство.

Еще мне нельзя спать. Как только я усну, я перестану контролировать дыхание, и тогда яма сделает свое дело. Мне нужно попробовать продержаться как можно дольше.

Шли часы, свет, пробивающийся сквозь крышку, постепенно тускнел, а потом исчез совсем. К тому моменту я уже начал чувствовать, что такое отчаяние: я готов был сдать всех и вся, лишь бы сделать полноценный вдох.

Я вскарабкался по стенам и под страхом быть убитым гарпуном прижался к отверстию. Я сделал глубокий вдох, почувствовав, как раскрываются мои легкие. Затем выдох: грудь облегченно опустилась.

Я дышал до тех пор, пока мои руки и ноги не затряслись от напряжения. Нужно было спускаться: неизвестно, как для меня закончится еще одно падение с такой высоты.

Затем была ночь, самая длинная ночь в моей жизни. Я несколько раз выбирался к отверстию, но все равно страдал от нехватки воздуха, к которой вскоре присоединилась нестерпимая жажда.

Утром через отверстие мне спустили корзину с печеным рыбьим хвостом и губкой с водой.

Скорее всего, кормить меня собирались только раз в день, потому нужно было растянуть паек. Я осторожно выжал губку в бурдюк: на мое счастье стражники не могли видеть, что я делаю внутри ямы, иначе они бы забрали и бурдюк, и нож. Рыбий хвост я тут же съел, и корзину подняли вверх.

Я старался пить как можно меньше, чтобы сохранить воду до ночи, но у меня не вышло: ее было слишком мало.

К вечеру меня стала мучить еще одна проблема, помимо жажды и нехватки воздуха. Справлять нужду я, судя по всему, должен был сюда же, на дно ямы.

Ночью я снова забрался вверх, чтобы хоть немного подышать. Руки и ноги затекли и не слушались, перед глазами все плыло, в голове поселился туман. Я убеждал себя в том, что это просто усталость, что это из-за того, что я не спал два дня. Однако в душе я понимал, что временами не спал и дольше. Такая слабость неспроста.

К утру у меня уже не было сомнений в том, что вещества ямы начали действовать. Голова сильно кружилась, я едва мог встать на ноги. Руки стали сильно дрожать, я даже не смог выжать губку в бурдюк, пришлось сразу высосать из нее всю воду. Отмерять вдохи и выдохи становилось все сложнее, я бросал все силы на борьбу со сном.

Когда мне в третий раз спустили корзину, я уже чувствовал себя наполовину мертвецом. Все чувства и мысли охватила агония, я не мог ни на чем сосредоточиться, хотя изо всех сил старался. Я сотни раз прокручивал в своей голове все воспоминания, зеленых, голубых, оранжевых, желтых, красных. Вспоминал лица, голоса и имена, вспоминал все разговоры и шутки, которые слышал. Я боялся забыть любую, даже незначительную деталь.

К четвертой корзине я подполз почти бессознательно: меня мучила жажда и голод. Я прижался губами к губке и тут же осушил ее, рыбу едва смог поднести к губам: руки тряслись так, что я размазал ее жир по всему лицу.

Проглотив мясо, я вдруг почувствовал, что у меня в горле застряла кость. Я попробовал достать ее руками, но не вышло, и тогда рефлексy взяли свое. Я закашлялся.

Я кашлял до тех пор, пока кость не упала в бурлящую жижу, а когда перестал, понял, что больше не могу задерживать дыхание. Я не дышал слишком много и больше не мог, просто не мог.

Меня поглотило абсолютное счастье, легкие заработали как надо, а грудь поднималась и опускалась, как у живого человека! Я знал, что я вдыхал яд, но зато я *дышал*.

В голову прокралась шальная мысль, не стоит ли мне покончить со всем этим и умереть? Пока не прошло это счастье, полоснуть себя кинжалом по горлу, чтобы не коротать остаток дней на острове фиолетовых?

Я нащупал кинжал в грязи и трясущимися руками поднес его к горлу. Лезвие тут же сняло слой кожи с шеи, я вскрикнул и отбросил кинжал, прижимая руки к ране.

Нет, если я убью себя так, я буду умирать в мучениях с разодранной шеей: руки трясутся слишком сильно. Уж на что-что, а на мучительную смерть я пока не согласен.

Снова потянулись часы, теперь мне нужно было бороться только со сном, но он неотвратимо подступал. Он поджидал меня на каждом повороте мысли, на каждом новом вдохе.

Больше мне не нужно было опасаться того, что я начну дышать во сне, но почему-то я был уверен, что если усну, то уже не проснусь таким, как раньше. Сон все изменит.

Я вслух повторял имена всех, кого знаю. Я повторял сотню раз, но список незаметно становился все меньше и меньше. Вскоре остались только Карпуша, Луна, Кит, Нора, Солнце, Вадик, Шляпа, Борода, Яшма, Погодник и Барракуда.

К вечеру пятого дня одно из моих воспоминаний вдруг стало слишком реальным. Я вспомнил, как в детстве пытался украсть у богатых соседей шарики из сладких водорослей, мы называли их морскими ежами. Я помнил их восхитительный пряный вкус, помнил, как меня застукал отец семейства, у которого я украл. Он заporол меня до полусмерти, но я был совершенно доволен собой даже после всего этого, когда неделю не мог сидеть. Ведь я попробовал морских ежей, я прикоснулся к мечте большинства детей Остова – к богатой жизни.

Я блуждал по своим воспоминаниям, потом их все окутал густой туман, сквозь который уже ничто не пробивалось. Я ничего не чувствовал, ни о чем не думал, ничего не хотел.

Не знаю, сколько прошло времени, но сквозь белесое ничто в мою голову однажды пробрался голос. Я не понимал, что он говорит, я просто слушал, удивляясь тому, что вообще могу что-то слышать. Шло время, а голос не умолкал, он твердил одно и то же бесконечно, набор неприятных, требовательных звуков не прекращался. Тогда я понял, что голос меня раздражает, и вслушался внимательнее.

– Слушай меня! Слушай мой голос! Думай обо мне! Представь меня! Кто я такой? Слушай меня!... Кто я такой!?

Я стал думать и вдруг понял, что только однажды в жизни слышал такой противный голос. Это был трехглазый уродец... Кажется, его звали Погодник.

Я представил себе его лицо, и оно тут же расплылось в мерзкой острозубой улыбочке.

– Ну, наконец-то! – сказала парящая в пустоте огромная голова. – Я думал, я до тебя уже не достучусь. Какой же ты невыносимый упрямец! Ты не спал пять дней из одного своего упрямства! И зачем, спрашивается? Неужели ты думаешь, я бы бросил тебя в этой яме совсем одного после того, как сам отправил на этот проклятый остров?

Его взволнованная болтовня отзывалась во мне сильной головной болью.

– Замолчи, – попросил я. Собственный голос прозвучал неестественно, он шел не от меня, а отовсюду.

– Нет, ну ты в своих снах, конечно, хозяин, только вот выгнать ты меня не сможешь: я слишком много сил и времени убил на то, чтобы пробраться сюда!

Голова начала уменьшаться, вскоре она стала нормального размера, а из тумана показалось остальное тело. Разрисованная кожа, лохмотья... все, как я помнил.

– У нас мало времени, ведь когда-нибудь ты проснешься и тогда ты должен быть готов действовать! – назидательно сказал Погодник, протягивая мне свою руку.

До этого я не ощущал своего тела, как будто его и вовсе не было. Однако, как только мне захотелось ответить на жест трехглазого, все необходимое тут же материализовалось.

– Я покажу тебе кое-что, – сказал он, уводя меня из пустоты в шахты с маринием. При этом мы сами не двигались: как будто какой-то художник в мгновение ока разрисовал серое ничто, придав ему облик подземных тоннелей. – Узнаешь?

Я кивнул, изумленно осматриваясь по сторонам. Судя по звукам и разговорам, тут работали люди, но я никого не видел.

– Это шахты на острове синих. Думаю, тебе будет интересно взглянуть на то, чем они тут на самом деле занимаются!

Погодник заговорщически улыбнулся и потащил меня в одно из ответвлений, откуда раздавались голоса.

К своему удивлению, я увидел, что люди там работали совсем не так, как я думал. Они молча сидели на земле, уткнувшись лбами в стены и при этом раскалывая камень инструментами! Однако голоса при этом не умолкали.

– Что они делают? Откуда голоса? – спросил я, заглядывая в отрешенные лица синих. Кажется, они не видели ни меня, ни Погодника.

– Это небольшая особенность синих, о которой стражники не догадываются, – объяснил колдун, постучав по стенам шахты. – Мариний – удивительный металл! Он хранит воспоминания обо всем, что с ним происходило. Люди, которые работают в шахтах слишком долго, умеют разговаривать с ним. Еще они умеют разговаривать друг с другом через него, передавать послания тем, кто будет работать с ним в будущем. Иначе говоря, мариний – настоящий кладёзь возможностей для тех, кто не хочет быть услышанным!

– То есть, голосов тут на самом деле нет? – недоверчиво спросил я.

– Да. Я вот ничего не слышу, – Погодник пожал плечами. – А ты слышишь, хотя это ненастоящая шахта, ненастоящие люди и ненастоящий мариний. Как думаешь, почему?

Я задумался.

Если все это – мой сон, значит, эта шахта – мои воспоминания. Выходит, я уже был тут.

– Наверное, я слышал эти голоса наяву когда-то, – решил я.

– Именно! – воскликнул Погодник. – Тот серый врал тебе. В шахте ты провел никакие не полгода, а всего-то пару недель. Но ты способный, и начал слышать мариний очень быстро.

Его слова заставили меня нервничать. В памяти начали проявляться неприятные образы. Я вспомнил о настоящих страданиях, о месте, где мне не хотелось быть... о месте, где я должен быть сейчас.

– Ага, вспоминаешь! – усмехнулся Погодник. – Согласен, ямы – настоящий кошмар. Это ведь тебе не просто дырка в земле! Дурь, которой вас заставляют дышать, лишает рассудка. Постепенно пленники ямы сходят с ума, а их воспоминания впиваются в мариний на стенах. Когда впивать уже нечего, пленника вытаскивают, отправляют к зеленым или фиолетовым, в зависимости от того, как на них подействовала отравка. Мариний же соскребают со стен и отдают специально обученным шахтерам, чтобы они расшифровали воспоминания. Именно таким образом стража узнает любые подробности всех замыслов синих... ну и других, кто вызывает подозрения.

Я с ужасом уставился на Погодника.

– Ага, – кивнул он. – Правильно пугаешься! Тебя уже второй раз бросили в яму все для той же цели: чтобы узнать, что затеял ты и твои дружки.

– Но... – я недоуменно помотал головой: слишком многое было непонятно. – Почему синие, которые якобы «говорят с металлом», позволяют забирать свои воспоминания? Как я мог забыть недели своей жизни, если тоже умел это делать?

– Уже через полчаса в яме люди перестают быть людьми: они и говорить-то с трудом могут, не то что делать что-то умное! Это ты у нас хитрожопый мутант, который спустя шесть дней еще даже сны видеть может... Честно говоря, ты сделал большую глупость, что не спал так долго! Если бы я смог раньше рассказать тебе о твоих возможностях, у тебя был бы шанс... а теперь, кто знает?

– Что ты имеешь ввиду? – я непонимающе смотрел на Погодника. Он страдальчески вздохнул и положил руку мне на плечо, как будто пытался утешить.

– Я знаю, ты сейчас мало чего помнишь и еще меньше понимаешь. Но у меня есть план, я смогу вытащить тебя, если ты соберешь все, что от тебя осталось, и поможешь мне. Ты сделаешь то, о чем я тебя попрошу? – он внимательно всматривался мне в лицо всеми тремя глазами.

– Постараюсь, – я неуверенно пожал плечами.

– Отлично, тогда идем!

Погодник взял меня за руку и вывел в основной коридор шахты. Мы пошли дальше вниз, мимо всех ответвлений.

– Примерно год назад, когда тебя впервые бросили в яму, туда попало еще человек тридцать. У фиолетовых тогда было много работы... правда, безрезультатной. Ведь через мариний можно увидеть только картинки: ни звуков, ни чувств, ни мыслей. А в ваших воспоминаниях не было ничего подозрительного, вы помнили шахты, свою работу, сон... вы даже не говорили друг с другом! Однако все вы видели в глубине шахт белый дым. Густой белесый туман окутывал все и вся, сквозь него невозможно было пробиться! Все наши мэтры магии растерянно чесали головы и пожимали плечами: никакого бунта не готовилось, говорили они. Тогда я решил стащить у них одну соскобленную со стен ямы пластину, чтобы испытать себя: ведь я был лучшим и мог разглядеть что-то, чего не видели эти недоумки. И что ты думаешь? Я тоже ничего не нашел!

Мы дошли до края шахты, и я увидел, что дальше все было окутано непроглядным белым дымом. Я испытал сильный жар, мне захотелось закашляться и уйти, но Погодник остановил меня. Он, кажется, не испытывал никаких неудобств.

– Я знаю наверняка, что синие что-то задумали: у меня есть свои источники, – продолжил он, всматриваясь в туман. – То, что они прячут, скрывается за этим дымом. Там что-то важное, понимаешь? – он сжал мою руку. – Если бы я только знал, что там, я мог бы помочь им начать действовать! Я могу многое, могу начать шторм, если потребуется, могу присниться главному стражу и заставить его на какое-то время увести всех стражников с острова... фиолетовые уже давно готовы, но, действуя в одиночку, мы ничего не добьемся! Я могу сделать что угодно, но я не знаю, что из этого подтолкнет к действию синих, понимаешь?

– Пошли отсюда, тут нельзя подолгу находиться! – попросил я, чувствуя, что еще немного и я сварюсь заживо.

– Почему нельзя? – недоуменно спросил Погодник, последовав за мной.

– Не знаю... но дышать тут невозможно!

– Вы придумали, как сделать удушающий газ?

– Не помню! Я ничего не помню...

Мы снова стояли посреди главного коридора шахты, среди бесконечного стука инструментов и несуществующих голосов.

– Но ты должен вспомнить! – сказал Погодник. – Ты должен сказать мне, что я должен сделать. Если синие не захватят свой остров и не вытащат тебя из ямы в течение двух дней, для всех нас ты будешь потерян!...

Вдруг он замер, его лицо перестало двигаться, но голос все еще звучал. Шахта вокруг начала таять, будто краска на солнце. Безликая пустота постепенно проступала сквозь эту искусную декорацию.

– Ты просыпаешься... – голос Погодника звучал откуда-то сверху, его тело исчезло. – Вспомни, обязательно вспомни этот сон! Что хочешь делай, но верни себе память к следующей ночи!...

Все исчезло.

Я ощутил, что лежу лицом в булькающей жиже, прижав колени к груди.

Я открыл глаза и попробовал сесть. Тело заныло, затекшие конечности не слушались. Так отвратительно я себя не чувствовал... наверное, никогда в жизни. Впрочем, я не мог толком ничего вспомнить. Кто знает, может, мне было и хуже?

Осмотревшись вокруг, я не увидел ничего нового: темные стены, блестящие от влажного налета испарений.

Мариний.

Впервые я услышал это слово от Барракуды, девушки, говорившей с металлом, у которого есть память. Так говорил Погодник, явившийся мне во сне...

Часть за частью, мой сон выстроился в ровную мозаику. Беседа из сна прочно укрепилась в моей памяти, однако все сказанное казалось бредом... бредом, который может присниться какому-нибудь укуренному зеленому. Говорящий, заведи его море, металл!... Может, на меня так подействовала та гремучая смесь, которой я дышу? Или же Погодник и вправду пробрался в мой сон? Кажется, он и не такое может, если захочет...

Я почувствовал, что думать становится все труднее. Мысли утекали, как песок сквозь пальцы, стало сложно сосредоточиться хоть на чем-то. Меня снова охватывало состояние полнейшего равнодушия к чему-либо. Так не хотелось сопротивляться его требовательному зову, пытаться вырваться из цепких лап забвения, которое все равно когда-нибудь наступит... Однако из чистого упорства я все же сопротивлялся.

Мне снилось, что мариний может хранить воспоминания? Может, это и бред... но ведь никаких других способов сохранить память я не знаю. Или не помню.

Из последних сил воли я заставил себя шевелиться. Я уперся ладонями и лбом в склизкие стены ямы, закрыл глаза и прислушался к своим ощущениям. К моему удивлению, мысли перестали беспорядочно крутиться, рассуждать стало проще. Я сосредоточился на прохладной стене и на том, кто я такой.

Внезапно пробудившиеся инстинкты подсказали мне, что делать дальше, как думать, чтобы металл помог мне расставить по местам сумбурные образы, осколки некогда полной картины. Начался тяжелый путь из никуда обратно в собственную жизнь.

Я провел много часов, прижавшись лбом к стене. Воспоминания отнимали много сил, которых у меня и без того не было, но я боялся прерваться. Стоило мне ослабить концентрацию и провести хотя бы несколько минут в покое, я снова начинал забывать.

Когда спустилась очередная корзина с едой, я смог до нее добраться только благодаря инстинкту самосохранения: помимо прочего, я умирал от жажды и голода.

Ежедневный обед отнял слишком много энергии, и после еды я почти сразу же уснул.

Из пустоты вновь появился голос, затем голова и тело. Погодник снова улыбался и болтал без умолку. Он говорил о том, что я трачу время, что я должен сказать ему, что происходит в шахтах. Но я не чувствовал вины: ведь он понятия не имел, каково это, не помнить, кто ты такой и через что прошел в своей жизни.

Проснувшись, я даже не потрудился вспоминать сон. Внутренний инстинкт заставил меня прижаться лбом к камню, окунуться внутрь своего сознания, где, словно расставленные на бесконечных полках, хранились дни моей жизни. Удивительно, но так я мог вспомнить даже

дни своего далекого детства... я помнил грудь своей матери. Я помнил даже лицо отца, которого, как мне казалось, я никогда не видел.

Единственный период моей жизни, к которому я не мог пробраться, был связан с пресловутым зазубренным шилом. Этот инструмент был единственным мостом к забытым воспоминаниям, но пройти по нему в задымленную глубь шахты я не мог, как ни пытался. Я подбирался с разных сторон, пытался что-то додумать, логически вывести, однако у меня так ничего и не получилось даже спустя много часов, проведенных в «беседе» с маринием.

Очередная корзина с едой упала вниз, больно ударив меня по голове. Я принялся за еду, не открывая глаз: так было проще оставаться в сознании.

Сначала я съел рыбу, затем попробовал взять губку. Как будто кто-то невидимый держал меня за локти и заставлял руки трястись: я едва ли мог управлять непослушными пальцами. Но если раскрошить в корзине рыбу было не страшно, в губке была драгоценна каждая капля.

После нескольких попыток, мне, наконец, удалось уложить ее в ладонях и поднести к лицу. Я уже приготовился сделать вожаденный глоток воды, но неожиданно сильная судорога пробежала по всему моему телу и опрокинула меня в грязь! Губка полетела в жижу, а я не мог даже протянуть руку, чтобы поймать ее. Сильная дрожь заставляла меня биться о стены пещеры, полностью лишив контроля над своим телом.

Ощущение полной беспомощности перед припадком – увы, уже не первым, – было хуже всего, что я когда-либо испытывал. Но раньше эти приступы оставляли после себя лишь синяки и слабость... теперь же из-за него я лишен воды еще на сутки. Я готов был разрыдаться, смотря на пропитавшуюся грязью губку! Понимание того, что еще секунда, и я мог бы хоть немного попить, стократно усиливало жажду.

Корзина поднялась вверх, а я все еще лежал в грязи и смотрел на ненавистную губку, валяющуюся в бурлящей жиже.

Жгущиеся пузырьки испарений, к которым я уже давно привык, мало меня беспокоили, однако сейчас я думал о том, что в каких-то из них есть частицы драгоценной воды. Вместе со смесью газов, они с хлопком вырвутся из вязкого плена и оседут на стенах, неразличимые среди прочих капель.

Я наблюдал за взрывающейся поверхностью жижи, мысленно уносясь куда-то далеко.

«Когда вода испаряется, газ занимает больший объем, чем жидкость... теперь понимаешь?»

Слова вдруг прозвучали в моей голове так отчетливо, как будто кто-то рядом шептал мне их на ухо.

Измученный, я быстро сел и уткнулся лбом в стену ямы, пока воспоминание совсем не потускнело.

Стоило мне коснуться мариния, образы в моей голове стали ярче, а слова зазвучали громче и отчетливее, будто войдя в резонанс.

Я был в шахте, стоял у того места, откуда начинался непроглядный белый дым. Голоса, не принадлежащие никому в отдельности, звучали из стен.

«Опять потерял свою дробилку, Улитка? Подпиши, что ли, а то кто-нибудь заберет себе такую новенькую!»

«Ты еще неопытен, чтобы спускаться в нижние шахты. Работай наверху, а потом, когда поднатреешь...»

«Там слишком много пара, чувствуешь себя рыбой!»

«Нельзя спускаться слишком глубоко: сварись заживо!»

«Не вздумай дробить восточную стену! Одна трещина, одна лишняя капля – и все мы взлетим на воздух!»

Я ошалело отпрянул от стены: меня как молнией ударило! Я понял, что мне нужно немедленно связаться с Погодником.

Закрыв глаза, я попробовал уснуть, но от возбуждения сон не шел ко мне. Тогда я решил попробовать другой способ. Я стал думать о трехглазом уродце, о том, где он сейчас может быть, что делает. Я бросил все силы на мысли о нем и в какой-то момент мне показалось, что я действительно чувствую его! Я уже хотел мысленно заговорить с ним, но тут вокруг меня стало происходить что-то необычное.

Я с трудом открыл глаза и обнаружил, что в яме гораздо светлее обычного. Голова страшно кружилась, мне казалось, я вот-вот потеряю сознание, но я собрал все свои силы и заставил себя посмотреть наверх.

Крышки не было... На веревках ко мне спускались два стражника. Они усадили меня на спустившийся сверху гамак и подняли из ямы.

Сознание оставило меня прежде, чем я успел понять, что происходит.

Я очнулся на лежанке в каком-то шатре. Воздух вокруг был удивительно прозрачным и свежим: я не мог им надышаться, сколько не вдыхал!

Я осмотрелся и обнаружил возле себя поднос с большой тарелкой похлебки и кувшин с водой. Не думая ни о чем больше, я выпил весь кувшин до самого дна, не помня, чтобы когда-то пробовал что-то вкуснее! Утолив жажду и голод, я почувствовал себя гораздо лучше. Теперь можно было разобраться с тем, где я оказался.

В шатре я был один. Кроме лежанки и подноса с едой тут ничего не было... Хотя нет. У изголовья была бережно сложена чистая одежда. Расправив ее, я обнаружил, что это вовсе не мои старые лохмотья, а новенькая форма стражника... Я посмотрел на себя: на мне самом не было ровным счетом ничего. Даже грязи. Видимо, кто-то раздел и вымыл меня, пока я был без сознания.

Зябкий сквозняк пробежал сквозь шатер, и я понял, что дальше лежать голышом мне не хочется.

Кое-как совладав с трясущимися руками, я сумел одеться: к счастью, пуговиц на форме стражи было совсем немного. Размер подошел мне идеально, как будто этот комплект сшили специально для меня. Новая чистая одежда – наверное, предел всех моих мечтаний после воды и еды, но все же это не могло не настораживать. Зачем мне дали форму стражника? Почему вытащили из ямы? Нужно поскорее выяснить, что происходит.

Одевшись, я попробовал встать, но это оказалось гораздо тяжелее, чем я предполагал. Ослабевшие колени отказывались держать ноги прямо, я с трудом мог удержаться хотя бы на корточках.

Тут, как будто все это время дожидался нужного момента, ко мне в шатер вошел уже знакомый серый стражник.

– Приветствую тебя, Белый Дельфин, – ехидно произнес он, усевшись напротив меня. – Помнишь меня?

– От... от... от... л-л-ич-чн-н-н-о... – ответил я, с ужасом осознав, что не могу нормально говорить! Я заикался при каждой согласной и, как ни старался, не мог этого прекратить.

– Приятно знать, что ты хотя бы в сознании, – сказал он. – У тебя появились весьма влиятельные друзья в страже: кто бы мог подумать? Вчера мне пришел приказ от самой Командующей. Она требует выпустить тебя и зачислить на службу на Остове, если от тебя еще хоть что-то осталось. Благодаря твоей живучести, я смог выполнить этот приказ, за что тебе спасибо. Видишь ли, она не жалуется тех, кто не выполняет приказов... ты это и сам скоро поймешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.